

ДИСКУРС

DISCOURSE

1/2018

Научный журнал.
Издается с сентября 2015 г.,
выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет „ЛЭТИ“ им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. М. Кутузов (председатель),
Н. К. Гигаури (зам. председателя), А. В. Звонцов (зам. председателя),
А. Ф. Иванов (главный редактор), О. Н. Артунян (отв. секретарь),
А. О. Бороноев, А. В. Волков, В. Д. Губин, П. П. Дерюгин, Т. Д. Маслова,
А. Р. Плоткина, В. П. Семенов, Е. В. Строгеекая, В. В. Тузов, И. В. Цвигун, В. В. Щербина,
Б. С. Мырзалиев (Казахстан), Т. Ронгинска (Польша), д'Аскензо Фабрицио (Италия)

ТЕМАТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ:

Философские науки

Иванов Андрей Федорович, д-р филос. наук, профессор,
зав. каф. философии СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Экономика и управление народным хозяйством

Семенов Виктор Павлович, д-р экон. наук, профессор,
зав. каф. менеджмента и систем качества СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Социологические исследования

Строгеекая Елена Витальевна, канд. полит. наук, доцент,
зав. каф. социологии и политологии СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015 г. **выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций**

Подписной индекс 71225
по объединенному каталогу
«Пресса России».
Том 1 «Газеты и журналы».
Подписка производится в любом
почтовом отделении России

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, в соответствии с требованиями приказа Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793

Электронный адрес журнала:

на сайте СПбГЭТУ «ЛЭТИ»:
в системе РИНЦ:

<http://www.eltech.ru/ru/universitet/izdatelstvo/zhurnal-diskurs>
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=55485

Адрес редакции журнала:

197376, Санкт-Петербург,
ул. Профессора Попова, 5
Тел./факс: +7 (812) 234-10-13
E-mail: discourse@etu.ru

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

197376, Санкт-Петербург,
ул. Профессора Попова, 5
Тел./факс: +7 (812) 346-28-56
Тел.: +7 (812) 346-45-23

Редакторы:

Е. О. Вережкина, О. Р. Крумина, Н. В. Кузнецова,
Н. Ю. Меньшенина

Компьютерная верстка

Е. С. Николаевой

Подписано в печать 21.02.18. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Гарнитура «Times New Roman». Печ. л. 13,5.
Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.) Заказ 18.

Содержание

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Кумпен А. А., Росенко М. Н.</i> Соотношение прогресса и регресса в развитии постиндустриального общества	3
<i>Викентьева С. А., Марков Б. В.</i> Книга и чтение как формы производства культурной памяти	8
<i>Орлова Н. Х.</i> Философские штудии на Бестужевских курсах.....	19
<i>Федоров Р. В., Пафомова Л. А.</i> Геополитические парадигмы: взаимоотношения акторов в формировании полицентричности	29

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

<i>Семенов В. П.</i> Актуальные проблемы и перспективы применения методов и инструментов менеджмента качества в организациях	40
<i>Мардас А. Н., Гуляева О. А.</i> Эконометрические методы в прогнозной оценке стратегии развития производственно-экономической системы	48
<i>Брусакова И. А., Фомин В. И.</i> Процессы и проблемы формирования человеческого потенциала	53
<i>Косухина М. А.</i> Формирование единой системы требований к оценке квалификации специалистов в области управления инновационной деятельностью как важнейшее условие осуществления эффективных инноваций	57

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Веселов Ю. В., Цзинь Ц., Лебединцева Л. А.</i> Социальные практики питания и здоровье населения (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области).....	61
<i>Савин С. Д.</i> Массовое сознание российского общества под влиянием этнонациональных версий исторического прошлого.....	71
<i>Дерюгин П. П., Ярмак О. В., Серебров Д. М.</i> Полифункциональность современной сельской семьи: теоретико-методологические основания исследования.....	84
<i>Казаринова Н. В., Чугунова А. А.</i> Социокультурные технологии политического менеджмента: обзор исследований.....	96
Сведения об авторах	103
Правила представления рукописей авторами	106

УДК 316.74:1(470)

А. А. Кумпен

Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург

М. Н. Росенко

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

СООТНОШЕНИЕ ПРОГРЕССА И РЕГРЕССА В РАЗВИТИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Рассматривается содержание и направленность развития прогресса и регресса социальных систем в различном историческом контексте. Будучи взаимосвязанными направлениями движения, прогресс и регресс являются интегральными показателями жизнеспособности социума и возможности его дальнейшего поступательного развития. Соотношение прогрессивных и регрессивных изменений в постиндустриальном обществе определяется трансформацией глобализирующейся мировой цивилизации, включающей в себя разнородные типы социально-политических сообществ. Современные реалии свидетельствуют о неразрывной связи прогрессивного развития с регрессивным вектором, что определяет изменение сущности общественных отношений. Этот сложный многоаспектный исторический процесс охватывает все сферы функционирования постиндустриального общества, определяя его структурную организацию, степень устойчивости социальной системы, уровень и характер внутренних и внешних противоречий.

Прогресс, регресс, социальная система

Прогресс и регресс выступают как два противоположных, разнонаправленных и в то же время взаимосвязанных понятия (лат. *progressus* – движение вперед, *regressus* – возвращение от достигнутого), характеризующие направленность движения и изменения, происходящие в сложных динамических системах и их структурной организации. Прогресс – это развитие системы и ее подсистем и свидетельство их жизнеспособности. Прогресс определяет переход на более высокий уровень организации системы в процессе изменения ее содержания, движение от низшего к высшему, от простого к более сложному, появление новых элементов и форм их взаимодействия. В отличие от прогресса регресс обозначает противоположное прогрессу направление изменений в содержании системы, ее упадок, деградацию, утрату жизнеспособности (постепенную, частичную или полную). Будучи взаимосвязанными направлениями движения, прогресс и регресс свидетельствуют об изменении сущности объекта и являются показателем объема этих изменений.

К вопросу о направленности изменений в движении социальных систем на протяжении длительного развития общества обращались многие ученые, что свидетельствует об актуальности данной проблемы. Однако решалась она ими с различных позиций в зависимости от уровня развития науки, реального хода и содержания социальных процессов и событий. Так, в древности Платон и Аристотель (создатели науки о диалектике) рассмат-

ривали историческое развитие как замкнутые круги, похожие друг на друга и не связанные между собой, а регресс и упадок – как неизбежный удел всякого общества. Представители материалистической линии в философии (Демокрит, Эпикур и др.) признавали прогресс и рассматривали его в качестве естественного состояния космоса. Римский философ и поэт Лукреций Кар считал, что «людям нужда указала, и разум пытливый тому научил их в движении вперед постепенном» [1]. В Средние века идея прогресса связывалась с божественным началом, рассматривалась как движение к предустановленной цели, находящейся за пределами истории. Особенно активно идеи прогресса отстаивали философы и ученые в эпоху Возрождения и раннего капитализма – Дж. Бруно, Р. Декарт, Б. Спиноза, Ф. Вольтер, которые вели борьбу с феодальными пережитками и церковными догмами. Активными сторонниками идеи прогресса в XVIII столетии выступили Ж. Ж. Руссо, П. А. Гольбах, Ж. А. Кондорсе и другие просветители, рассматривая ее как изменение судеб народов путем движения к социальным идеалам и уничтожению неравенства. Немецкий философ-идеалист Г. В. Гегель считал, что история человечества представляет собой неповторимые прогрессивные ступени, основой которых является мировой дух. Этот процесс у Гегеля завершается с воплощением его в прусской монархии.

В работах К. Маркса и Ф. Энгельса понятие прогресса и регресса впервые приобрело научное содержание. Они объясняли их содержание объективными законами развития природы и общества, рассматривая прогресс как поступательное движение социальных систем к более высокому уровню общественно-экономических формаций, а регресс – как отрицание отживших систем, социальных процессов и явлений. Прогрессивная или регрессивная направленность в изменениях общества осуществляется на основе объективных законов, но не самоотком, а через деятельность людей, и может либо содействовать объективному ходу событий, либо тормозить его. В зависимости от уровня сознательности людей, степени понимания назревших проблем, организованности субъективного фактора и др. могут меняться временные интервалы и формы проявления изменяющихся объектов. Ф. Энгельс писал, что «обстоятельства в такой же степени творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [2, с. 37]. Это определяет соотношение прогресса и регресса, являющихся процессами сложными, неравномерными, противоречивыми, представляющими две стороны одного и того же движения. Это означает, что они связаны между собой неразрывно, включены друг в друга: «каждый прогресс в органическом развитии является вместе с тем и регрессом, ибо он закрепляет одностороннее развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях» [2, с. 621]. Этот вывод принципиально важно учитывать в условиях переходных периодов движения сложных динамических систем, поскольку он означает наступление периода бифуркации, результаты которой по законам сравнительно новой науки синергетики являются принципиально неопределенными.

Это очевидно проявляет себя на примере современного постиндустриального общества, являющегося переходным в глобальных масштабах всего человечества. Ученые и философы отметили этот факт уже в 70-х гг. XX в., когда одно за другим стали появляться исследования, в которых определялись изменения, происходящие в капиталистическом обществе в связи с развернувшейся научно-технической революцией и внедрением в производство информационных технологий. Так американский социолог профессор Д. Белл, анализируя происходящие структурные изменения в мировом сообществе, писал, что они означают глубокие качественные преобразования во всех сферах общественной жизни. Позднее он сделал революционный вывод, что «в настоящее время возникает новая реальность, которая еще не исследована должным образом. В ее основе лежит изменившаяся

сущность капитала. Стоимость уже не привносится полностью производством, а в большей степени она порождается применением к нему инноваций. Следствием является воссоединение труда и капитала, а также огромная экономия на капитальных издержках» [3, с. 9.]. Эти разработанные применительно к постиндустриальному обществу вопросы позволяют спрогнозировать вектор его дальнейшего развития.

Прежде всего следует вывод о меняющейся природе капитала, что является основой существования капитализма. Из положения Д. Белла о воссоединении труда и капитала следует, что его социальной основой является именно средний класс. Постиндустриальному обществу сейчас требуется не просто рабочая сила, а высококвалифицированные работники для труда на высокотехнологичном производстве. Уже сейчас совершенно очевидно, что такую рабочую силу в современных условиях представляет новый средний класс, труд которого должен соответственно оплачиваться. Это составляет прогрессивное направление развития данного общества, но дело в том, что на этой основе возникли олигархические структуры, которые становятся таковыми, отнимая большую часть прибыли у среднего класса, по существу его разоряя. Число олигархов растет высокими темпами, а профессионалы нередко остаются безработными, что определяет регрессивные социальные явления. Крупные собственники финансового капитала далеко не всегда заинтересованы в развитии самого производства и тем самым не обеспечивают возможный прогресс будущего общества. Об этом пишет и итальянский профессор Т. Пикетти [4, с. 575], научные исследования которого получили мировое признание. Это означает, что социальная система современного общества содержит элементы регресса и упадка внутри себя, что сдерживает прогресс социума, доводя его нередко до кризисного состояния. Пока капиталистическое общество олигархического периода не будет реформировано, подобные явления будут сохраняться, тем более, что кризис современной постиндустриальной цивилизации получил глобальные масштабы, через который прогресс просматривается в минимальных размерах.

Чтобы оценить соотношение прогрессивной и регрессивной направленности изменений, происходящих в глобализирующейся мировой цивилизации, необходимо рассмотреть ее как целостную социальную систему, включающую в себя разнородные типы социально-политических сообществ, имеющих в то же время различные основные сферы и параметры жизнедеятельности. В процессе формирования постиндустриального общества ученые и политики стали замечать не только развитие научно-технического и технологического прогресса, но и развертывание глубочайшего кризиса в различных принципиально важных направлениях деятельности человека. В 1970–1980 гг. члены Римского клуба выразили тревогу в связи с перенаселением нашей планеты. Затем возникли ядерный и техногенный кризисы в связи с возможностью массового уничтожения людей. Академик Н. Н. Моисеев обратил внимание общественности на углубление мирового экологического кризиса, непрерывно идущие войны и постоянное совершенствование оружия, уносящего миллионы жизней [5, с. 4]. Однако основной кризис – это кризис самого человека, возрастание массы асоциальных людей (экстремисты, неонацисты, исламисты и т. д.), утративших какие-либо моральные и цивилизационные ценности. Все это создает питательную почву для непрерывно продолжающихся экономических, политических и других кризисов. Отмечены, например такие их виды, как кризис распределительной системы, увеличивающий опасность существования человека, кризис «агрессивного потребления» [6, с. 2.] и др. Все эти проблемы уже привели современное общество к опасной черте, за которой заканчивается цивилизационное развитие.

Ситуация, сложившаяся в мировом сообществе, еще никогда не была столь близкой к антропогенной катастрофе, когда ежедневно погибают сотни и тысячи людей в различных видах кризисного состояния общества. Но социальный прогресс – понятие многогранное. Главными элементами его сущности являются как материальные, так и морально-идейные факторы, состоянием которых определяются конечные итоги соотношения прогрессивного и регрессивного направлений в современном социуме. В настоящее время в условиях переходного постиндустриального общества продолжается война между двумя социально-экономическими системами, до предела обнажив ее идеологические основы. Россия, стремящаяся занять достойное место в авангарде прогрессивных сил современного глобализирующегося мира, противостоит агрессивным устремлениям США и других стран, развязывающих новые войны, осуществляющих цветные революции и уничтожающих целые государства. Но, несмотря на все усилия, США начали терять мировое господство, о чем свидетельствует наметившаяся тенденция размыwania Европейского Союза, созданного для объединения всех наличных сил, которыми еще располагала уже давно изжившая себя социальная система. Сейчас ей противостоит не только Россия, которая не вписывается полностью в капиталистическую систему после 70-летнего социалистического социально-политического строя, но и ряд других стран (Китай, Индия, Бразилия и др.). Соотношение сил на международной арене заметно изменилось. Интегрируются в конфедеративный союз бывшие советские республики (страны СНГ), возникают новые организации региональной экономической интеграции, ставящие своей целью проведение скоординированной политики в сфере движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы (ШОС, ЕАЭС и др.). Мир становится все более многополярным, что соответствует объективному ходу мировой истории и деятельности ее прогрессивных сил.

Таким образом, происходящие в современном мире процессы свидетельствуют о том, что прогрессивное развитие неразрывно связано с регрессивным вектором и сопровождается социальными потрясениями, войнами, революциями, потерями материальных и духовных ценностей. Прогресс и регресс в настоящее время выступают как интегральный показатель жизнеспособности социальной системы и возможности ее дальнейшего поступательного развития [7, с. 42]. Этот сложный многоаспектный исторический процесс охватывает все сферы функционирования общества, которые из-за своей разнородности меняются в рамках больших временных интервалов, но в границах относительно устойчивой системы. Основным критерием общественного прогресса является степень устойчивости социальной системы, уровень и характер внутренних и внешних противоречий, качество субъективного фактора, сознательная идеологическая направленность бифуркационных процессов. История на основе огромного опыта доказывает, что новое неодолимо, поскольку в своем развитии оно приобретает силы для очищения общества от старого, сохраняя его позитивные моменты, преобразовывая их соответственно объективным законам социального бытия. В настоящее время вопрос о возможности дальнейшего прогрессивного развития общества приобрел особую остроту и решается применительно к новым условиям социальной жизни. Общество социальной справедливости может стать аттрактором общества будущего, так как эта модель социума позволяет расширять границы общества и создавать новые жизнеспособные элементы бытия цивилизации не только по своим внешним признакам, но прежде всего по своей внутренней структуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М.: Худ. лит., 1983. 383 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 3.
3. Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности. Размышления о мире XXI века. М: Свободная мысль. 2007, 304 с.
4. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem, 2015. 592 с.
5. Круглый стол, посвященный обсуждению книги Н. Н. Моисеева «Быть или не быть... человечеству?» // Вопр. философии. 2000. № 9. С. 3–29.
6. Новиков Н. Н. Социальный прогресс: объективная необходимость и глобальные угрозы: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. Минск, 2003.
7. Росенко С. И., Росенко М. Н., Кумпен А. А. Социальная сфера жизни общества: учеб. пособие. СПб.: Изд-во НГУ им. П. Ф. Лесгафта, 2017. 69 с.

A. A. Kumpen

Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St. Petersburg

M. N. Rosenko

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

BALANCE OF PROGRESS AND REGRESS IN THE DEVELOPMENT OF POST-INDUSTRIAL SOCIETY

Maintenance of progress and regress of social systems in different historical context is considered in the article. Being interdependent directions of movement, progress and regress can be considered as integral indicators of society viability and possibility of its further development. Correlation of progressive and regressive changes in post-industrial society is defined by transformation of the globalized world civilization including heterogeneous types of socio-political systems. Modern social realities demonstrate continuous interrelation of the progressive development with a regressive vector that defines changes of public relations. This difficult multi-aspect historical process covers all spheres of post-industrial society, including its structural organization, level of stability of social system, character of internal and external contradictions.

Progress, regress, social system

УДК 130.2, 82

С. А. Викентьева, Б. В. Марков

Санкт-Петербургский государственный университет

КНИГА И ЧТЕНИЕ КАК ФОРМЫ ПРОИЗВОДСТВА КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Исследуются различные теории, описывающие читателя как реципиента или предписывающие читателю определенный способ чтения, например, антропотехники, формирующие такие способности или компетенции, как сопереживание, рефлексия, самодисциплина. В результате выявляются типы активного и пассивного чтения, устанавливаются два вектора активного чтения: работа над собой ради производства текста и работа над текстом ради производства себя. Артикулируя свои страсти и желания, человек подчиняет их социально значимым кодам и нормам, а конституируя себя как субъекта чтения, человек производит культурную память и таким образом становится общественным, цивилизованным существом. Это приводит к выводу о необходимости сохранения искусства чтения в современную эпоху медиатехнологий.

Чтение, текст, модель читателя, технологии себя, антропотехники, культурная память, медиа

Чтение – это не только получение информации, но и учреждение субъекта чтения. Множество факторов влияет на понимание фигуры читателя: предписания к телесности (чтение за столом, в тишине, чтение ритора с определенной артикуляцией, дыханием, жестами), ценностные и мировоззренческие установки (чтение Писания в Средние века или чтение массовой литературы в современности), литературные и эстетические концепции. Обычно их рассматривают как рекомендации, способствующие правильному и точному восприятию информации. Однако подобные предписания конституируют специфического субъекта чтения и являются антропотехниками, раскрывающими чтение как практику социализации, формирования внутреннего мира, личностных качеств, культурной памяти, практику артикуляции аффектов и основу коммуникации. Производство оказывается не только мимесисом, выражающим высшие ценности, но и своеобразным перформансом, обеспечивающим цивилизованное поведение.

Стратегии чтения и модели читателя. Читатель как субъект эстетического переживания является предметом многих концепций искусства, в том числе в теории Л. С. Выготского [1]. Разбирая литературные произведения, исследователь выделяет как основное их свойство противоречие между формой и материей. Например, И. А. Бунин для описания легкого дыхания подбирает самый неподходящий для того материал – сопротивляющийся, и из получившегося противоречия рождается адекватная эстетическая реакция читателя. В шекспировской трагедии противопоставлены накал переживания во время катастрофического финала и затем разрядка во время краткого заключительного слова одного из персонажей, когда все трагические события обзрываются отстраненно.

Это наблюдение психолога помогает понять, как чтение книг способствует нормализации человеческого поведения. Сталкивая форму и материал произведения, автор вызывает у читателя катарсис в форме эстетического переживания. Форма погашает содержание, что выражается в сознании читателя в столкновении, взрыве и самосжигании аффектов. Эмоции

подавляются, и нервная энергия разряжается, а в результате остается переживание «призрачности» чувств. Таким образом, «будучи само по себе взрывом и разрядом, искусство все же вносит действительно строй и порядок в наши расходы души, в наши чувства» [1, с. 386].

Восприятие искусства для Выготского связано с не столько с чувством, аффектом и переживанием, сколько с актом творчества и преодоления. «Даже самое искреннее чувство само по себе не в состоянии создать искусство. ...Необходим еще и творческий акт преодоления этого чувства, его разрешения, победы над ним, и только когда этот акт является налицо, только тогда осуществляется искусство» [1, с. 385]. Это преодоление не является только работой вдумчивого читателя – оно совершается самим текстом, его структурой, организацией. Читатель в состоянии катарсиса затормаживает аффект эстетическим, т. е. отстраненным переживанием, однако не сознает причин этого. Акт преодоления является творческим не от того, что творческое усилие осуществляет читатель, но от того, что творческим является столкновение формы и содержания, осуществленное автором. Благодаря этому происходит дистанцирование от эгоистичных влечений и желаний и порождается нечто новое, а именно сдержанное, цивилизованное поведение, которое регулируется уже не только желанием индивида, но и социальными кодами. Именно текст затормаживает непосредственную реакцию и преодолевает аффект тем, что переводит его в эстетическое переживание. Искусство с точки зрения великого русского психолога оказывается не только мимесисом, т. е. выражением красоты и иных высших ценностей, но и своеобразным перформансом, обеспечивающим цивилизованное поведение.

В. Ф. Асмус говорит о чтении как труде и творчестве. Такой подход выделяет читателя, как важную фигуру, осуществляющую самостоятельно творческую деятельность в чтении. Читатели воссоздают произведение в сознании, и разность результатов прочтения зависит не только от многоплановости произведения, но и от культуры читателя. Уровень восприятия, воссоздания, осмысления текста зависит от жизненного опыта читателя, его духовной биографии. Асмус отмечает, что часто называют произведение искусства «непонятным», если не хотят осуществлять творческую и трудовую деятельность по восприятию и осмыслению произведения, если произведение оказывается сложнее привычного, простого для восприятия [2]. Философ выделяет два вектора чтения, которые можно обозначить как активное чтение, являющееся трудом и творчеством, задействующее весь потенциал воображения, памяти, ума; и пассивное чтение, не соблюдающее условия труда и творчества, осуществляемое человеком ленивым, с закостенелым умом. Установка исследователя заключается в призыве встать на позицию читателя активного, преодолевающего желание простого и доступного удовольствия.

Подобную градацию способов чтения на пассивное и активное можно выявить в разные эпохи. К примеру, в Римской империи с распространением литературы появляются разные типы читателей. Некоторые греческие романы привлекают как высокообразованную публику, так и «среднего» читателя, увлеченного волнующими любовными сюжетами. По-видимому, граница проходила не в литературе, делившейся на части, но в степени и глубине понимания прочитанного, так как публика в целом читала одно и то же. К примеру, «Метаморфозы» Апулея или «Сатирикон» Петрония, лежащими на поверхности темами привлекали как плохо образованную публику, так и интеллектуалов, которые могли оценить риторические приемы, мастерство стиля и глубину смысла [3].

Пассивный способ чтения определяется в литературоведении схожим образом разными концепциями эстетического восприятия. Он характеризуется как поверхностное понимание сюжета, как аффективное восприятие и чтение ради удовольствия или развлечения. Однако модели активного чтения оказываются разными в разных теориях.

В концепции интертекстуальности произведение автора можно рассматривать как переработку опыта чтения других авторов. Это оказывается стратегией трансформации восприятия в собственное творчество через переживание. Чтение как творческий акт, осуществляемый читателем, представляет модель чтения, восходящую к фигуре читающего писателя.

М. В. Киселева обращается к опыту чтения Ф. М. Достоевского, Ф. Кафки, размышлениям о чтении Р. Музиля и Г. Гессе. Исследовательница отмечает, что Музиль и Кафка «телесно» прочитывали Достоевского, испытывая буквально физическое влияние текста. Это было не пассивным восприятием, переживание становилось собственным событием духовной и телесной жизни. «Через телесное потрясение, через вчувствование и сопереживание в процессе чтения появляется нечто новое» [4]. Г. Гессе различал читателя-потребителя и понимающего читателя, для которого книга – отправная точка для собственных размышлений. М. В. Киселева соотносит эти типы с тремя способами чтения у Музиля: чтение как суггестивное влияние; понимание и переработка усвоенного; как потрясение души и тела при чтении, которое является залогом высшего понимания и возможность зачинания творчества. Эта третья ступень превращает процесс восприятия текста в точку отсчета для собственных мыслей, смыслов, переживаний. При этом «прочитав, Музиль забывает и сюжет, и идеи, и стилистику романа, а сохраняет свое “изменившееся Я”, свои физические ощущения и ментальные переживания» [4].

Такая модель раскрывает чтение как субъективацию прочитанного, установку на себя как читателя. Преодоление текста совершается в контексте технологии себя, которую М. Фуко определяет как возможность людей «совершать определенное число операций на своих телах и душах, мыслях, поступках и способах существования, преобразуя себя ради достижения состояния счастья, чистоты, мудрости, совершенства или бессмертия» [5, с. 100]. В этом смысле текст преодолевается как текст, чтение оказывается заботой о себе, а произведение – своеобразным другим, обращаясь к которому и возвращаясь к себе, читатель преобразует себя как субъекта.

К модели чтения как технологии себя М. Фуко пришел в процессе исследования духовных практик периода Римской империи. Они предполагали особое философское чтение, сосредоточенное на немногих текстах и даже отрывках из них. Существовала практика резюме и антологий, цитаты переписывались в письмах с сопутствующим их объяснением. Чтение было не знакомством с работами автора или пониманием учения, но поводом к рассуждению, *meditatio*. М. Фуко подчеркивает, что рассуждение не является толкованием: «*meditatio* служит тому, чтобы усвоить [мысль], освоиться с ней столь глубоко, что, с одной стороны, исчезают сомнения в ее истинности, с другой – появляется возможность повторять ее всякий раз, когда возникнет необходимость или представится случай» [6]. Цель чтения – оснащение себя истинными суждениями, в этом смысле и происходит субъективация истиной речи и через это – становление субъекта. Таким образом осуществляется забота о себе, *epimeleia* – установка, направление взгляда, некие действия, которые производятся над собой, изменяют себя.

Дальнейшая история западного субъекта, ключевым моментом которой М. Фуко называет практику исповеди как развитие интроспекции, а также история практик чтения показывают, что читатель, осуществляющий заботу о себе, все больше сосредоточен на «себе» как индивидуальности. Чтение становится личным даже интимным актом. Соответственно, субъективация совершается не столько в искусной речи, сколько во внутреннем переживании; размышление становится производством собственных смыслов.

Чтение как технология себя является способом работы над собой, изменением себя в смысле приобретения определенного опыта. Текст присваивается читателем как собственное переживание, как возможность размышления и главное – творчества. Так практика чтения оказывается практикой духовной и даже телесной, направленной на изменение и преобразование себя. К. С. Пигров называет обучение чтению и письму не только социализацией, но и цивилизацией человека в смысле овладения символическими измерениями и обретения через них полноты бытия и творчества [7].

Описанный ранее подход к чтению отличается от роли читателя, как ее понимает У. Эко. Исследователь вводит понятие модели читателя (М-Читатель) и описывает конституирование этой модели. Он показывает, как совершается процесс чтения, анализирует переход от плана выражения в план содержания. Здесь учитываются коды и субкоды, риторическое, стилистическое и идеологическое гиперкодирование, фреймы, топики и фабула. Все указанные понятия оказываются элементами концептуализации опыта чтения, и то, каким образом читатель с ними работает, влияет на его понимание текста. Один из самых показательных примеров – идеологическое гиперкодирование. С одной стороны, У. Эко отмечает, что читатель воспринимает текст со своей идеологической точки зрения, которая может совпадать с авторской и тогда обеспечивать понимание текста, а может быть иной и приводить к совершенно неожиданному толкованию. С другой стороны, всякий текст имеет свои идеологические структуры, и читатель должен их распознать [8]. Понятие «модель читателя» описывает такого человека, который пытается интерпретировать текст, исходя из самого текста, но не из личных предпочтений и установок.

Модель читателя оказывается в зависимости от текста, т. е. определяется не читающим человеком с его личным восприятием, основанном на характере или жизненном опыте. Напротив, читатель в процессе интерпретации актуализирует только ту часть своего жизненного опыта, необходимость которой для чтения задается текстом. У. Эко называет это энциклопедической компетенцией, включая сюда компетенцию интертекстуальную, говоря тем самым о важности скорее некоторого набора знаний при чтении, нежели личного мнения и отношения. «Каждый тип текста явным образом выбирает для себя как минимум самую общую модель возможного читателя, выбирая: 1) определенный языковой код, 2) определенный литературный стиль, 3) определенные указатели специализации» [8, с. 17]. М-Читатель – это тот комплекс благоприятных условий (определяемых в каждом конкретном случае самим текстом), которые должны быть выполнены, чтобы данный текст полностью актуализовал свое потенциальное содержание» [8, с. 25]. Однако это не прямая зависимость, в которой читателю отводится вторичная, подчиненная роль. Напротив, только М-Читатель и оказывается действительно активен и свободен по отношению к тексту.

Необходимо разобраться, что за тексты определяют модель читателя. Эко условно разделяет тексты на «закрытые» и «открытые», где первые являются ориентированными на четко определенную группу читателей, чьи реакции во время чтения однозначно предзаданы. Такой текст не нуждается в творческом сотрудничестве с читателем, тогда как открытый текст включает в себе некоторую степень неоднозначности как возможности интерпретации и активного участия читателя в исполнении текста.

Открытый текст обладает «стремлением к суггестивности» [8, с. 94]. Эко обращается к понятию суггестивности как заложенной в тексте неоднозначности, намека, наведения на

мысль без четкой формулировки. Смысл или переживание не навязывается, он растворяется в недосказанности, тем самым позволяя читателю самому совершить усилие по их восприятию. «Открытое» произведение является полем возможностей для завершения произведения читателем [9]. Поле возможностей отнюдь не означает хаоса и бесконечности интерпретаций, напротив, произведение имеет внутреннюю структуру, автором задается порядок в виде организованного беспорядка, который увеличивает информативность [10]. Неоднозначности и двусмысленности оказываются условием возможности самостоятельной интерпретации читателем.

Чтобы выполнить творческую работу по достраиванию и исполнению произведения, необходимо увидеть, какие именно возможности предполагает структура произведения, какие ходы и интерпретации соответствуют произведению, а какие относятся не к тексту, а лишь к личным предпочтениям читателя. Задача читателя как соавтора – исполнить уже данное произведение, а не создать нечто новое. «Если его [Улисса] читает не “тот” читатель (как бы М-Читатель с обратным знаком, неспособный справиться с задачей, которая ему предлагается), то “Улисс que Улисс” не состоится. В лучшем случае он станет другим текстом» [8, с. 22].

Хотя читатель детерминирован текстом, но как образцовый читатель, как идеальный субъект чтения он активен и свободен – именно в сложном соотношении открытости текста и собственной компетенции. Читатель оказывается активным субъектом чтения, обладающим силой для осуществления текста и свободой для его исполнения, только если перестроит себя соответствующим тексту образом.

В работе «Шесть прогулок в литературных лесах» Эко вводит понятие образцового читателя, противопоставляя его читателю эмпирическому. Последний является своего рода «рядовым» читателем, который знакомится с текстом произведения без каких-либо особых усилий и специальных методов. Основная особенность эмпирического читателя – восприятие произведения сквозь призму собственных эмоций и личного опыта, т. е. восприятие непосредственное и субъективное. Такой читатель (или слушатель, зритель) зависит от своего настроения, своих переживаний, пассивных аффектов – он использует текст, а не интерпретирует, как делает это читатель образцовый. Образцовый читатель всегда имеет в виду, что текст – не его личная собственность, что текст имеет свои правила (правила игры). И образцовый читатель стремится выяснить эти правила и читать (играть) по ним [11]. Если наивный читатель следит за развязкой, то искушенный читатель не торопится дочитать произведение до конца, а наслаждается интерпретацией и множественностью прочтения. Такой образцовый читатель уже действительно не является читателем эмпирическим. Образцовый читатель – это и есть модель читателя, тот идеальный читатель, который детерминирован не своей индивидуальностью, но текстом, и только так может быть соавтором, исполняющим произведение.

Названия работ У. Эко «Роль читателя», «Открытое произведение искусства» и другие хорошо передают суть современного литературного поворота. Ведь исследователь говорит не только о той деятельности, которую осуществляет читающий, но и о характере этой деятельности. Человек исполняет определенную роль, образец которой представляет модель читателя. Чтобы исполнить роль соавтора и участвовать в созидании, творении текста, читатель должен преодолеть себя, преодолеть «эмпирическую» свою часть и преобразовать себя в субъект чтения, зависимого от текста.

Среди разных рецептов умного письма и медленного чтения можно выделить попытки Ницше написать «музыкальные» книги, которые бы своей тональностью превосходили Вагнеровские оперы и воодушевляли читателя на великие свершения. Этот проект по-

разному воплотили С. Георге и Т. Адорно. Если первый побуждал своих учеников писать книги о великих исторических личностях и тем самым показать примеры для подражания, то второй напротив, ориентируясь на новую музыку А. Шенберга, считал задачей философа раскрывать диссонансы действительности. К сожалению, встреча книги и жизни осуществилась не так, как хотелось. Из круга Георге вышли некоторые идеологи фашизма, а «Негативная диалектика» Адорно стала «поджигательной» в 60-е гг. XX столетия. Поэтому отказ искусства от мимесиса в пользу перформанса далеко не безопасен.

Более умеренным выглядит предложение Ж. Делеза, который предлагал писать философские сочинения в форме детектива, как своеобразный криминальный роман и одновременно научная фикция [12]. Философы пишут о том, о чем у людей нет четкого представления. Предмет их размышлений располагается там, где знание и незнание переходят друг в друга. Поэтому философы вынуждены прикидываться учеными. В эпоху фикционализма в этом уже нет надобности. Ф. Ницше и С. Кьеркегор нашли новые средства выражения философских проблем. Они впервые поставили задачу заменить репрезентацию трансцендентной реальности производством знаков. Философия становится похожей на театр, а философ на режиссера. Ницше и Кьеркегор не просто философствовали о театре, но и основали философию как театр будущего, а Кьеркегор использовал технику маски. Он представил трагизм веры и подчинил логику рассудка спиритуальному движению души. «Рождение трагедии» Ницше – это тоже не рефлексия, а воплощение античного театра в тексте. Театр Ницше включает сцены отрицания и жестокости, юмора и иронии. Вечное повторение одного и того же вызвано «смертью Бога», т. е. утратой веры в смысл бытия и прогрессивное развитие общества. Напротив, театр веры Кьеркегора основывается на возвращении Бога. По Делезу, различие между Кьеркегором и Ницше сводимо к различию повторения у одного в сфере духа, у другого на земле. Театр повторения демонстрирует игру чистых сил, непосредственно воздействующих на дух. Там говорят языком жестов и телодвижений, пользуются масками призрака. Повторение осуществляется у Кьеркегора прыжком, а у Ницше танцем. Они перечеркивают повторение как мимесис, раскрывают искусство как своеобразный перформанс, как антропотехнику производства человеческих страстей и желаний.

Судьба книги и чтения в условиях современности. Стандартный ответ на вопрос, почему чтение книг облагораживает человека, дает теория познания. Слова выражают истину, в соответствии с которой осуществляется действие. Литература является также носителем морали: читатели оценивают свои поступки на основе различия плохого и хорошего. Таким образом, единство людей обеспечивается одинаковым пониманием истинного и ложного, плохого и хорошего. Кроме того, искусство приобщает к прекрасному, возвышенному, нормализует страсти и желания людей. Идейное наследие как форма культурной памяти обеспечивает преемственность социальных отношений между поколениями, и даже революционные изменения социума не приводят к фундаментальной смене семантической надстройки [13].

Как же можно упорядочить спонтанный и беспорядочный мир страстей? Первый шаг – их описание. Этим занимаются воспитатели, моралисты, ученые-психологи, наконец, поэты и писатели. Одни придумывают идиомы, а другие постулируют нормы. Как же нормализуются, становятся общезначимыми индивидуально переживаемые чувства? Про-

блема в том, что язык плохо приспособлен для передачи внутреннего опыта: никто не может описать, каково ему сейчас в своем теле. Поэтому следует поставить вопрос иначе: как социальные коды формируют социально одобряемые чувства? Переживания обусловлены не только внутренними потребностями организма, но и социальными нормами. Люди, вероятно, испытывают одинаковые чувства голода, желания любви и власти и получают при этом удовольствие. Но так ли обстоит дело с искусственными культурными потребностями? Скорее всего, они формируются как общезначимые образцы для подражания. Начиная с XVII в. в журналах публикуются романы, в которых описываются переживания героев. Они не просто артикулируются, но интерпретируются как причины тех или иных социальных действий. Во-первых, романы являются сообщениями об интимных человеческих чувствах, во-вторых, они предлагают социально и культурно значимые формы их цивилизованного проявления. Когда на смену придворной галантности приходит романтическая любовь, меняются коды, упорядочивающие поведение мужчин и женщин. На место облагораживания объекта любви, приходит рефлексия, управляющая работой воображения.

Противоречие классического романа видится в том, что, с одной стороны, описание страстей интенсифицирует чувства, а с другой – нормализует их и тем самым способствует воспитанию добродетели. К сожалению, гармония индивидуально переживаемых чувств и форм их социально приемлемого выражения оказалась нарушенной. Уже в XVIII в. возникает фривольный дискурс, направленный против морали. В XX в. был популярен психоанализ, который стал выражением принципа наслаждения. Так оказались разбитыми мораль и разум – главные регулирующие инстанции человеческого поведения. Чем же ответила массовая культура на эту угрозу? Как кажется, она стала обращать меньше внимания на заботу о душе и больше на заботу о теле. Это привело к инфляции любовного дискурса. Однако проблема состоит вовсе не в редукции к физиологии и сексологии. В современном обществе преобладают безличные формальные отношения, в которых люди выступают как объекты или агенты социальных институтов. Поэтому актуальным оказывается поиск себя, рефлексия и селекция самости. Вместе с тем поиски идентичности осуществляются на публичной сцене путем представления себя. При этом различие внутренних переживаний и их внешнего проявления уходит на задний план. Литературное кодирование страсти с целью приспособления человека для социальной деятельности становится ненужным.

Если раньше говорили о приоритете слова в культуре, то сегодня книжная культура с ее цивилизационными механизмами вытесняется масс медиа, которые влияют на поведение людей не понятиями и обоснованиями, а завораживающими душу звуками и зрелищами. Философы, обученные анализу текстов, испытывают затруднения в понимании воздействия образов. Изобретение телевидения и создание интернета радикально изменило сложившиеся в рамках книжной культуры технологии воспитания. В клипах и блокбастерах дети видят образы и действия героев и ничего не знают о духовных чувствах. Многие культурологи считают, что современные медиа воспитывают «видиотов».

Считается, что мы живем в информационном обществе. Между тем во Всемирном докладе ЮНЕСКО отмечается необходимость перехода к обществу знаний, что означает дополнение технологий социальными, культурными, этическими и политическими параметрами [14]. Отсюда необходимо не сокращение, а реновация гуманитарных наук и образования,

которые остаются, во-первых, институтами хранения исторической информации, во-вторых, способами производства исторической памяти. Таким образом, литература и искусство тоже обретают социальное и политическое предназначение, становятся частью социальной реальности. Вместе с тем следует отдавать отчет в недостаточности традиционного «эпистолярного» гуманизма в условиях современности. Университеты и прочие образовательные учреждения стали аутопоэтическими, профессора не обсуждают проблемы жизни, а только сравнивают различные дискурсы. Сложилась каста «академических мандаринов», явно подавляющих все новое и необычное. Не удивительно, что проповедники «менеджмента знания» полагают, что сопротивление новым технологиям образования вызвано опасениями, что они оставят без работы многих гуманитариев. Не нужны ни библиотеки, ни музеи, ни театры, ни даже университеты в прежнем количестве. Учреждения культуры и образования станут виртуальными, а сам процесс обучения и освоения знаний и ценностей интерактивным. На самом деле это приведет и приводит к радикальной трансформации человека, и это видно на примере не читающей книг молодежи. Медиасреда делает их другими, погруженными в себя. Лишенные живого общения, они утратили способность сопереживания. Именно это стало причиной разрыва поколений. Наши дети лишены живой памяти о прошлом, они питаются той историей, которую создают журналисты и ведущие телешоу. Даже социальные сети, где, казалось бы, каждый может сообщить то, что было на самом деле, не являются носителями живой памяти об истории. Очевидцы, непосредственные участники событий рассказывают ужасные подробности, которые лучше не знать. Но главное в том, что они не позволяют понять социальный смысл происходящего. Вместо осмысления того, почему нечто стало возможным, демонстрируются зверства, которые притупляют сострадание и делают жестокость чем-то обычным.

Очевидно, что сегодня уже не книги и лекции, не истина и мораль, а медиа формируют как ментальность, так и телесность людей. При этом нельзя отмахнуться от них, говоря, что это всего лишь средства, посредники передачи знания и традиций, что они ничего не меняют, разве что являются более экономными. На самом деле сегодня уже не книги и произведения высокого искусства задают образцы для подражания. Людей формирует новая искусственная окружающая среда. П. Слотердайк предложил для ее описания понятие «человекопарк» (по аналогии с технопарком), включив в его арсенал медиатехнологий воздействия на человека. При этом он отметил недостаточность традиционных техник гуманизации, основанных на изучении классиков, и даже упрекнул систему образования в «культурном империализме» [15, с. 71].

Нельзя игнорировать воздействие новой техники на человеческую природу. Общество потребления не нуждается в традиционной этике. Поэтому новый социальный проект должен учитывать реалии современности. Религиозный или идеологический фундаментализм приведет только к раздуванию конфликтов. И все же было бы бездумным предоставить рыночной экономике неограниченное право выбора такой модели социальной реальности, которая обеспечивает ее развитие. Критико-аналитическая функция философии должна проявиться в форме диагностики новых социальных пространств и складывающихся там практик коммуникации.

На наших глазах разрушаются традиционные пространства совместного проживания людей, утрачивается культура межличностного общения. Название книги Д. Рисмена (в разных переводах «Одиночество в толпе», «Одинокая толпа») оказалось пророческим [16]. Люди замыкаются в капсуле собственного существования и, пожалуй, единственное, что

их объединяет, это телевизор для старшего поколения и социальные сети для молодых. Прикрываясь тезисом о «деидеологизации» журналисты предлагают репортажи с места событий, где показывают разрушения и страдания жертв. Непрерывная лента новостей, где одна хуже другой, не оставляет времени на анализ и осмысление причин произошедшего. Публичное обсуждение и критическая рефлексия блокируется. На это можно возразить, указывая на популярность многочисленных телешоу, где медийные звезды спорят о насущных проблемах современности. На самом деле это только видимость публичной дискуссии, непременным условием которой является свободное выражение мнений и их критическое обсуждение, в результате которого принимается решение удовлетворяющее, если не всех, то, по крайней мере, большинство участвующих в дискуссии. Телешоу напоминают не греческую агору – городскую площадь, где сообща обсуждались и решались общественные проблемы, а, скорее, римский Колизей, где все решала сила. Так и на телевизионном ринге в центре внимания оказывается победитель, а не обсуждаемая проблема.

Писатели, журналисты, идеологи, деятели и работники культуры формируют то, что сегодня называют исторической памятью. Попытка трансформировать ее в нужном направлении, предъявляя факты, извлеченные из закрытых архивов, удается далеко не всегда. На молодых ранее замалчиваемые факты действуют эффективнее, чем на людей, обремененных исторической памятью, которую сформировали уроки истории, СМИ, рассказы свидетелей, наконец, собственный опыт. Сегодня уже нет живых свидетелей революционных событий, а участники великой отечественной войны достигли биологически предельного возраста. В этих условиях молодежи трудно сопротивляться разного рода скандальным фактам, которые, повинаясь законам рыночной экономики, распространяют журналисты. Это и есть одна из причин сегодняшнего разрыва поколений, бреши в общей исторической памяти, результатом которой становится конфликт. Появляется проблема обращения с новыми и прежними культовыми фигурами и знаковыми событиями. Выходом могло бы стать осознанное разделение ценностей как критериев для оценок: мы не можем безапелляционно судить прошлое на основании сегодняшних ценностей, следует принимать во внимание как идеи, так и исторические обстоятельства, определяющие поведение наших предков. И вопрос о будущем, о направлении изменений для нашего общества, о том, какие же ценности должны его определять, – весьма сложен и не вполне зависит от наших сегодняшних моральных предпочтений.

Нужно понимать, какие тенденции современности можно трансформировать, а на какие повлиять уже нет возможности. От новой техники уже нельзя избавиться, ведь не выбрасывать же телевизоры и планшеты, но нельзя ли использовать рыночную экономику и новые медиа как-то иначе, прежде всего для того, чтобы формировать людей, способных жить мирно и дружно? Или они обрекают людей на эгоизм, и с этим нужно смириться, а не мечтать больше о дружбе, связывающей свободных людей в человеческие коллективы? Подобные вопросы возникали на заре капитализма, когда на арену истории вышли автономные индивиды, ведущие борьбу за признание. Но тогда удалось заключить нечто вроде общественного договора, который, конечно, никто добровольно не подписывал и все же выполнял, повинаясь Левиафану, государству необходимости и рассудка. Что же сегодня связывает людей, заключенных в своеобразные капсулы? Книжная культура открыла новые формы эмансипации, но создала другие зависимости. Именно благодаря ей открылась возможность гуманизации людей. Точно также основанное на функциональных отношениях общество и цифровые тех-

нологии порождают новые формы как отчуждения, так и освобождения. И так было всегда. Поэтому необходима постоянная рефлексия возможностей и исключений, предлагаемых различными формами коммуникации и социализации. Книга – это форма культурной памяти, своеобразный культурный «мем» (по аналогии с «геном»), сохранение которого составляет высшую цель и предназначение литературы. Книги как бы продлевают жизнь автора и читателей, растягивают ее во времени, преодолевают обособление индивидов. Они являются формой памяти и позволяют ускользнуть от капкана времени, ибо приобщают к вечному. Чтение книг способствует пониманию целостности мира. То, что в жизни иногда воспринимается как абсурд, вызывающий раздражение, благодаря поэтике, становится осмысленным. Сегодня на место больших исторических нарративов приходят набирающие популярность исторические игры, в которых люди становятся не просто читателями историй, а участниками событий. Может быть, они и являются эффективным способом реновации культурной памяти? Следуя их примеру, стоит продумать пути модернизации других учреждений книжной культуры – университетов, библиотек, музеев. Подобно современной модели читателя школьник, студент, посетитель музея должны из пассивных слушателей и зрителей превратиться в активных участников воспитательного и образовательного процесса.

Книга – это не просто информация, она является формой жизни, продуктом той или иной культуры и одновременно средством формирования и развития людей. Книги – это не только свод знаний. Их сочинение и чтение способствует очеловечиванию человека. Существуют подходы, которые сосредоточены на читателе, раскрывающие его роль и усилие в восприятии произведения. Различным оказывается отношение к субъекту чтения. Литературное произведение может быть понято не только как мимесис, но и как перформанс, антропотехника производства человеческих страстей и желаний, преобразование аффекта. Чтение может быть ориентированным на читателя, его опыт, индивидуальное восприятие и переживание при чтении. В этом случае само чтение становится частью жизненного опыта, субъективируется. Результатом этого процесса может быть собственное размышление, начало собственного творчества или воспитание, образование и преобразование себя. Преодоление пассивного восприятия оборачивается активной творческой трансформацией себя. Такой подход оказывается способом производства субъективности, а чтение выступает технологией себя. Другой способ чтения, представленный У. Эко – конструирование читателя как специфического субъекта, детерминированного структурой произведения. Жизненный опыт, индивидуальное восприятие, личные предпочтения при таком подходе стремятся к элиминации, так как препятствуют пониманию текста. Только преодоление установки на «эмпирическое» прочтение делает возможным творческую деятельность читателя по осуществлению художественного произведения. В результате выделяются два вектора активного чтения: работа над собой ради производства текста и работа над текстом ради производства себя. И оба вектора предполагают достижения идентичности путем производства культурной памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выготский Л. С. Психология искусства. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
2. Асмус В. Ф. Чтение как труд и творчество // Вопросы теории и истории эстетики. М.: Искусство, 1968. С. 55–68.
3. Кавалло Г. От свитка к кодексу // История чтения в Западном мире от Античности до наших дней / ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье; пер. с фр. М. А. Руновой, Н. Н. Зубкова, Т. А. Недашковский. М.: Фаир, 2008. С. 161–189.

4. Киселева М. В. Дневник читателя и поэтика «страшного» // *Вопр. философии*. 2014. № 5. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=970&Itemid=52 (дата обращения: 10.10.2017).
5. Фуко М. Технологии себя / пер. с англ. А. Корбут // *Логос*. 2008. № 2 (65). С. 96–122.
6. Фуко М. Герменевтика субъекта / пер. с фр. А. Погоняйло. URL: <http://e-libra.su/read/353594-germenevtika-subekta.html> (дата обращения: 10.10.2017).
7. Пигров К. С. Чтение и письмо как технологии «заботы о себе» // *Межкультурные взаимодействия и формирование единого научно-образовательного пространства*. СПб.: Изд-во Ресурс. центра соц.-гуманит. исследований СПбГУ. 2005. С. 27–48.
8. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2007. 502 с.
9. Eco U. *The Open Work*. Cambridge: Harvard University Press, 1989. 285 p.
10. Усманова А. Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Минск: Пропилеи, 2000. 200 с.
11. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / пер. с англ. А. Глебовской. СПб.: Симпозиум, 2002. 288 с.
12. Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
13. Луман Н. Самоописания / пер. с нем. А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Логос; Гнозис. 2009. 320 с.
14. К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005.
15. Слотердайк П., Хайнрихс Г.-Ю. Солнце и смерть: диалогические исследования / пер. с нем. А. Перцева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 608 с.
16. Risman D., Glaser N., Danney R. *Lonely crowd. The study of american character*. New York: Vail-Ballou Press, Inc., Binghamton, 1950. 315 pp.

S. A. Vikentyeva, B. V. Markov
Saint Petersburg State University

A BOOK AND READING AS FORMS OF CULTURAL MEMORY PRODUCTION

This article studies various theories describing a reader as a recipient or prescribing a reader a certain way of reading, and reviles them as anthropotechnics forming such abilities or competences as empathy, reflection, self-discipline. As a result active and passive reading types are discovered and two vectors are established: work at self-improvement to produce a text and work at text to produce one's own self. Articulating passions and desires, a person subordinates them to socially important codes and standards; constructing himself as a subject of reading, a person produces cultural memory, and thus becomes a public, civilized being. This leads to the conclusion that it is necessary to preserve the skill of reading in contemporary time of media technologies.

Reading, text, reader model, technology of the self, anthropotechnics, cultural memory, media

УДК 1(091)

Н. Х. Орлова

Санкт-Петербургский государственный университет

ФИЛОСОФСКИЕ ШТУДИИ НА БЕСТУЖЕВСКИХ КУРСАХ¹

Анализируется формирование традиции философской подготовки на Высших женских (Бестужевских) курсах, которые открываются под влиянием идей о равноправии мужчин и женщин. На основе архивных документов и воспоминаний современников показано, что лекции для слушательниц читали ведущие профессора Петербургского университета по тем же университетским программам, что и для университетских студентов, и эта традиция выходила далеко за рамки формального чтения курсов философии и логики. Приводятся примеры участия курсисток в серьезных издательских проектах, становления их как полноправных членов Петербургского философского общества и включения в преподавательскую деятельность.

Бестужевские курсы, Санкт-Петербургский университет, М. Безобразова, В. Половцова, А. Тумаркин, русская философия, Философское общество, «женский вопрос»

«На том же соборе поднялся кто-то из епископов и сказал, что нельзя называть женщину человеком. Однако после того как он получил от епископов разъяснение, он успокоился. Ибо священное писание Ветхого завета это поясняет: вначале, где речь шла о сотворении богом человека, сказано “...мужчину и женщину сотворил их, и нарек им имя Адам” [Быт. 5:2], что значит – “человек, сделанный из земли”, называя так и женщину и мужчину; таким образом, он обоих назвал человеком. Но и господь Иисус Христос потому называется сыном человеческим, что он является сыном девы, т. е. женщины... Этим и многими другими свидетельствами этот вопрос был окончательно разрешен».²

Обзор философской рефлексии русских мыслителей с середины XIX в. на так называемый «женский вопрос», который активно дискутировался в западной Европе (Спенсер, Милль, Конт, Вейнингер и др.), показывает, что российское общество чутко реагировало на эти темы, отвечало полемическими публикациями. В дискуссии вовлекаются писатели, общественные деятели, философы. В современной историографии издано значительное число библиографических справочников, которые освещают публикационный дискурс того времени по проблеме «женский вопрос» (см. например: [2], [3], [4]). Различают либеральный дискурс (А. Амфитеатров, П. Безобразов, Л. Петражицкий, В. Розанов и др.), ортодоксальный (П. Бакунин, Н. Страхов, Л. Толстой и др.), социалистический (К. Каутский, В. Ленин и др.), феминистский (З. Венгерова, А. Евреинова, М. Лялина, П. Стасова и др.). Бурное обсуждение «женского вопроса» на русской почве с неизбежностью включало в себя тему расширения прав женщин в образовании, проблемы совместного обучения, доступ в профессию. В данной статье автор опирается на этот вектор тех дискуссий: в них определялось отношение к возможности доступа женщин в систему образования, как в целом, так и специального профессионального, которое открывало перед ними двери в профессию, уравнивало в экономических правах и возможностях. Университетское образование в этом смысле обеспечивало доступ в

¹ Работа выполнена в рамках международного исследовательского гранта NCN № DEC-2017/25/B/HS1/00530.

² Речь идет о Маконском Соборе (585 г.), на котором инициируется вопрос о правомерности употребления слова *hoto* (человек) к женщине [1, с. 230].

научные элиты, в академическое сообщество. Периодика второй половины XIX – начала XX в. обязательным образом включает полемические статьи на эти темы. Журнал «Женское образование» был своего рода дискуссионной площадкой, которая сегодня в исторической ретроспективе позволяет воссоздать направления и динамику изменений в системе женского образования. Уже то, что название журнала к концу XIX в. меняется на «Образование», свидетельствует о том, что к этому времени в обществе в целом и в академической среде в частности сложилось понимание, что острота вопроса если не снята, то выведена в иную плоскость.

Анализ взглядов большинства участников полемики о женском вопросе, о включении женщин во все социальные институты на равных с мужчинами основаниях показывает, что даже самые прогрессивные не могли оторваться от доминирующих стереотипов. В. В. Розанов, при всем выделяющем его пиетете к женщине, брезгливо писал именно об ученой женщине, которая «синий чулок», «стриженная» и «ходит на курсы, на митинги, спорит, ругается, читает, переводит, компилирует» [5, с. 277]. Бакунин отдельную книгу посвятил тому, чтобы убедить общественность, что женщину недопустимо включать в систему профессионального образования, так как это создаст жесткую конкуренцию мужчинам, и они совсем «сопыются» и потеряют свой статус [6]. Выходило изрядное число работ, в которых обосновывались сомнения по поводу биологических и умственных способностей женщин к наукам и профессии.

Дискуссия по «Крейцеровой сонате» [7], стенограмма которой вышла в начале века отдельной книгой под названием «Сущность брака» [8], достаточно ярко отражает положение вещей. К слову сказать, «назначение» женщины в контексте институтов брака и семьи, было самым сильным аргументом не в пользу расширения прав женщин в образовании и профессии. Наиболее традиционный дискурс апеллировал к деструктивным трансформациям этих институтов, связывая их с отказом женщин соблюдать традиционный гендерный контракт.

Когда в 1861 г. в формате обсуждения проекта нового устава университетов Департамент народного просвещения предложил профессуре университетов высказаться о «допущении вообще» женщин, об условиях «при таком допущении» и о правах и возможностях ученых степеней как доступа в профессию, было понятно, что пришло время, когда решения этого вопроса не избежать. Но было также очевидно, что решение это будет разделено на три вектора, для каждого из которых предстоит готовить общественное мнение, академическое сообщество, правовые институты, саму организацию университетов. Итоги дискуссии университетских профессоров были изданы отдельной книгой под названием «Замечания на Проект Общего устава императорских российских университетов» [9]. Профессура Харьковского, Санкт-Петербургского, Казанского университетов, а также университета св. Владимира дали в целом положительные ответы. Особую позицию занял совет Московского университета, который ответил на предложенные вопросы категорически отрицательно. В крайне лаконичном ответе использовались такие выражения, как «не допускать», «ни под каким предлогом», «вредное влияние».

Привлекательным компромиссом для правительства в то время стала идея организации при университетах отдельных высших учебных курсов для женщин, но и на ее полноценное превращение в жизнь понадобилось больше десятилетия. Споры, описанные в книге, всего лишь ознаменовали начало этих процессов. Ситуация в науке заметно меняется к началу XX в. Загорающаяся во второй половине XIX в. традиция университетского образования для женщин сыграла здесь свою ключевую роль. В университетских аудиториях, лабораториях, научных кружках формировалась академическая элита «женского рода». Однако еще долго диплом лю-

бых российских высших женских курсов, в отличие от университетского диплома, не давал их обладательницам широких прав на профессию. Летописи выпускниц дают представление о том, что самой доступной для них была лишь преподавательская деятельность (см., напр. [10]). На решение поставленных вопросов, на «привыкание» общества, академического в том числе, к ученой женщине как норме, ушло в общей сложности около пятидесяти лет.

И все же идея университетского образования для женщин институализируется именно с помощью Высших женских курсов. В их стенах женщина не только номинально получала некий набор знаний, непосредственно соприкасались с академической традицией научного творчества, но, что самое важное, преодолевала культурные стереотипы о невозможности присутствия женщины в науке. В отчетах подчеркивалось, что Высшие женские курсы в России – это учебные заведения «с общеобразовательным академическим характером и методом преподавания» [11, с. 19]. Уникальность многих курсов заключалась в том, что, не будучи формально подчинены университетам, они функционировали по университетским программам под патронажем университетских профессоров, а иногда и в стенах университетов. Надо сказать, что Министерство народного просвещения не имело твердой позиции по вопросу высшего женского образования, периодически пересматривало правила, предписывало закрывать прием. Так 1869 г., т. е. через восемь лет после обсуждения проекта устава, в Москве были открыты так называемые Лубянские курсы; в 1872 г. открылись курсы профессора В. И. Герье, имевшие схожий статус, но и те и другие просуществовали сравнительно недолго: в 1886 г. их закрыли под предлогом пересмотра правил. Только в 1901 г. Московские высшие женские курсы вновь получили разрешение начать работу. Ни средств, ни собственного помещения у них не было, поэтому университетскому уровню эти курсы стали соответствовать не сразу.

Более благоприятная судьба сложилась у женского образования в Петербургском университете, в котором уже с 60-х гг. XIX столетия становится обычным присутствие вольнослушательниц в университетских аудиториях. Начинает складываться прогрессивная для того времени практика заинтересованного отношения к высшему женскому образованию. Формально (как отмечается в Летописи университета) в 1858 г. университетским преподавателям разрешено читать в залах университета публичные лекции для всех желающих слушателей мужчин и женщин [12]. И осенью 1859 г. появляются первые вольнослушательницы.

В воспоминаниях Л. Ф. Пантелеева читаем: «Раз в осенний семестр 1860 г. сидим мы, студенты-юристы второго курса, в IX аудитории и поджидаем профессора Кавелина, аудитория, как всегда на его лекциях, полным-полнехонька: Константин Дмитриевич был тогда в зените своей популярности. По времени входит Кавелин, но к крайнему нашему удивлению вслед за ним показалась фигура ректора П. А. Плетнева, ведшего под руку молодую миловидную барышню. Петр Александрович любезно усадил барышню в кресло, уселся сам, а Кавелин, как ни в чем не бывало, прочел свою лекцию. Не думаю, однако, что на этот раз все прослушали лекцию с тем вниманием, как это обыкновенно бывало. То же повторилось и на следующей лекции; затем Кавелин сам несколько раз вводил барышню, а потом она стала появляться в аудиторию одна, принося с собой тетрадь для записывания лекций, и в ожидании профессора усаживалась за одним из общих столов» [13, с. 62–65].

Таким образом, прошение инициативной группы об открытии курсов для женщин в Санкт-Петербургском университете было подготовлено культурным запросом того времени. Как известно в ответ на это прошение совет университета не только одобрил саму идею, но и взял на себя обеспечение учебного процесса. В 1878 г. в Петербурге открываются Высшие женские (Бе-

стужевские) курсы, которые были формально независимы от университета, но фактически их профессорско-преподавательский состав был университетским. Профессора читали лекции для бестужевок по тем же университетским программам, что и для студентов [11].

Конечно, речь идет лишь о появившейся у женщин возможности быть вольнослушательницами и курсистками, а до полноценного статуса студентки университета еще почти столетия. Вместе с тем набравшие силу идеи равноправия полов способствовали своего рода «привыканию» к необходимости организации высшего образования для женщин. К тому же европейские университеты начинают открывать свои аудитории для женского образования. Русских студенток в некоторых из них по статистике было до 80 процентов. Об этом времени историки пишут, как об уникальном периоде массового отъезда русских женщин в европейские университеты [14].

Надо сказать, что XX в. уже не был так категоричен в решении вопроса о доступе женщин в систему высшего образования. И Санкт-Петербургский университет играл здесь авангардную роль. Судьбоносным следует признать решение Государственного совета от 30 мая 1910 г. о приравнивании свидетельства об окончании ВЖК к выпускному свидетельству университета. Вскоре бестужевкам было предоставлено право сдавать государственный экзамен в Петербургском университете вместе со студентами. Это открывало доступ женщине в научную и преподавательскую сферы.

В 1914 г. 16 марта впервые в университете защищается магистерская диссертация женщиной Марией Андреевной Островской. Во время этого первого «женского» диспута зал в Петербургском университете был переполнен. Председательствующий декан Ф. А. Браун в своем поздравлении отметил, что «в лице г-жи Островской женщина добилась важной культурной позиции, на которой, надо надеяться, ...не будет одинока» [15, с. 12]. Общий дух как среди преподавателей, так и среди курсисток – это устремленность в науку, «стремление к всеобщей культуре».

В предлагаемой статье не ставится задача развернутого освещения всей истории университетского образования для женщин, об этом написано значительное число работ, поэтому сошлемся, например, на В. А. Верemenko [16]. Особый интерес представляет, как русское философское сообщество включало в свои границы (писательские, дискуссионные, образовательные) женщину-мыслителя. Корпус имен профессуры, архивные документы образовательных курсов, стенограммы заседаний и труды философских собраний, семинариев, совместные издательские проекты, архивная переписка – все это позволяет реконструировать общую картину включения женщины в систему философского образования в России до 1917 г.

В академическое философское сообщество курсистки включаются в первую очередь через профессуру Бестужевских курсов, через философские семинарии, публичные лекции, кружки, которые организовывались и проводились как для бестужевок, так и для широкой публики, интересующейся философией.

Включение бестужевок в традиции философского образования (1878–1918) осуществлялось блестящим профессорско-преподавательским составом: А. И. Введенский (1889–1918), М. И. Владиславлев (1878–1880), М. И. Каринский (1882–1889), И. И. Лапшин (1896–1916), Н. О. Лосский (1907–1918), С. И. Поварнин (1915–1916), Э. Л. Радлов (1878–1884), Вл. С. Соловьев (1879–1882), В. Н. Сперанский (1909–1918), А. И. Сырцов (1915–1916), С. Л. Франк (1907–1916).

Воспоминания бестужевок позволяют реконструировать атмосферу отношений курсисток и профессуры, уровень доверия, требовательности и ответственности. Например, о профессоре

Н. О. Лосском, которого они боготворили и над которым с любовью подшучивали, что он «от ума облысел» и «состоит в родстве с премудрой крысой Онуфрией» [17, с. 6]. Профессор А. И. Введенский читал введение в философию, логику с дополнительным разделом задач по логике и историю философии (древней, средней и новой); желающих присутствовать на его занятиях было так много, что он читал в актовом зале [17, с. 7]. «Проф. Александр Иванович Введенский славился своими лекциями, такими глубокими по своему содержанию, которые он читал так талантливо, вдумчиво и этим заставлял нас тоже мыслить по-философски. Александр Иванович излагал основы кантианства так убедительно, отчетливо, указывая на все тончайшие извилины кантовской мысли, что его ученики невольно, можно сказать, становились тоже кантианцами» [17, с. 43]. И далее о том, что читали другие профессора, среди которых и блестящие ученики Введенского: Лапшин, Лосский, Поварнин.

Профессорско-преподавательский состав, который влиял на формирование философских взглядов бестужевков, практически целиком представлен именами, включенными в золотой список русской философии. Это было время, когда сама русская философия прирастала именами, самостоятельными учениями. Это также особый момент в истории русской философии, когда складывается логика на русской почве, разгораются жаркие дискуссии (об этом в статье [18]). В них вовлечены Введенский, Лосский, Лапшин, Поварнин, Каринский, которые читали бестужевкам, издавали для Бестужевских курсов учебники по логике, напрямую влияли на появление философской элиты «женского рода». Из воспоминаний узнаем забавный сюжет о том, что Введенский включал в программу экзаменов по своему предмету несколько пунктов под заглавием: «Заблуждения приват-доцента Лосского». Это был так называемый «билет № 63», где Введенский оппонировал своему противнику. «Если курсистка экзаменовалась у Николая Онуфриевича, то ей приходилось, смущаясь, конечно, разьяснять, в чем заключается его заблуждения, по мнению Введенского. Лосский выслушивал критику своего учителя в устах экзаменующихся с невозмутимым видом и даже поддакивал: “Да, да, Александр Иванович именно это говорит”» [17, с. 44].

Из летописей известны имена учениц, которые в силу особых успехов оставлялись по окончании на курсах для ведения научной и преподавательской деятельности [11, с. 52]. В разные годы на Бестужевских курсах преподавали философию Надежда Николаевна Шамонина (Платонова), Наталия Алексеевна Алексеева (Колубовская), Екатерина Ивановна Максимова (Сенская), Вера Акинфиевна Волкович, Ольга Михайловна Котельникова, Надежда Эдуардовна Мальцева (Веймар). Историкам философии еще предстоит вводить эти имена и их работы в корпус источников. Все они прошли через философскую школу университетской профессуры. К слову сказать, философия на историко-филологическом факультете выделяется в отдельное направление в начале XX в. Согласно данным справочника, в списке выпуска 1910 г. по этой специализации прошли подготовку Людмила Вячеславовна Вацлик, Дина Самуиловна Крым, Зоя Николаевна Морозова, Евгения Владимировна Яновская [19, с. 164].

Следует подчеркнуть, что курсистки активно занимались переводами на русский язык философских трудов западноевропейских философов. Здесь складывались весьма плодотворные творческие союзы. Известная история организации профессором А. И. Введенским перевода книги Виндельбанда [20] описана в статье А. В. Вострикова [21]. Особенность сюжета в том, что благодаря курсисткам, был сделан не только блестящий перевод и издан востребованный в то время учебник по истории философии, но средства от проекта курсистки жертвовали в пользу библиотеки *alma mater*. Библиотека Бестужевских курсов комплектовалась по

отделениям и направлениям. Философское направление было выделено в отдельное, во всяком случае, в каталоге это отдельная подгруппа «Философия, логика, психология и научная педагогика» [22, с. 19–45]. Корпус источников включает работы петербургских профессоров В. М. Бехтерева, А. М. Бутлерова, А. И. Введенского, М. И. Владиславлева, Н. Я. Грота, Н. Г. Дебольского, М. И. Каринского, Н. И. Кареева, К. Д. Кавелина, П. И. Ковалевского, Н. Н. Ланге, И. И. Лапшина, В. В. Лесевича, Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова, Вл. Соловьева. Здесь и женские имена: М. В. Безобразова, М. А. Кожевникова, Е. И. Конради, Е. И. Кудашева, Е. Ф. Литвинова, М. В. Сабина. И конечно, переводные издания, подготовленные бестужевками. К слову сказать, была традиция реферирования свежих публикаций из зарубежной периодики. Как свидетельствуют каталоги, в библиотеку Бестужевских курсов бесперебойно поступали не только «Журнал Министерства народного просвещения», «Вопросы философии и психологии», но и «Revue de philosophie», «Revue Philosophique», «Revue Psychologique» и др. По зарубежным журналам слушательницы готовили отреферированные обзоры, которые публиковались в том числе и в журнале «Вопросы философии и психологии».

Известна также замечательная серия неперидического издания под редакцией Н. О. Лосского и Э. Л. Радлова «Новые идеи в философии», где публиковались в основном переводы современных западных философов. Например, в № 4 (1913) указаны переводчицы Е. С. Хацкельс (вып. 1912 г.), П. О. Эфруси (вып. 1915 г.), М. К. Гринвальд (вып. 1916 г.), в № 6 (1913) – О. С. Эльманович (вып. 1911 г.), в № 15 (1914) – К. М. Милорадович (вып. 1906 г.).

Курсистки переводили на иностранные языки и труды своих профессоров. Например, долгие годы такое сотрудничество сохранялось между Н. О. Лосским и Н. А. Эртель (Дедингтон). Она вспоминает, что, когда в 1913 г. ее профессор философии Дооз Хикс (Лондонский университет) предложил ей сделать доклад о Лосском, она перевела главу из его работы «Обоснование интуитивизма» и прочитала на заседании философского общества. И в дальнейшем, в том числе и в период эмиграции, она переводила его работы. В воспоминаниях еще одной бестужевки О. М. де Клапье (Вивденко) о Н. И. Карееве читаем: «он мне дал перевести на французский язык две своих статьи, решив, что мне это полезно и лестно, а ему удобно» [17, с. 21].

Курсистки организуют и самостоятельные публикационные площадки, как например, сборники «Цельное знание» под редакцией ученицы А. И. Введенского и Э. Л. Радлова Ксении Михайловны Милорадович. Издание заявлено как полемическое. Как подчеркивается в предисловии к этому проекту, сборники «должны быть посвящены разрешению вопроса, дает ли критическая работа последнего периода возможность разрешать вопросы цельного мировоззрения, которые являются жизненными вопросами философии, и как должна она отразиться на их разрешении. Мы избрали как начальную ступень пересмотр современных нам и стоящих на уровне наших научно-философских требований попыток дать разрешение основных проблем философии. В первую очередь мы поставили вопрос об отношении современной философии к религии, и едва ли надо объяснять, почему этому вопросу отдано первое место среди всех вопросов цельного знания» [23, с. 3]. Первый сборник был посвящен современным идеям в религиозно-философской мысли Франции.

Из социальной истории университетской повседневности курсисток реконструируется общая атмосфера философского сообщества в гендерной оптике, стратегии публикационной активности, профессионального сотрудничества, в том числе и с международным философским сообществом. И это невозможно сделать, не выделив «голос» женщин-мыслительниц.

Он туда не просто формально встроен, некоторые сферы деятельности философского сообщества он жизненно обеспечивал. Конечно, культурный контекст не подразумевал полной эгалитарности в этом союзе, тем более, что философский цех всегда был весьма закрытым, элитарным. Однако, несмотря на тяготение в то время к традиционному пониманию оппозиции мужского и женского, русское философское сообщество латентно было заинтересованно не в оппозиции, а в сотрудничестве. На праздновании 25-летия Бестужевских курсов от имени Санкт-Петербургского философского общества в поздравлении были сказаны такие слова: «эта знаменательная годовщина не только является праздником общерусского просвещения, но имеет еще ближайшее отношение к собственной жизни и деятельности Философского общества... Давно назревшая потребность в расширении нашей небогатой философской литературы находит живой отклик в их среде и целый ряд русских трудов в области философских наук, не только переводных, но и оригинальных, в том числе и собственные труды Философского общества, украшены именами питомцев ВЖК» [24, с. 54].

В списке членов философского общества при Императорском Санкт-Петербургском университете к началу XX столетия значатся имена уже хорошо известных в университетском сообществе женщин-ученых. Большинство из них связано с Бестужевскими курсами. Так, по данным на 6 февраля 1903 г. в протоколе среди «членов-учредителей» указаны: Мария Владимировна Безобразова, Екатерина Ивановна Максимова, Надежда Николаевна Платонова, Мария Александровна Холодняк, Вера Иосифовна Шифф. Среди «действительных членов» названы: Зинаида Афанасьевна Венгерова, Вера Акинфиевна Волкович, Софья Цезаревна Дехтерева-Кавос, Мария Николаевна Ефремова, Наталья Алексеевна Колубовская, Елизавета Федоровна Литвинова, Надежда Кузминична Михайловская-Скворцова), Софья Владимировна Панина, Александра Григорьевна Пашкова, Елизавета Васильевна Попова, Вера Викторовна Петухова, Елена Ивановна Беляева, Надежда Константиновна Вальденберг, Анна Васильевна Ганзенъ, Елизавета Васильевна Зелинская, Ольга Павловна Косаговская, Эмилия Георгиевна Крогиус, Мария Павловна Лего, Любовь Алексеевна Мальцева (Пушкарева), Вера Михайловна Невежина, Валентина Викторовна Петровская, Елизавета Ивановна Петровская, Антонина Васильевна Савицкая, Людмила Владимировна Лосская (Стоюнина), Мария Николаевна Стоюнина, Мария Никифоровна Соболева, Елена Митрофановна Середонина, Зинаида Константиновна Столица, Варвара Васильевна Тимофеева, Софья Ивановна Церетели, Анна Павловна Философова [25].

Конечно, представительство их, как следует из стенограмм, ограничено чаще переводческой и издательской деятельностью, секретарскими функциями, финансовой поддержкой философского общества, реже самостоятельными докладами и оппонированием.

На самом деле и это было не так просто для того времени. Первые и самые заинтересованные феминисты были именно мужчины, которые активно влияли на решение так называемого «женского вопроса» не только в контексте социальных прав и защит, но вовлекая дочерей, сестер, учениц в различные элитарные научные и творческие сообщества. Ольга де Клапье вспоминает свои ощущения от первого знакомства в качестве кандидатки с этой атмосферой: «В те времена главное “ядро” слушательниц состояло из семей петербургской интеллигенции. Дочери профессоров, докторов, адвокатов. Они не походили на ту легендарную, остриженную в кружок, в синих очках, в бесформенном черном балахоне пугало наших бабушек – “курсистку”» [17, с. 14]. Считать женщину способной вступить с мужчиной в по-

лемику на философском собрании, к этому большинство даже очень передовых мужчин того времени были не очень готовы. Однако изучение материалов философских обществ, стенограмм их заседаний, списков членства позволяет увидеть, что мужское философское сообщество предоставляло женщинам возможность не только номинально присутствовать в аудиториях, но было заинтересовано в сотрудничестве, в сопричастности женщин общему процессу академических штудий. Можно говорить об академическом союзе, в котором профессоров и бестужевок связывала идея служения науке. Под влиянием блестящей профессуры Петербургского университета формируется научная элита «женского рода».

Что касается собственно формального (квалификационного) признания принадлежности к цеху академической элиты, то до революции 1917 г. для женщин было больше возможностей именно в западноевропейских университетах. Там они получали докторские степени, активно занимались наукой, преподавали, публиковались, становились известными как иностранные ученые. Анна Тумаркин³ – пример женщины профессора философии, которой сегодня гордится Бернский университет как швейцарским философом. Были те, кто возвращались со степенями докторов наук в Россию, но продолжение научной деятельности, да просто возможность профессиональной реализации в соответствии с высочайшим уровнем их квалификации, были для них закрыты. Так Мария Безобразова, защитив в Германии докторскую диссертацию по философии, не смогла получить профессорской должности в российском университете [26].

Были и те, кто оставался заниматься наукой в зарубежном университете, но не терял контактов с российским научным сообществом. Пример Варвары Половцовой, которую считали первым русским философом-спинозистом. Редактор журнала «Вопросы философии и психологии» Лев Михайлович Лопатин не только охотно печатал ее работы, но также рекомендовал ее к избранию в действительные члены Московского психологического общества. Это случилось сразу после появления в 1913 г. объемной статьи Половцовой «К методологии изучения философии Спинозы» [27]. В том же году работа вышла отдельной книгой, где, по словам автора, были исправлены опечатки и добавлены кое-какие ссылки. Заметим, что первая философская публикация Половцовой в журнале «Вопросы философии и психологии» появилась в 1909 г. в весьма солидном окружении – Н. Бердяев, С. Булгаков [28]. В 1910 г. выходит русское издание лекций Бенно Эрдманна «Научные гипотезы о душе и теле» [29] в переводе и под редакцией В. Половцовой. Из указания на титульном листе понятно, что она в то время была доктором философии и ассистировала на философском семинаре Боннского университета.

И все же можно сказать, что русское философское сообщество было заинтересовано в привлечении женщин к развитию философского знания через организацию философского образования, через написание учебников, переводы новейших текстов западных философов, различные дискуссионные площадки и даже личные творческие союзы, в которых каждый играл свою важную роль.

³ Анна Тумаркина (1875–1951), первая в Европе женщина-профессор философии. На сайте университета Берна в разделе «История» есть запись: «1898 La première femme qui reçoit son habilitation à Berne est la philosophe Anna Tumarkin. Elle est aussi la première femme professeur honoraire (1906) et la première femme professeur extraordinaire (1909). URL: http://www.unibe.ch/universite/portrait/histoire/histoire_des_tudes_des_femmes/index_fra.html (дата обращения: 30.11.2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Турский Г. История франков / пер. с латин.; изд. и примеч. В. Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. 461 с.
2. Высшие женские (Бестужевские) курсы: библиогр. указ. М.: Книга, 1966. 190 с.
3. Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800–2000: материалы к библиогр. М.: Ладомир, 2002. 522 с.
4. Юкина И. И. История женщин России. Женское движение и феминизм в 1850–1920-е гг.: материалы к библиогр. СПб.: Алетейя, 2003. 234 с.
5. Розанов В. В. В темных религиозных лучах / общ. ред. и послесл. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. 475 с.
6. Бакунин П. А. Запоздалый голос сороковых годов (по поводу жен. вопроса). СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1881. 458 с.
7. Толстой Л. Н. Крейцеров соната [и др. произведения]. М.: М. В. Ключин, 1900. 160 с.
8. Сущность брака: обмен мыслей между Н. П. Аксаковым, Мирянином, В. В. Розановым, Рцы (И. Ф. Романовым), прот. Александром У-ским и С. Ф. Шараповым с прил. ст. свящ. М. И. Спасского / ред. и изд. С. Шарапов. М.: типо-лит. А. В. Васильева и К, 1901. 199 с.
9. Замечания на Проект общего устава императорских российских университетов: в 2 ч. Ч. 2. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1862. 533 с.
10. Петербургские высшие женские курсы. Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских высших женских курсах 1882–1889, 1893–1903 гг. / сост. Н. А. Ветвеницкая. СПб.: ценз. 1903. 242 с.
11. Высшие женские курсы в С.-Петербурге: краткая историческая записка 1878–1903 гг. СПб., 1903. С. 19.
12. Санкт-Петербургский государственный университет. 275 лет. Летопись 1724–1999 / под ред. Л. А. Вербицкой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 421 с.
13. Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. С. 62–65.
14. Эндерлайн Э. Русские женщины в Швейцарии в XIX веке / Российские женщины и европейская культура: материалы V конф., посвященной теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. филос. общ. 2001. С. 71–78.
15. Санкт-Петербургский университет: отчет о состоянии и деятельности в 2003 г. / под общ. ред. Л. А. Вербицкой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 348 с.
16. Веретенко В. А. Женщины в русских университетах (вторая половина XIX–начало XX вв.). СПб.: Изд-во Высш. адм. шк., 2004. 148 с.
17. Наша дань Бестужевским курсам: воспоминания бывших бестужевок за рубежом / Париж: Объед. бывших бестужевок за рубежом. 1971. 174 с.
18. Орлова Н. Х, Соловьев С. В. Из истории логики в дореволюционной России: стратегии академического взаимодействия // Логические исследования. 2016. № 2. Т. 22. С. 31–57.
19. Бестужевка в цифрах: к 130-летию юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов 1878–1918 гг. / сост. О. Б. Вахромеева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 412 с.
20. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / пер. со 2-го нем. изд. Е. И. Максимовой, В. М. Невежиной и Н. Н. Платоновой; ред. и предисл. А. И. Введенского. Т. 1–2. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1902–1905.
21. Востриков А. В. Вильгельм Виндельбанд как жертвователь библиотеки Бестужевских курсов или История одного перевода // Материалы науч.-практ. чтений «...По утрам я читал, упражнялся в переводах...» («Библиотека в усадьбе»). 22–26 апр. 2015 г. Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2016. С. 180–191.
22. Каталог Библиотеки С.-Петербургских высших женских курсов: ист.-филол. отд. СПб.: типо-литография «Герольд», 1908. 275 с.
23. Современные течения религиозно-философской мысли во Франции: сб. статей / под ред. К. М. Милорадович. Петроград: Тип. Н. П. Зандман. 1915. 171 с.

24. Празднование двадцатипятилетия С.-Петербургских Высших женских курсов. Спб., 1904. 120 с.
25. Список членов Философского общества при С.-Петербургском университете. СПб., 1903. 32 с.
26. Ванчуг В. В. Женщины в философии: из истории философии в России. М.: Изд-во РУДН, 2009. 198 с.
27. Половцова В. Н. К методологии изучения философии Спинозы // Вопр. филос. и психол. 1913. № 118. С. 317–398.
28. Половцова В. Н. По поводу автобиографии Фр. Ницше // Вопр. филос. и психол. 1909. № 98. С. 501–520.
29. Эрдманн Б. Научные гипотезы о душе и теле / под ред. и предисл. В. Н. Половцовой. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1910. 347 с.
-

N. Kh. Orlova

Saint Petersburg State University

PHILOSOPHICAL STUDIES AT THE BESTUZHEV COURSES

The article analyzes the formation of the philosophy teaching tradition at the Higher women's (Bestuzhev) courses. They were organized in 1878 at St. Petersburg University under the influence of ideas about the equality of men and women. The well-known University Professors delivered lectures for girl students in the same programs as for male students. It is shown that this tradition went far beyond the formal reading of philosophy and logic. Girl students participated in serious publishing projects, became full members of the St. Petersburg Philosophical Society, have been involved in teaching activities. We can talk about the academic Union, in which professors and girl students linked the idea of science. The scientific «feminine» elite was formed under the influence of brilliant Professors of St. Petersburg University.

Bestuzhev's courses, St. Petersburg University, M. Bezobrazov, V. Polovtsev, A. Tumarkin, Russian philosophy, Philosophical Society, "women's issue"

УДК 327.8; 316.3

Р. В. Федоров, Л. А. Пафимова*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ

Рассматривается значение геополитических парадигм и возможность их реализации основными акторами глобальной политики в условиях перехода от монополярного к полицентричному миру. Анализируются отношения между великими державами, их содержание и значение в мировой политике сегодняшнего дня. Обосновывается положение, что в условиях конфронтационного противостояния приоритетность полицентричности позволяет в исторической перспективе учитывать не только интересы великих держав, но и интересы региональных акторов. Дана характеристика сложившегося в мире статус-кво и места в нем России. Показано, что концептуальное обеспечение принципов взаимодействия между основными субъектами мировой политики приобретает не только научно-теоретическое, но и прикладное значение в процессе формирования и организации геополитического пространства.

Полицентричный мир, стратегия, великие державы, геополитические интересы, геополитические парадигмы, международные отношения

Процессы глобализации, которые объективно меняют характер взаимоотношений между основными субъектами, определяющими геополитическую конфигурацию мира, являются предметом не только научно-теоретического осмысления, но и объектом их реального политического воздействия. Принципы, которые лежат в основании средств, используемых для достижения приемлемой для основных акторов модели мироустройства, основываются на геополитических парадигмах, определяющих предпочтительный характер динамики мирового развития.

Международное сообщество неоднородно. Оно формируется из акторов с несовпадающими интересами, обладающими разным весом и влиянием, ставящих перед собою различные цели. Геополитические парадигмы определяют глобальное видение перспектив развития отношений в мире в интересах конкретных субъектов, вовлеченных в процессы установления мирового порядка. Они обуславливают способы выработки эффективной геостратегии для достижения стабильной и устойчивой системы распределения ролей в динамически меняющемся мире, которая позволила бы надежно гарантировать реализацию собственных национально-государственных интересов.

Характер взаимодействия между основными игроками, определяющими ход и направление развития исторического процесса, во многом зависит от возможности реального учета расстановки сил в мире. Оценка собственных возможностей влияния на меняющуюся международную обстановку базируется на геополитических концепциях, в которых зафиксировано понимание глобальных задач, стоящих перед конкретной страной. На тактическом (по меркам истории) уровне способы их решения для достижения поставленных целей определяются в концепции национальной безопасности.

Количество субъектов, способных корректировать степень влияния на ход истории, всегда было ограничено. Как правило, под ними подразумеваются великие державы. Этот

статус предполагает возможность оказывать непосредственное воздействие на международные процессы даже в случае прямой невовлеченности в конкретный конфликт или наоборот, в процесс становления политического сближения региональных держав. Эффективность воздействия зависит от многих факторов. Прежде всего это существующий военный и экономический потенциал. Методы и способы воздействия могут меняться в зависимости от понимания значимости данного воздействия великой державой и наличия политической воли к осуществлению этих мер. В любом случае они будут производны от принятой государством концепции национальной безопасности, которая даже не обязательно должна быть формализована в виде официального документа, так как понятие «государственный интерес», сформулированное еще Макиавелли, никто не отменял.

Многомерность международных процессов и конфликтов при большом числе субъектов, вовлеченных в них, приводит к необходимости дифференциации степени вовлеченности в конкретные ситуации. Мера воздействия ограничена ресурсами, которые готовы задействовать страны для достижения такого вектора развития ситуации, который будет выгоден для них. Невозможность участия во всех возможных в данный момент конфликтах и столкновениях интересов субъектов межгосударственных отношений как раз и констатирует отсутствие у любого государства нелимитированных ресурсов. Поэтому степень вовлеченности великих держав, а следовательно, и потенциал, задействованный для разрешения конкретных исторически сложившихся отношений в выгодном для себя русле, будет определяться интересами национальной безопасности в широком диапазоне от культурно-идеологического и до научно-технического, причем вовлеченность в конфликт не обязательно предполагает активное вмешательство для его ликвидации или сглаживания. Наоборот, иногда более выгодно принимать позицию стороннего наблюдателя, поддерживая *status quo* противоборствующих сторон, заставляя их по факту тратить ресурсы при сохранении своих.

Статус великих держав был первоначально закреплен за Россией, Англией, Австрией, Пруссией и Францией по итогам Венского конгресса в 1815 г. Появление на мировой арене «Европейского концерта» означало не только возможность принимать судьбоносные для многих стран решения, но и добиваться их выполнения. Главным результатом такого подхода была необходимость согласовывать стратегию действий между великими державами с учетом интересов каждой из них. Само понятие «концерта» имплицитно подразумевало общие правила игры, выход за границы которых невозможен. Это не означало полное внутреннее единение между ними по всем международным вопросам и отсутствие противоречий внутри «концерта». Внутри самой структуры постоянно шла борьба за место «первой скрипки» и изменения статуса, влияющего на распределение политических ролей при принятии окончательных решений.

Фундаментом для построения такой системы был однопорядковый социально-политический статус ее участников и, соответственно, общий интерес в сохранении монархии как способа управления. В мировоззренческом плане единство достигалось признанием значения определенных канонов взаимодействия между государствами, изложенных И. Кантом в работе «К вечному миру».

«Европейский концерт», являясь формой гегемонии великих держав по отношению к остальным государствам, впервые показал способность к объединению весьма разнородных игроков на геополитическом поле, благодаря чему на европейском континенте на несколько десятилетий был установлен мир. Ряд локальных войн (например, между Пруссией

и Францией) не меняли общей картины. Это показывает эффективность подхода учета баланса сил в сочетании с территориальным суверенитетом участников соглашения.

Надо учитывать, что подобное сочетание стратегических интересов было эффективно для конкретного исторического периода XIX в. В границах «цивилизационных государств» Европы правила в целом соблюдались. Поэтому реализация геополитических амбиций вне этой зоны (расширение колониальных территорий) не было связано с обязательствами соблюдения европейских стандартов межгосударственных отношений.

Накапливающиеся со временем расхождения в ценностях, конкуренция империй за сферы влияния на мировой арене к началу XX в. завершились Первой мировой войной. Разрешение противоречий в понимании великими державами своих стратегических интересов и способов их достижения перенеслись на поле боя, где победители и определили новую расстановку сил и правила игры.

Первой, по настоящему всемирной организацией, которая по замыслу ее создателей должна была предотвращать конфликты между субъектами международного права, была Лига Наций. Основанная после окончания Первой мировой войны, несмотря на провозглашенные в ее уставе принципы, она в итоге не смогла предотвратить и тем более разрешить даже региональные конфликты. Наглядным примером может служить решение своих стратегических задач Японией, которая в начале XX в. вошла в список великих держав. Являясь одной из стран-учредителей Лиги Наций, она оккупировала Манчжурию и в 1932 г. создала на ее территории марионеточное государство Маньчжоу-Го. После отказа Лиги Наций признать Маньчжоу-Го Япония в 1933 г. просто вышла из ее состава, чем де-факто показала реальную неспособность Лиги к каким-либо консолидированным действиям для обуздания агрессии.

С одной стороны, неэффективность Лиги Наций можно объяснить рядом просчетов при ее создании. Это, например, исключение из ее членов германского блока, поскольку он потерпел поражение в войне. При этом «Европейский концерт» включил в свой состав Францию, которая в то время оказалась в ситуации, аналогичной Германии. По идеологическому принципу организаторы проигнорировали СССР как равноправного субъекта в международных отношениях до 1934 г. и после 1939 г., не вошли в Лигу и США, которые в силу внутренних политических предпочтений отказались от интеграции с ней. С другой стороны, полноправные участники Лиги Наций реально не могли изменить расклад сил на международной арене, поскольку реальные меры воздействия на нарушителей устава организации возможны только при консолидации усилий великих держав, а не путем голосования формального большинства членов. Это и подтвердилось впоследствии при формировании антигитлеровской коалиции, когда общие стратегические интересы стран совпали при решении конкретной задачи достижения победы во Второй мировой войне.

Сразу после окончания Второй мировой войны состав великих держав претерпел существенные изменения. По вполне понятным причинам Германия и ее основные союзники (Италия и Япония) по факту потеряли этот статус. На тот момент реально отвечали основным характеристикам великой державы СССР, США и Великобритания. Формально тот же статус имели Китай и Франция. При образовании в 1945 г. ООН именно за этими государствами был юридически закреплён этот статус; с тех пор они являются постоянными членами Совета Безопасности.

Изменение политической картины мира после 1945 г., появление региональных государств, способных отстаивать свои национальные интересы, вызывало необходимость их учета великими державами. Однако корректировка механизмов как оперативного, так и стратеги-

ческого реагирования на региональные и международные кризисы была во многом предсказуема и позволяла достигать стабильности миропорядка в целом. Две сверхдержавы (СССР и США) и возглавляемые ими военно-политические блоки (ОВД и НАТО) определяли биполярное устройство мира. Не только непосредственные члены блоков, но и страны, формально не входящие ни в один из них, вынуждены были корректировать свои геополитические стратегии с учетом глобальных интересов великих держав.

Достигнутый баланс сил в биполярном мире справедливо называют одним из самых главных принципов формирования внешней политики великих держав. В границах своих полномочий они могут отстаивать собственные стратегические и оперативные интересы, используя право вето в Совете Безопасности. Возможность наложения вето любой из этих стран как раз и призвано было быть тем механизмом, который заставляет учитывать геополитические интересы всех государств, и этот принцип закреплен в Уставе ООН.

В условиях биполярного мира деятельность ООН как самостоятельного субъекта, способного находить и претворять в жизнь решения по урегулированию геополитических конфликтов, была малозначительной именно в смысле понимания ООН как организации, которая может автономно выступать в роли независимого арбитра в решении мировых проблем. Окончательное понимание системы коллективной безопасности и способов ее достижения определялись стратегическими или тактическими приоритетами великих держав. Несмотря на функциональную ограниченность ООН как самостоятельного субъекта, эта организация выполняет роль аттрактора, благодаря чему за время ее существования не произошло ни одной войны между великими державами.

В современных условиях возрастания роли региональных держав, а следовательно, и увеличения диапазона представлений о параметрах будущего миропорядка и способов его конструирования, особое значение приобрела проблема лидерства. Уход с мировой арены СССР и исчезновение ОВД повлекло за собой и переформатирование и расклад сил на политической карте мира. В этой ситуации США стали позиционировать себя как безусловного глобального лидера в обозримом будущем. В лапидарном стиле это сформулировал Барак Обама: «Америка должна лидировать на мировой арене. Если мы не будем это делать, то никто не будет. Соединенные Штаты будут использовать военную силу в одностороннем порядке при необходимости, когда наши основные интересы требуют этого... Хотя мнение международной общественности очень важно, но Америка ни у кого не будет спрашивать позволения на защиту своего народа, своей земли и своего образа жизни» [1]. Такой подход фактически лишает другие страны возможности следовать по собственному пути развития, если они не в состоянии противопоставить весомые аргументы, позволяющие им ограничить геополитические амбиции США в своем регионе.

Как средство, позволяющее компенсировать перекос в методах принятия односторонних решений, в XXI в. ряд государств (Индия, Бразилия, Япония и др.) неоднократно поднимали вопрос об увеличении числа постоянных членов Совета Безопасности ООН. Европейский Союз так же попытался в известной степени консолидированно усилить свое влияние в ООН. В отличие от других региональных организаций, с которыми ООН лишь сотрудничает, он закрепил за собой в резолюции Генеральной Ассамблеи прерогативу участия в работе ООН [2]. Но в любом случае Совет Безопасности всегда будет являться элитарной структурой с ограниченным числом участников. Даже в нынешнем его составе возможности воздействия политического руководства стран, которые входят в Совет, различаются по потенциалу и степени влияния на процессы современной мировой политики. Увеличение численности

стран, обладающих правом вето, может привести в итоге к негативным последствиям из-за возможного регионального, коалиционного или культурологического дисбаланса.

В противовес США, позиционирующим себя в качестве безальтернативного лидера в решении геополитических проблем, Россия и КНР в июльском 2017 г. совместном заявлении акцентируют внимание на эволюционировании современной международной системы к полицентричности. «В ходе реформы СБ ООН следует уделять приоритетное внимание расширению представительства и права голоса развивающихся стран, чтобы широкий круг малых и средних государств имел больше возможностей для участия в работе и принятии решений Совета Безопасности на основе принципа ротации» [3]. Расширение права голоса не предполагает, что немаловажно, право вето. Несмотря на имперское поведение США, окончательно утвердить ситуацию монополярности в современном мире не удалось. Как подчеркнул Си Цзиньпин, «в условиях сложной и изменчивой международной обстановки Китай и Россия, будучи крупными державами, проявили чувство ответственности, прилагая усилия к политическому урегулированию острых проблем, и сыграли роль «балластного камня» в обеспечении стабильности и мира как в регионе, так и во всем мире». [4]

Геополитические интересы великих держав и ведущих региональных акторов характеризуются сложным переплетением обратных связей и многообразием ситуационных переменных в динамически меняющемся мире. В этом случае потенциал нескольких совместно действующих акторов при решении конкретной исторической проблемы (или ее предупреждении) будет суммироваться. Поэтому в совместном заявлении РФ и КНР особо подчеркивается, что «стороны единодушно выступают против смены режима в любой стране путем незаконного вмешательства извне, а также экстерриториального применения государствами норм национального права в нарушение международного права» [5].

Такой подход позволяет надеяться не доминирующим на мировой арене странам не стать объектом гуманитарной оккупации с целью изменения внутренних или внешних приоритетов своего развития под воздействием коалиций, придерживающихся иных социокультурных норм и использующих в манипулятивных целях инструменты ООН. Реальные политические действия, направленные на смену не удобного по каким-либо параметрам существующего режима в выбранной в качестве объекта воздействия стране, могут «прикрываться» доктриной об «ответственности по защите». Основные положения этой доктрины были приняты в 2005 г. на Всемирном саммите Организации Объединенных Наций. В докладе Генерального секретаря ООН (2009) подчеркивается, что «мы готовы предпринять коллективные действия, своевременным и решительным образом, ...если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности» [6, с. 4]. Трактовка ситуации, когда национальные власти «очевидно не в состоянии», носит исключительно субъективный характер. Она создает условия для произвольных действий, оправданных необходимостью оперативного реагирования заинтересованных акторов. Наглядной иллюстрацией может служить резолюция Совета Безопасности № 1973 от 17.03.2011 г. по Ливии [7]. Введение в стране бесполетной зоны для защиты гражданского населения парадоксальным образом привело к бомбардировкам НАТО, а позже и к наземной операции для свержения режима Арабской Джамахирии.

Отсутствие одобрения СБ ООН на применение военных вариантов решения проблем также не может служить в будущем абсолютной гарантией от односторонних действий

заинтересованных акторов. При формировании внешнеполитического курса, когда военный, экономический и ситуационный расклад баланса сил в мире позволяет надеяться на односторонний выигрыш, официальные правила и нормы могут не приниматься в расчет. Подтверждением такого сценария развития событий является интервенция США в Ирак в 2003 г. Администрация Дж. Буша, сопоставив гарантированный отказ Совета Безопасности ООН санкционировать применение военной силы против Ирака и возможный выигрыш от изменения структуры целого региона, приняла решение на вторжение. Это прямо нарушало устав ООН. Предполагаемые в будущем геополитические дивиденды перевесили даже противоположную точку зрения со стороны Германии и Франции.

В отношении Сирии также предпринимались попытки легитимизировать через структуры ООН подготовку разрешения на прямое силовое решение, позволяющее убрать правительство Башара Асада на основе доктрины «ответственности по защите». В январе 2012 г. в заявлении Специального советника Генерального секретаря ООН по предупреждению геноцида прямо утверждалось, что «Правительство Сирии явно не в состоянии защитить свое население» [8]. Изменение баланса сил не позволяло повторить вариант прямого силового воздействия, поэтому необходимо было найти повод, оправдывающий правомерность его применения. В этом случае Россия продемонстрировала соответствующий ресурс, который заставил снять требование смены правительства Сирии с повестки дня.

Стратегия на формирование системы однополюсного мира, когда одна великая держава в лице США обладает правом безоговорочного доминирования и определяет способы и цели его развития, оказывается несостоятельной. В условиях конфронтационного противостояния приоритетность полицентричности в отношениях между великими державами позволяет в исторической перспективе учитывать не только их собственные интересы, но и интересы региональных акторов. В противном случае, как указывает в своей статье для журнала «The National Interest» Робер Мэри, «война между Россией и Западом кажется практически неизбежной. Ни одна уважающая себя страна, которая находится в безжалостном кольце враждебно настроенных соседей, не будет терпеть такое давление вечно. В конце концов ей придется защитить свои интересы военной силой. ...Западные вторжения в традиционные сферы влияния России ...являются крайне провокационной и дестабилизирующей политикой» [9].

Признавая, что в результате структурных сдвигов за последние 15 лет главенствующая роль США и Западной Европы уменьшилась, а позиции основных конкурентов Америки значительно улучшились, западные аналитики не видят в этом принципиального изменения в глобальной расстановке сил. «Неправильно видеть в этом изменении переход от однополярности к многополярности, поскольку настоящей многополярности в ближайшее время не будет» [10]. По их мнению, когда три главных геополитических конкурента (Россия, Иран и Китай) объединили свои усилия в поддержку «кровавого режима» в Сирии, Вашингтон должен нести основную нагрузку по обеспечению «глобальной стабильности» и процветания в мире.

БРИКС — весьма влиятельное сегодня объединение региональных держав, постепенно усиливающих свои позиции на международной арене. На саммите БРИКС в сентябре 2017 г. недвусмысленно было подчеркнуто, что необходимо создать более справедливый и рациональный мировой порядок. «Пусть услышат наш единый голос и предупреждения по вопросам международного мира и развития, — подчеркнул Си Цзиньпин. — Именно этого ждет от нас международное сообщество, этого требуют и наши общие интересы» [11]. Страны БРИКС не пытаются создать некое единое пространство по аналогии с идеей «Общего дома Европы». Они лишь констатируют, что совместный экономический и военно-политический потенциал позволяет реально отстаивать согласованные общие интересы и цели.

В 1990 г. была предпринята попытка осуществить демонтаж конфронтационных блоковых отношений в Европе. Совместно с США и Канадой 22 европейских государства подписали Парижскую хартию. В ней были обозначены контуры нового европейского порядка, провозглашалась свобода выбора любой страной собственного пути развития, уважение суверенитета государств и самобытности культур на основе «единства в многообразии». В перспективе построение «Общего дома Европы» привело бы к появлению общего культурного, экономического и политического пространства. «Эра конфронтации и раскола Европы закончилась. Мы заявляем, что отныне наши отношения будут основываться на взаимном уважении и сотрудничестве» [12, с. 1]. В реальной жизни по прошествии более 27 лет от Хартии не осталось и следа. Оптимистическое заявление «теперь, когда над Европой занимается заря новой эры, мы исполнены решимости расширять и укреплять дружественные отношения и сотрудничество между государствами Европы, Соединенными Штатами Америки и Канадой, а также способствовать дружбе между нашими народами» [12, с. 4], оказалось преждевременным.

При рассмотрении вариантов принудительной коррекции политики региональных акторов единственным положением, не подвергшимся пересмотру великими державами, является заявление о гарантиях безопасности государствам, не обладающим ядерным оружием. В случае ядерного нападения или угрозы такого нападения постоянные члены Совет Безопасности должны немедленно действовать для отражения агрессии [13], [14]. В договоре о нераспространении ядерного оружия имплицитно присутствует уверенность, что члены «ядерного клуба» не будут применять его по отношению друг к другу. Именно отсутствие возможности одностороннего выигрыша при его применении позволяет ядерным державам действовать сообща по отношению к странам не входящим в «ядерный клуб». Для неядерных государств стимулом, мотивирующим их обладать ядерным оружием, является увеличение гарантий национальной безопасности и повышение регионально статуса. Дополнительным аргументом в целесообразности ЯО может служить прецедент Ливии, которая отказалась от ядерной программы в 2003 г. Для великих держав перспектива увеличения обладающих ЯО стран означает экспоненциальный рост факторов риска, что в обозримом будущем делает его применение почти гарантированным. Поэтому прагматические соображения национальной безопасности служат объединительным мотивом для совместных действий, несмотря на любые противоречия между великими державами.

Официально ядерными державами считаются страны, которые испытали ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 г. Парадокс заключается в том, что наличие ядерного оружия не означает получение официального статуса ядерной державы. Это вносит коррективы во взаимодействие великой державы с государствами, обладающими ядерным потенциалом. Примером могут служить Индия и Пакистан. Вялотекущий двусторонний конфликт между этими странами при обострении может привести к применению ядерного оружия, так как предугадать стечение обстоятельств невозможно. Попытка санкционного давления со стороны США оказалась неэффективной, поэтому очень быстро по геополитическим соображениям был утвержден режим стратегического партнерства. Фактически было продемонстрировано, что региональные акторы имеют право на самостоятельную политику. Даже по отношению к стране, которая не может претендовать на роль региональной державы, меры воздействия оказываются недостаточно убедительными. «Незаконное» ядерное государство Северная Корея подтверждает сказанное. Если отбросить пропагандистскую риторику, то, как справедливо отмечает Ян Бонд, в 2007–2012 гг. занимавший должность главы внешней политики и политики безопасности Британского посольства в Вашингтоне, «если

бы Вашингтон обладал приемлемым военным вариантом для изъятия ядерной программы у Северной Кореи, он использовал бы его до того, как Север получил эффективное ядерное устройство. ...Сейчас у мира нет выбора, кроме как жить с ядерной вооруженной Северной Кореей, пытаясь предотвратить ухудшение ситуации. Это означает защиту режима нераспространения, предотвращения конфликтов и уменьшения риска случайной ядерной войны» [15]. А в случае, если у Израиля, который не подтверждает, но и не отрицает наличие ЯО, докажут существование его, разговор о санкциях вообще вряд ли возникнет.

Перспективы взаимоотношений между великими державами и их влияние на ход мировой истории как в долгосрочном, так и в среднесрочном прогнозировании не могут быть определены с точностью, позволяющей надеяться на однозначное выполнение предложенных сценариев. Для подобных прогнозов существует высокий уровень неопределенности. Аналогичная стратегическая неопределенность характерна так же для всей мировой политики и системы мирового экономического развития в целом. На динамику взаимоотношений могут оказывать влияние события, связанные с субъективными факторами, когда действия акторов вследствие возросших геополитических амбиций будут кардинально менять расстановку в системе политических взаимодействий. Резкое негативное изменение функционирования мировой или региональной экономики тоже заставит пересмотреть характер взаимодействия внутри системы отношений великих держав. Причем, изменение отношений не обязательно может быть связано с усилением конфронтации. Можно рассматривать только наиболее вероятные с позиции текущей расстановки сил варианты развития.

Можно констатировать, что «Концерта великих держав» по аналогии с «Европейским концертом» в ближайшие десятилетие достичь не удастся. Принципиальные расхождения во взглядах на геополитические сценарии мирового развития будут определять лишь степень усиления или ослабления конфронтации между великими державами. Также следует учитывать, что степень поддержки США со стороны их союзников не является абсолютной. Европейский союз не является в прямом смысле этого слова вассалом США, следовательно, он будет отстаивать свои интересы, исходя прежде всего из принципа экономической и политической целесообразности (на уровне Европейского совета или на уровне ведущих стран ЕС).

Способность контролировать действия великих держав извне посредством резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, даже если в результате гипотетического реформирования ООН они будут носить характер, обязательный к выполнению, относится к области практически неосуществимых проектов, не связанных с реальностью. Желание ограничить право вето постоянных членов СБ ООН аргументируется тем, что решения Генеральной Ассамблеи не являются обязательными к выполнению и по существу являются лишь декларацией о намерениях. Решения СБ ООН наоборот имеют силу правового акта, обязательного к исполнению всеми странами. Письмо с предложением Франции и Мексики о возможности добровольного отказа от права вето поддержали к концу сентября 2017 г. 114 стран. Призыв к самоограничению обосновывается необходимостью применения безотлагательных срочных мер для пресечения массовых правонарушений. Категорически против изменения устава ООН выступили Россия, Китай и США. Предполагаемые тактические выигрыши, связанные с возможностью манипулирования количеством голосов в Генеральной Ассамблее, в итоге приведут к ситуации, когда взаимный контроль и взаимное сдерживание между великими державами станут невозможными. Как результат существование самого института ООН может постигнуть участь Лиги Наций. В этом случае о сколько-нибудь общепризнанном международном праве можно забыть.

Курс на конфронтацию между США и Россией по прогнозам будет носить продолжительный характер. Помимо всего прочего это объясняется минимальными для Вашингтона экономическими издержками. Вместе с тем снижение уровня противостояния России и США можно осуществить, как предлагает Грэм Аллисон, занимавший должность советником министра обороны при президенте Рейгане и заместителя министра обороны при президенте Клинтоне, путем возвращения к нормам сотрудничества времен холодной войны. Обоснование для улучшения отношений исключительно прагматическое: «Технологии по сути превратили Россию в невыносимого, но неизбежного сиамского близнеца Америки. Стратегическая реальность внушает еще больший ужас. Какой бы дьявольской разрушительной, хитрой и заслуживающей удущения Россия не была, грубый факт в том, что мы не можем убить эту сволочь, не совершив самоубийства» [16].

В целом взаимоотношения России со странами Запада при наличии конфликтов разной степени интенсивности будет происходить в форме заключения тактически устраивающих обе стороны договоренностей в ситуациях, когда национальные интересы более или менее совпадают. Между странами, входящими в ЕС, нет монолитного единства по всем вопросам, что позволяет осуществлять дифференцированную политику, основанную прежде всего на экономически выгодных проектах и использующую внутренние противоречия в самом блоке.

Единая позиция по вопросам дальнейшего нераспространения ядерного оружия будет служить платформой для совместного сотрудничества великих держав. В данном случае разногласия между ними не будут иметь значения, так как решение этой проблемы напрямую оказывает влияние на уровень национальной безопасности каждой их стран.

Совместные действия на мировой арене по предотвращению появления или зачистке территорий, которые находятся под контролем террористических псевдогосударств, также могут быть объединяющим фактором в нахождении компромиссов между великими державами. В случае, когда такие компромиссы непосредственно не угрожают какой-либо из стран, возможны договоренности, блокирующие использование подобных формирований для смены неуместных по политическим соображениям легитимных режимов.

Безальтернативная гегемония США при решении международных проблем не сможет быть воспроизведена из-за кардинального изменения расклада на мировой арене. Изменившиеся обстоятельства обусловлены рядом причин.

Во-первых, это позиция великих держав. Со стороны России еще в 2009 г. в Стратегии национальной безопасности было указано, что «Россия преодолела последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX в. ... восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений» [17]. Позиция Китая тоже выражена предельно отчетливо. Министр иностранных дел КНР Ван И, подводя итог внешней политике Китая в 2016 г. подчеркивал, что «Китай более зрелым и устойчивым темпом приблизился к центру мировой арены и стал стабилизатором в этом хаосе, положительной силой в переменчивой ситуации» [18].

Во-вторых, существуют ограничения, которые определяют возможности воздействовать на внутреннюю и внешнюю политику стран, обладающих ядерным оружием, но не входящих в официальный «ядерный клуб».

В-третьих, возрастает роль региональных акторов, формирующих свои зоны влияния. Осуществление полного контроля над региональной геополитикой становится невозможным из-за непропорциональных затрат материальных и политических ресурсов с возможной выго-

дой при интервенционистской стратегии воздействия. Сдвиг в сторону полицентричности как раз объективно показывает расширение сферы влияния региональных акторов. Эти тенденции исключают безусловное доминирование великих держав на территориях, которые в их понимании входят в зону их ответственности.

В данных обстоятельствах Россия может выполнять роль модератора, сглаживая имеющиеся противоречия или, по крайней мере, не допуская их обострения до состояния силового конфликта. Характер противоречий между некоторыми странами не позволяет надеяться на их разрешение в обозримом будущем, так как они обусловлены социокультурной консолидацией внутри общества, основанной на жестких идеологических установках. Применительно к организациям ШОС и БРИКС, где Россия не является непосредственной стороной внутренних конфликтных отношений между некоторыми государствами, осуществление таких функций будет способствовать усилению ее положения в иерархической системе международных взаимоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Remarks by the President at the United States Military Academy Commencement Ceremony. May 28, 2014 // The White House. President Barack Obama. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/05/28/remarks-president-united-states-military-academy-commencement-ceremony> (дата обращения: 20.08.2017).
2. Участие Европейского союза в работе Организации Объединенных Наций. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 3 мая 2011 г. ООН. Официальный сайт. Доклад ООН A/RES/65/276. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/529/12/pdf/N1052912.pdf?OpenElement> (дата обращения: 29.08.2017).
3. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о текущей ситуации в мире и важных международных проблемах. 4 июля 2017 г. // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5219> (дата обращения: 30.08.2017).
4. Си Цзиньпин: развитие и укрепление китайско-российских отношений – стратегический выбор двух государств // CCTV News. URL: <http://russian.cctv.com/2017/05/15/ARTIVtslOIJQBE7mQu3RNuJt170515.shtml> (дата обращения: 22.08.2017).
5. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о текущей ситуации в мире и важных международных проблемах. Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5219> (дата обращения: 30.08.2017).
6. Выполнение обязанности защищать. Доклад Генерального секретаря. 12 января 2009 г. ООН. Официальный сайт. Док. ООН. A/63/677. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/63/677&referer=http://www.un.org/en/preventgenocide/rwanda/about/bgresponsibility.shtml&Lang=R (дата обращения: 19.08.2017).
7. Резолюция 1973 (2011). ООН. Официальный сайт. Доклад ООН S/RES/1973. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/41/pdf/N1126841.pdf?OpenElement> (дата обращения: 19.08.2017).
8. Справочная информация: ответственность по защите. ООН. Официальный сайт. URL: <http://www.un.org/ru/preventgenocide/rwanda/bgresponsibility.shtml> (дата обращения: 17.08.2017).
9. Merry R. W. Stop Poking the Russian Bear // The National Interest. Sept.–Oct. 2017. URL: <http://nationalinterest.org/feature/stop-poking-the-russian-bear-21956> (дата обращения: 26.10.2017).
10. Brands H., Edelman E.. America and the Geopolitics of Upheaval // The National Interest. July–Aug. 2017. URL: <http://nationalinterest.org/feature/america-the-geopolitics-upheaval-21258?page=2> (дата обращения: 11.09.2017).
11. Си Цзиньпин: единство БРИКС обеспечит более справедливый мировой порядок. ТАСС. Официальный сайт. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4529001> (дата обращения: 06.09.2017).

12. Парижская Хартия для Новой Европы. Париж. 19–21 ноября 1990 г. ОБСЕ Организация по безопасности и Сотрудничеству в Европе. Официальный сайт. URL: <http://www.osce.org/ru/tsc/39520?download=true> (дата обращения: 10.09.2017).

13. Договор о нераспространении ядерного оружия. Резолюция 2373 от 12.06.1968 г. ООН. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/240/75/IMG/NR024075.pdf?OpenElement> (дата обращения: 25.08.2017).

14. Письмо постоянных представителей Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик от 12 июня 1968 г. на имя Председателя Совета Безопасности S/8630 URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N68/136/12/PDF/N6813612.pdf?OpenElement> (дата обращения: 25.08.2017).

15. Bond Ian. Can the world live with North Korea's bomb? // Cer Bulletin. Issue 116. Oct.–Nov. 2017. URL: <http://www.cer.eu/publications/archive/bulletin-article/2017/can-world-live-north-koreas-bomb> (дата обращения: 23.10.2017).

16. Graham Allison. America and Russia: Back to Basics // The National Interest. Sept.–Oct. 2017. URL: <http://nationalinterest.org/feature/america-russia-back-basics-21901> (дата обращения: 25.09.2017).

17. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/29277> (дата обращения: 22.08.2017).

18. Министр иностранных дел КНР Ван И о внешней политике Китая в 2016 году. Женьминь Жибао. 23.12.2016. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/1223/c95181-9158668.html> (дата обращения: 20.08.2017).

R. V. Fedorov, L. A. Pafomova
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

GEOPOLITICAL PARADIGMS: THE RELATIONSHIP OF ACTORS IN THE FORMATION OF POLYCENTRICISM

The article discusses the significance of geopolitical paradigms and their implementation by main actors in global politics in the transition from a unipolar to a polycentric world. The system of relations between the «great powers» is analyzed, their content and significance in the world politics of today. The authors substantiate the position that in the context of confrontational opposition, the priority of polycentricity allows in the historical perspective to take into account not only their own interests, but also the interests of regional actors. The characteristics of the status quo in the world and the place of Russia in it are given. It is shown that the conceptual provision of the interaction principles between the main actors in world politics gains not only theoretical but also practical importance in the process of formation and organization of geopolitical space.

A polycentric world, «great powers», geopolitical interests, geopolitical paradigms, international relations, strategy

УДК 658.562(075.8)

В. П. Семенов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ И ИНСТРУМЕНТОВ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА В ОРГАНИЗАЦИЯХ

Рассмотрены основные современные проблемы и направления развития менеджмента качества в организациях, особое место среди которых занимает развитие интеллектуальной деятельности и новых технологий. Представлен перечень основных средств и методов совершенствования бизнеса и инжиниринга качества, концепции и подходы, проблемы и перспективы применения методов и инструментов менеджмента качества в организациях, а также направления развития интегрированных систем менеджмента, преимущества их разработки и внедрения в целях повышения устойчивого развития организаций, включая вопросы, связанные с применением международных стандартов на системы менеджмента, организованные на принципах всеобщего менеджмента качества в соответствии с новыми требованиями принятых в 2015 г. стандартов ISO 9000 и ISO 9001. Представлены основные современные достижения менеджмента качества в направлении создания благоприятной среды для бизнеса.

**Менеджмент качества, методы и инструменты менеджмента качества,
интегрированные системы менеджмента, стандарты на системы менеджмента,
система менеджмента качества, всеобщий менеджмент качества**

Современная мировая экономика тесно связана с ускорением глобализационных процессов и переходом ряда наиболее развитых стран к постиндустриальному обществу.

Первостепенное значение в теории постиндустриального общества придается всестороннему развитию членов общества, гуманизации технологий, меняющих положение человека в производстве. Основной производственной силой становится наука, интеллектуальный характер труда преобладает над индустриальным, а уровень развития государства определяется используемыми в экономике технологиями. Главную роль играют знания, поскольку именно они требуются для создания новых технологий. Знания обеспечивают дальнейшее развитие общества [1], [2].

Истоки формирования менеджмента качества как самостоятельной области знаний относятся к первой половине XX в. Менеджмент качества сформировался из теории и практики общего менеджмента, однако долгое время развивался достаточно обособленно от него [3].

Сегодня не вызывает сомнений утверждение, высказанное в ряде научных публикаций, в частности в работе [4], что менеджмент под воздействием механизма жесткой конкуренции в последние несколько десятилетий является самым динамично развивающимся научным направлением. Уже в конце XX в. происходят существенные изменения в осмыслении теории и практики управления, и на сегодняшний день одной из основных проблем

менеджмента является обеспечение устойчивого и сбалансированного развития организаций, предприятий (фирм) всех организационно-правовых форм.

В последние годы стало развиваться понимание того, что менеджмент и менеджмент качества – неразделимые явления, которые должны рассматриваться вместе как науки о достижении и повышении эффективности деятельности организации [5]. Необходимо согласиться с мнением ряда авторов, утверждающих, что в настоящее время в условиях возрастающей конкуренции, неопределенности и сложности внешней среды менеджмент качества становится ведущим менеджментом организации [6]–[8].

В современных условиях менеджмент качества рассматривается как новое междисциплинарное направление теории и практики, сочетающее методологию теории организации, реинжиниринга бизнес-процессов, стратегического, корпоративного и антикризисного управления, операционного, трансформационного, инновационного менеджмента [9].

Современный менеджмент качества в полной мере относится к категории интеллектуальной деятельности [10]–[12]. Это подтверждает характер решаемых задач в организациях, большое количество методов, инструментов, технологий и подходов, в которых используются различные техники моделирования, анализа и прогнозирования.

При анализе современной проблемной ситуации развития менеджмента качества основными проблемами, наиболее характерными для организаций являются:

- нереальные ожидания рынка, связанные с неверным представлением о том, что фактическое создание и развитие системы менеджмента качества является гарантией того, что в организации обеспечивается требуемый уровень качества;
- акцентирование внимания организаций на получение сертификата, а не на разработке и внедрении результативной системы менеджмента качества;
- повышенные финансовые, временные и информационные риски и управление ими;
- необходимость привлечения достаточного количества необходимых финансовых средств в нужные сроки;
- сложность точного определения сроков реализации проектов внедрения и развития СМК при планировании деятельности;
- расхождение первоначальной идеи результатов реализации с ожиданиями потребителей;
- адаптация существующих производственных мощностей и процессов к новым условиям;
- некомпетентность, нехватка специалистов в области менеджмента качества в организациях, отсутствие гибкости со стороны персонала при внедрении изменений и др.

Идеи решения проблем развития менеджмента качества, требующих улучшения деловой активности компаний, процессов, качества продукции и систем менеджмента качества, активно разрабатывались в свое время классиками менеджмента качества Э. Демингом, Дж. Джураном, А. Фейгенбаумом, Ф. Кросби, К. Исикавой, Г. Тагучи и другими специалистами. Необходимо согласиться с авторами публикаций [5], [13] что устойчивое развитие организации невозможно без постоянного улучшения менеджмента, процессов, оптимизации ресурсов, а также без постоянного обучения персонала организаций методам менеджмента и инжиниринга качества.

Имеется большой современный арсенал методов и инструментов совершенствования бизнеса, который продолжает пополняться новыми подходами, такими как:

- Управление проектами (Project Management);
- LP – Lean Production (Lean Manufacturing); Lean Thinking (Бережливое или щадящее производство и разработка) и его составляющие: TPM – Total Productive Maintenance (Все-

общие усилия по обеспечению технической исправности оборудования); MMM – MUDA, MURA, MYRI (Борьба с потерями ресурсов, изменчивостью параметров процессов, перенапряжениями персонала); 5S – организация рабочего места (Сортировка, упрощение, уборка, стандартизация, поддержание и улучшение); SMED – Single Minute Exchange of Die (Быстрая смена инструментов (штампов)); РОКА – YOKE (Защита от ошибок персонала);

- Бенчмаркинг (Benchmarking);
- SS – концепция «Six Sigma» фирмы «Моторола»;
- LSS – сочетание Lean Manufacturing и «Six Sigma»;
- TOC – «Теория ограничений» Голдратта;
- Сочетание TOC с подходами «Six Sigma» и Lean Production (метод «Velocity» – LP + SS + TOC);
- Модель делового совершенства (Business Excellence), используемая в моделях премий по качеству;
- Kaizen и Kaigio – подходы, использующие постепенное и скачкообразное улучшение соответственно;
- BSC – Balanced Score Card (Стратегические карты сбалансированной системы показателей, Сбалансированная система показателей по Нортону и Каплану (ССП));
- BPR – Business Process Reengineering (Реинжиниринг бизнес-процессов);
- Kanban (Канбан) – метод управления производством и снабжением, разработанный фирмой «Тойота»;
- JIT – Just In Time («Точно вовремя») – системы организации производства, минимизирующие незавершенное производство;
- CIM – Computer Integrated Manufacturing (компьютерное интегрированное производство);
- Hoshin Kanry (Хосин Канри) – система развертывания целей (планов) по всей компании;
- Многофункциональные команды, кружки (группы) качества;
- PPORF – Practical Program of Revolution Sinfactories (практическая программа революционных преобразований на предприятии (ППРПП), или 20 ключей менеджмента (подход, о котором заговорили в последнее время, хотя он был разработан Ивао Кобаяси в Японии еще в середине 80-х гг. XX в.).

Организации успешно применяют также различные методы инжиниринга качества (инженерные методы повышения качества) [13]:

- Статистические методы управления качеством SQC (Statistical Quality Control), включающее: SPC – Statistical Process Control (Статистическое управление процессами (ГОСТ Р 50779.40 и др.); выборочный статистический контроль (ГОСТ Р 50779.30 и др.); Process Capability (Аппарат индексов пригодности и воспроизводимости);
- Риск-менеджмент. Анализ опасностей и оценка рисков;
- FMEA – Failure Mode and Effect Analysis (Анализ видов и последствий потенциальных дефектов);
- Методы Г. Тагути;
- QFD – Quality Function Deployment (Структурирование функций качества);
- FTA – Fault (Failure) Trees Analysis (Анализ дерева отказов);
- IDEF, ARIS и другие методы моделирования процессов;

– Q7 – Семь простых инструментов качества [диаграмма К. Исикавы, контрольный листок, стратификация, гистограмма, диаграмма Парето, диаграмма разброса (рассеивания), контрольные карты];

– N7 – Семь «новых» инструментов качества (диаграмма процесса осуществления программы, диаграмма сродства, древовидная диаграмма, матричная диаграмма, анализ матричных данных, диаграмма отношений, стрелочная диаграмма);

– Методы решения проблем: G8D – Глобальный процесс решения проблем, метод Кепнера–Трегу, 5WHY – метод «Пять почему?», метод Киплинга 5W1(2)H и др.;

– Мозговой штурм (Мозговая атака);

– SWOT-анализ и множество других инструментов.

Необходимо согласиться с мнением ряда специалистов ([8], [9] и др.), что мода на реинжиниринг в настоящее время прошла. Сегодня он превратился из разрушительной силы в один из способов перестройки организации. Чаще стали использоваться методы анализа и решения проблем, стимулирующие развитие и использование творческого потенциала, в отличие, например, от статистических методов и подхода «6 сигм» (6S), которые не получили большого распространения в организациях. Сохранил свои позиции бенчмаркинг, он продолжает успешно применяться в организациях. Не получил должного распространения проектный подход. Среди подходов, которые успешно развиваются в организациях и активно влияют на ситуацию, специалисты отмечают систему сбалансированных показателей и направление «Управление знаниями».

Зарубежные организации накопили значительный опыт в применении различных концепций менеджмента качества [8]. Он широко применяется и в практике отечественных предприятий и организаций. К этим концепциям относятся:

- TQC (Total Quality Control) – всеобщий контроль качества;
- QA (Quality Assurance) – обеспечение качества;
- QC (Quality Control) – управление качеством;
- TQM (Total Quality Management) – всеобщее управление качеством;
- SQC (Statistical Quality Control) – статистический контроль качества;
- QAS (Quality Assurance System) – система обеспечения качества;
- PA (Product Assurance) – гарантия продукции;
- CWQC (Company Wide Quality Control) – контроль качества в масштабе компании;
- TMM (Total Manufacturing Management) – всеобщий производственный менеджмент;
- GMP (Good Manufacturing Practices) – передовой производственный опыт;
- TMA (Total Manufacturing Assurance) – всеобщее обеспечение производства;
- IPM (Integrated Process Management) – интегрированный менеджмент процессов;
- MQI (Management for Quality Improvement) – менеджмент в целях улучшения качества;
- TQPM (Total Quality and Productivity Management) – тотальное управление качеством и производительностью;
- IM (Integrated Management) – интегрированный менеджмент качества;
- UQM (Universal Quality Management) – универсальный менеджмент качества;
- CIIS (Continuous Improvement Implementation System) – система внедрения непрерывных улучшений;
- ZD (Zero Defect) – система «Ноль дефектов»;
- TQT (Total Quality Transformation) – полное преобразование качества.

Перечисленные основные концепции и подходы отражают практику применения различных методов и инструментов менеджмента качества. Наибольшее распространение среди них, по мнению специалистов, получили кружки контроля качества и метод развертывания функции качества QFD (Quality Function Deployment).

Одним из механизмов продвижения различных методов и инструментов менеджмента качества в целях устойчивого развития организаций стала международная стандартизация систем менеджмента и их интеграция.

Стандарты ISO 9000 являются общими стандартами, которые применяются в организациях вне зависимости от отрасли. Тем не менее во многих отраслях существуют свои требования, которые должны выполнять организации в зависимости от видов деятельности. Эти требования обусловлены как видом продукции или услуг, так и законодательными инициативами по обеспечению безопасности продукции для потребителей.

В связи с этим во многих отраслях (автомобильной, аэрокосмической, телекоммуникационной, нефтегазовой, лесной, здравоохранении, строительстве, производстве пищевой продукции, сельском хозяйстве, железнодорожных перевозках и др.) на базе стандартов ISO 9000 были разработаны отраслевые стандарты на системы качества. Этим стандартам присвоен различный статус – международных, региональных (например, европейские нормы) и национальных стандартов.

В связи с этим большой интерес в последние годы вызывает создание интегрированных систем менеджмента (ИСМ). К таким стандартам относятся: стандарты ISO 9000 на системы менеджмента качества, стандарты ISO 14000 на системы экологического менеджмента, стандарты OHSAS 18000 на системы менеджмента промышленной безопасности и охраны труда, стандарт SA 8000 на системы социального и этического менеджмента. К их числу также относят стандарты, разработанные на основе ISO 9000 для применения в конкретных отраслях, перечисленных выше. Кроме этого, мировое признание получили международные стандарты на типовые компьютерные системы планирования и управления производством и моделирования процессов.

Преимуществами разработки и внедрения ИСМ являются:

- повышение технологичности разработки, внедрения и функционирования систем менеджмента;
- разработка единой гармонизированной структуры менеджмента;
- снижение затрат на разработку, функционирование и сертификацию;
- возможность совмещения ряда процессов в рамках ИСМ (планирование, анализ со стороны руководства, управление документацией, подготовка кадров, обучение, внутренние аудиты и пр.);
- повышение мобильности и возможностей адаптации к изменяющимся условиям;
- большая привлекательность для потребителей, заинтересованных сторон, инвесторов.

Несомненно, ИСМ нельзя отождествлять с системой общего менеджмента организации, объединяющей все аспекты ее деятельности. В этом плане понятие «интегрированная система менеджмента» является комплексным, в отличие от понятий отдельных систем менеджмента (система менеджмента качества, система экологического менеджмента и др.), которые объединены в ИСМ. Даже при внедрении в организации всех действующих в настоящее время универсальных и отраслевых стандартов на системы менеджмента ИСМ не будет тождественна системе общего менеджмента организации, так как область ее распространения пока

еще не включает финансовый менеджмент, менеджмент персонала, инновационный менеджмент, менеджмент рисков, менеджмент ценных бумаг и пр. О тождественности понятий «интегрированная система менеджмента» и «система общего менеджмента» можно будет говорить лишь после того, как будут разработаны стандарты на все области, охватываемые общим менеджментом организации. Логично предположить, что создание ИСМ продолжится до тех пор, пока не будут стандартизированы все области общего менеджмента, а это может оказаться длительным процессом с неясными перспективами [8].

Создание ИСМ на практике осуществляется по одному из следующих вариантов:

- создание аддитивных моделей ИСМ, когда к системе менеджмента качества, выполняющей роль базовой системы, последовательно добавляется система экологического менеджмента (СЭМ) и система OHSAS;

- создание интегрированных моделей, когда все системы менеджмента объединяются в единый комплекс одновременно. Этот вариант имеет много организационных и экономических преимуществ по сравнению с первым, однако в настоящее время из-за сложности работ он применяется еще достаточно редко.

Необходимо несколько подробнее остановиться на актуальной проблеме управления интеллектуальным капиталом.

Происходящая в современном мире замена индустриального труда на интеллектуальный осуществляется в условиях мощного кризиса. Причем этот кризис – беспрецедентный по охвату всех сфер финансовой и экономической жизни. В силу природы капитализма его финансовая сфера склонна отрываться от производства, от реального сектора экономики, из которого деньги, собственно говоря, и берутся. По разным оценкам, сейчас только 2–3 % всех финансовых операций связано с сектором материального производства. Остальные деньги, десятки триллионов долларов, обслуживают сами себя. В США, например, реальный сектор экономики составляет не более 15–18 %. А остальное – сфера услуг, в том числе банковская система, страхование и т. д. Причем в этих сферах нет должного государственного контроля.

Более того, современный рынок создал новый вид конкуренции – конкуренцию межгосударственного характера по качеству интеллектуальных ресурсов общества. Так, по некоторым данным, около 60 % прироста национального дохода США обеспечивается за счет опережающего развития науки, а значит, за счет прироста знаний. Импорт технологий на порядок эффективнее импорта товаров, а импорт интеллектуального ресурса на несколько порядков эффективнее, чем импорт технологий. Поэтому в США импорт интеллекта высоких квалификаций и профессионализма является одной из стратегий государственной политики. Происходит капитализация знаний и интеллекта и имеет место противоположный процесс – интеллектуализация капитала.

Тенденции современного развития производства таковы, что самым важным сырьем для предприятий (фирм, корпораций) становятся коммерческие идеи, знания и информация, обеспеченные защитой права собственности. Поэтому особое значение в настоящее время приобретают институциональные аспекты, определяющие систему взаимоотношений на рынке и систему обязательств между контрагентами, в том числе отношений собственности [14].

Современная концепция менеджмента качества – принципиальная основа стандартов ISO 9000, тесно связанных с TQM. Анализ содержания этих стандартов свидетельствует об интересе современной бизнес-практики к инновационному вектору интеллектуальной деятельности в менеджменте качества. Сущностное содержание TQM актуализировало интерес к решению проблемы управления интеллектуальной деятельностью в менеджменте качества.

Одной из главных современных тенденций развития менеджмента организаций, таким образом, является формирование и развитие в организациях систем менеджмента качества, соответствующих требованиям принятых в 2015 г. стандартов ISO 9000 и ISO 9001.

Главные перспективные направления развития современных подходов к формированию и развитию системы менеджмента качества в организациях:

- слияние систем менеджмента качества и систем менеджмента организаций, формирование интегрированных систем менеджмента;

- развитие систем менеджмента организаций на основе различных моделей самооценки, преобразующихся в модели построения совершенной организации;

- дальнейшее рациональное применение методов и инструментов менеджмента качества организациями различных сфер деятельности.

Необходимо особо подчеркнуть, что менеджмент качества становится в настоящее время ведущим менеджментом фирм, т. е. менеджментом четвертого поколения. Его основными современными достижениями являются [8]:

- формирование и развитие международных стандартов ISO серии 9000 по менеджменту качества, стандартов ISO серии 14000 на системы экологического менеджмента, стандартов OHSAS серии 18000 на системы менеджмента промышленной безопасности и охраны труда, а также ряд универсальных и отраслевых стандартов на системы менеджмента, интенсивное развитие которых продолжается в сторону создания интегрированных систем;

- создание международных организаций, таких как Форум по аккредитации IAF и Ассоциация по сертификации персонала IPC, формирующих принципы и критерии аккредитации органов по сертификации систем менеджмента и персонала;

- формирование международных требований к процедурам сертификации систем менеджмента, по которым работают аккредитованные органы по сертификации, международная сеть органов по сертификации систем менеджмента (IQNet);

- формирование международного реестра сертифицированных аудиторов систем менеджмента (IRCA);

- формирование практики аудита систем менеджмента;

- увеличение количества фирм в мире, имеющих сертификаты на внутрифирменную систему менеджмента качества;

- успешная практика премирования по качеству на разных уровнях.

Таким образом, эффективные средства, методы и инструменты менеджмента качества, повышая общую культуру производства, а также формируя основу для улучшения качества и снижения риска опасности продукции, приводят в конечном итоге к ситуации, когда общество может ослабить или вообще исключить механизмы обязательного подтверждения соответствия, создавая тем самым более благоприятную среду для бизнеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. М.: Academia, 1999. 784 с.
2. Иванов В. В. Инновационная парадигма XXI. М.: Наука, 2011. 239 с.
3. Швец В. Е. «Менеджмент качества» в системе современного менеджмента // Стандарты и качество. 1997. № 6. С. 48–50.
4. Янсен Ф. Эпоха инноваций / пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 2002. 308 с.

5. Быков С. Ю., Быков Ю. М. Методы повышения эффективности предприятий. Что выбрать? // Методы менеджмента качества. 2010. № 3. С. 4–8.
6. Методы управления качеством инновационных технологических процессов / В. А. Васильев, С. А. Одинокоев, Е. В. Борисова и др. // Качество. Инновации. Образование. 2016. № 8–10. С. 56–60.
7. Виханский О. С., Наумов В. И. «Другой» менеджмент: время перемен // Рос. журн. менеджмента. 2004. № 3. С. 12–15.
8. Заика И. Т., Смоленцев В. М., Федулов Ю. П. Системное управление качеством и экологическими аспектами. М.: ИНФРА-М, 2014. 384 с.
9. Семенов В. П. Направления развития менеджмента качества. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2016. 140 с.
10. Пичурин И. И. Сущность понятия «качество» // Стандарты и качество. 2002. № 8. С. 62–63.
11. Владимирцев А. В., Шеханов Ю. Ф. Принцип постоянного улучшения в проектах МС ИСО семейства 9000:2000 // Методы менеджмента качества. 2000. № 10. С. 4–8.
12. Semenov V. Methods of complex evaluation of the level of competitiveness // Economics and Management. 2013. № 18 (4). P. 715–720. DOI: 10.5755/j01.em.18.4.4258.
13. Процессный подход и интегрированные системы менеджмента / А. В. Владимирцев, О. А. Марцынковский, Ю. В. Загоруйко и др. // Методы менеджмента качества. 2010. № 1. С. 18–23.
14. Семенов В. П., Кузнецова О. А. Пути развития рынка недвижимости на основе предпринимательства // Науч. обозрение. 2013. № 3. С. 281–286.

V. P. Semenov

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

ACTUAL PROBLEMS AND PROSPECTS OF METHODS AND INSTRUMENTS OF QUALITY MANAGEMENT APPLICATION IN ORGANIZATIONS

The main modern problems and directions of quality management development in organizations special place among which is given to the development of intellectual activity and new technologies are considered, the list of fixed assets and methods of improvement of business and engineering of quality, the main concepts and approaches, problems and prospects of application of methods and instruments of quality management in the organizations, the main directions of the development of management integrated systems, advantage of their development and deployment for the improvement of the sustainable organizations development is presented, including the questions connected with application of international standards for management systems organized on the principles of general quality management according to new requirements of the ISO standards 9000 and ISO 9001 accepted in 2015 the main modern achievements of quality management in the direction of creation of the favorable environment for business are presented.

Quality management, methods and instruments of quality management, integrated management systems, standards for management systems, quality management system, total quality management

УДК 336.67

А. Н. Мардас

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

О. А. Гуляева

Петербургский государственный университет путей сообщения Александра I

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ПРОГНОЗНОЙ ОЦЕНКЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Освещена проблема прогнозирования эффективности стратегии развития производственно-экономической системы в нестационарных условиях. Представлен инструментарий снижения неопределенности будущего состояния системы, исходящий из методов непараметрической эконометрики. В основе используемого подхода лежит методология рандомизации малой выборки эмпирических данных и последующая идентификация построенного распределения как модели развития системы после точки бифуркации; идентификация осуществляется применением непараметрического критерия согласия. В последующем с помощью построенной модели могут определены реально достижимые показатели стратегии развития.

Стратегическое планирование, непараметрическая эконометрика, прогнозирование, производственно-экономическая система

Экономическая литература трактует инновационную деятельность как совокупность проектов по превращению идеи в новые продукты и технологии. Отдельный инновационный проект раскрывает порядок превращения новшества в реальную инновацию. Таким образом, содержательно проект – это применение знаний, навыков и умений, инструментария разработки и технологий производства к созданию стоимости идеи и формированию условий превращения ее в источник дохода или другого социального эффекта [1]. Существенно, что изначально достижение цели проекта не гарантировано, и в общем случае его динамика (реально складывающийся порядок исполнения) и конечный результат остаются неопределенными.

Эффективность инновационной деятельности проявляется как финансовая отдача. Поэтому процедура ее оценки для отдельного проекта в большинстве случаев сводится к бухгалтерским расчетам и сравнению денежных потоков по критерию чистой текущей стоимости (*NPV*) [2]. Эффективность же стратегии развития производственно-экономической системы (ПЭС) в целом чаще всего трактуется как целевая, т. е. степень достижения заявленных целей. И в том и в другом случае в целях стратегического планирования необходимы обоснованные допущения относительно ожидаемых денежных потоков и знание конечной даты завершения проекта (программы развития). Данный аспект позволяет утверждать, что стандартный бухгалтерский расчет *NPV* не может решить проблему оценки эффективности инновационной деятельности, поскольку игнорирует реальную неопределенность ее хода и конечного результата.

Применение эконометрических подходов существенно повышает объективность прогноза денежных потоков, а значит и адекватность стратегического планирования. Вместе с

тем привлекаемый математический аппарат опирается на представления о стохастичности ситуации и эргодичности исследуемых процессов, что чрезвычайно редко выполняется в современной перманентно меняющейся экономике.

Динамика современной экономики не позволяет напрямую применять классический стохастический инструментарий для описания производственно-экономических систем. Вместе с тем ясно, что прогнозные алгоритмы должны строиться по аналогии с моделями Бокса–Дженкинса [3], т. е. как объединение детерминированной (иначе говоря, планирующей) и нерегулярной (отождествляемой с неопределенностью и не поддающейся планированию) компонент. Для современной экономики это равносильно спецификации эконометрической модели в отсутствии выполнимости условий стохастичности. Поэтому первый этап идентификации перспектив ПЭС должен представлять собой доказательную рандомизацию эмпирической информации в целях обеспечения возможностей применения вероятностной схемы и последующей оценки гипотезы о природе и темпах развития.

Процедура рандомизации эмпирической информации о ретроспективе ПЭС на старте стратегии предложена в работе [4]. Там же представлен алгоритм непараметрической идентификации совместного распределения инвариантных статистик короткого временного ряда основного показателя как отражения складывающейся тенденции развития ПЭС. В итоге путем применения супериндикатора [5] устанавливается наиболее достоверный вариант развития ПЭС в ближайшей перспективе (один-три временных периода). По данному варианту и проверяется реализуемость мероприятий стратегии.

Перспективы развития ПЭС могут быть оценены путем факторизации модели промышленного роста. В рамках неоклассических представлений это равнозначно отысканию максимума производственной функции как связи результата производства с технологиями и затратами ресурсов. При этом в качестве ресурсов рассматривают накопленный труд в форме производственных фондов K (капитал) и настоящий (живой) труд L . Тогда ПЭС описывается двухфакторной производственной функцией, например в форме Кобба–Дугласа:

$$X = AK^{\alpha}L^{\beta}, \quad (1)$$

а ее динамика представима логарифмическим трендом

$$\ln X_t = \ln A + \alpha \ln K_t + \beta \ln L_t, \quad (2)$$

где $t = 1, 2, \dots, T$; T – длина временного ряда наблюдений.

Если для коэффициентов эластичности в (2) выполняется $\alpha > \beta$, то имеет место трудосберегающий (интенсивный) рост, в противном случае – фондосберегающий (экстенсивный) рост. Параметр A можно интерпретировать как параметр технического прогресса, иначе говоря, отождествлять со степенью инновационности ПЭС: при тех же α и β выпуск в точке (K, L) больше, чем больше A (выше достигнутый технологический уровень).

Функция Кобба–Дугласа может стать инструментом управления инвестиционно-инновационным процессом на основе выбора коэффициентов эластичности и параметра инновационности A в виде соотношения между затратами на факторы производства и формирование интеллектуального потенциала.

Трудность, однако, состоит в том, что однозначный расчет (например, методом наименьших квадратов) коэффициентов α , β и A по мультипликативной форме (1) возможен только при однородности производственной функции, что крайне редко выполняется на практике.

Вторым препятствием является то, что для обеспечения достоверности результатов регрессионного анализа требуется привлечение выборок со значительными объемами. Это делает невозможным непосредственное применение к инновационным процессам классических подходов эконометрики. Вместе с тем, поскольку в соответствии с неоклассическими представлениями в краткосрочном периоде постоянные факторы производства фиксированы, можно предположить, что в случае инновационного развития рост ПЭС обеспечивается за счет превалирующей роли интеллектуального вклада.

Предположив, что инновационный прорыв означает скачок в результирующем показателе ПЭС при практически неизменном вовлечении ресурсов в производство (т. е. фиксации L и K в точке старта инновационной стратегии) и, переходя к удельным величинам, т. е. полагая $x = X/L$, $k = K/L$, статику ПЭС можно моделировать соотношением

$$x = Ak\lambda, \quad (3)$$

отражающим индекс роста в расчете на одного работающего, а динамику – логарифмическим трендом

$$\ln X_t = \ln A + \alpha \ln K_t + \beta \ln L_t, \quad (4)$$

где $t = 1, 2, \dots, T$; T – длина временного ряда наблюдений за параметрами системы.

Таким образом, после оценки параметров регрессии (4) по значению коэффициента λ (эластичности инвестиций) можно определять соотношение между динамикой расходов на интеллектуальную и фондоформирующую компоненты инновационной деятельности в ближайшей перспективе. Оценивание модели (4) в силу малости выборки и краткосрочности прогноза для преодоления проблемы гетероскедастичности следует проводить по методу Салкевера на линейной модели роста. Это обеспечит оценку ошибки моделирования в условиях невозможности применить метод наименьших квадратов.

Если возможности инновационного прорыва подтверждены (кривая роста есть экспонента [4]), то дальнейшее развитие ПЭС предопределено ее короткой ретроспективой и заключается в активизации усилий по сложившимся успешным направлениям.

Развитие ПЭС как ее модернизация предполагает квантификацию причинно-следственных связей между факторами и результатами производства и планирования их совместного изменения для достижения установленной цели. В этом случае задачей стратегического планирования становится выбор и факторизация рациональной траектории как лучшей из ряда альтернатив.

В соответствии с общей теорией коинтеграции причинная обусловленность временных рядов проявляется в их одновременной (совместной) интегрируемости. Иначе говоря, если нестационарные временные ряды x_t и A_t допускают объединение в стационарную линейную комбинацию, то путем оценки регрессионного уравнения

$$x_t = \delta + \gamma A_t + v_t, \quad t = 1, 2, \dots, T \quad (5)$$

можно получить оценку коэффициента γ (доля НИОКР в текущих расходах ПЭС) как характеристику взаимообусловленности роста ПЭС и ее интеллектуального ресурса. Поэтому для установления возможностей интеллектуального вклада в рост ПЭС следует по критерию Энгеля–Грейнджера проверить коинтегрируемость рядов x_t и A_t в ретроспективе по регрессии вида:

$$\Delta v_t = b_0 + b_1 v_{t-1}, \quad (6)$$

где $\Delta v_t = v_t - v_{t-1}$ – первые разности остатков в (5). Если коэффициент b_0 значимо отличается от нуля, то нуль-гипотеза отклоняется и признается наличие коинтеграции. В свою очередь это открывает возможность квантификации связи между интеллектуальным ресурсом и ростом ПЭС.

Если целевое значение x_t^* темпов роста ПЭС задается директивно, то при вышеизложенных предположениях оно представимо выражением

$$x_t^* = \delta + \gamma A_t + v_t; t = 1, 2, \dots, T. \quad (7)$$

С другой стороны, в условиях динамического равновесия в каждом интервале моделируемого периода фактическое приращение результирующего показателя есть

$$x_t - x_{t-1} = \mu(x_t^* - x_{t-1}), \quad (8)$$

т. е. пропорционально разности между ожидаемым (задаваемым) уровнем и предшествующим значением x_{t-1} . Тогда

$$x_t = \mu x_t^* + (1 - \mu)x_{t-1}, \quad (9)$$

т. е. реальное наблюдение x_t реализуется как взвешенная с удельным весом μ сумма задаваемого x_t^* и предшествующего x_{t-1} значений целевого показателя. Следовательно, если по ретроспективному эмпирическому ряду в соотношении (5) допустимо описание нерегулярной компоненты v_t белым шумом, то уравнения (9) и (10) совместно образуют модель частичной корректировки, которая может служить инструментом факторизации траектории развития в виде динамики интеллектуального обеспечения. Тогда изменение доли НИОКР в общих расходах ПЭС устанавливается по коэффициентами μ и γ из модели:

$$x_t = \mu\delta + \mu\gamma A_t + (1 - \gamma)x_{t-1} + \mu v_t; t = 1, \dots, T. \quad (10)$$

В условиях отсутствия предпосылок или директивных установок на интенсивный рост планирование развития ПЭС следует осуществлять в рамках традиционного оперативно-производственного планирования, используя следующую модель.

Темп роста ПЭС определим как $R_t = \frac{C_t}{C_{t-1}} = 1 + r_t$, где r_t – темп прироста результирующего показателя C_t . Осуществив логарифмирование данного выражения, установим, что для малых изменений имеет место равенство $\Delta \ln C_t = \ln C_t - \ln C_{t-1} = \ln(1 + r_t) \approx r_t$. Поэтому достаточно малые изменения результирующего показателя развития ПЭС под влиянием фундаментальных факторов можно аппроксимировать логарифмическим темпом прироста $\Delta \ln C_t$. Сами изменения факторов (материальных активов, объемов выпуска, цен реализации и т. п.) в периоде с номером t представимы соотношениями $Q_{it} = \frac{V_{it}}{V_{it-1}}$, ($i = 1, \dots, m$).

Тогда значения результирующего показателя следует прогнозировать (в планировании – устанавливать) по уравнению множественной регрессии вида:

$$\Delta \ln C_t = \sum_{i=1}^m \beta_i Q_{it} + D_t \varepsilon_t, \quad (11)$$

где t – номер периода; D_t – фиктивная переменная Салкевера, равная единице только для момента прогноза; β_i – коэффициенты регрессии, отражающие влияние соответствующего фактора.

Таким образом, непараметрическая эконометрика может стать общим подходом к выбору модели развития ПЭС (инновационный рост, модернизация, экстенсивное расширение).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 г. М.: Ин-т проблем развития науки РАН, 2010. 422 с.
2. Методы стратегического анализа на железнодорожном транспорте / А. Н. Мардас, О. А. Гуляева, Н. К. Румянцев и др. СПб.: Изд-во ПГУПС, 2013. 137 с.
3. Статистический анализ данных, моделирование и исследование вероятностных закономерностей. Компьютерный подход / Б. Ю. Лемешко, С. Б. Лемешко, С. Н. Постовалов и др. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. 888 с.
4. Гуляева О. А., Мардас А. Н., Мардас Д. А. Прогнозная оценка результативности стратегии развития производственно-экономической системы // Дискурс. 2016. № 2. С. 79–86.
5. Ивченко Б. П., Мартыщенко Л. А., Иванцов И. Б. Информационная микроэкономика. СПб.: Нордмед-Издат, 1997. 197 с.

A. N. Mardas
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

O. A. Gulyaeva
Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University

ECONOMETRIC METHODS IN FORECAST EVALUATION OF THE DEVELOPMENT STRATEGY OF A MANUFACTURING SYSTEM

The article is devoted to the problem of predictive evaluation of the development strategy efficiency of a manufacturing system under non-stationary conditions. A toolkit for reducing the uncertainty of the future system state is presented proceeding from methods of nonparametric econometrics. The approach is based on the randomization methodology of empirical data and identification of the constructed distribution, as a model for the development after the bifurcation point. Identification is carried out using a nonparametric consent criterion. The really achievable indicators of the development strategy can be determined based on the constructed model.

Strategic planning, nonparametric econometrics, forecasting, manufacturing system

УДК 331.44

И. А. Брусакова, В. И. Фомин*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ПРОЦЕССЫ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Представлены основные проблемы описания человеческих, социальных, трудовых ресурсов при управлении предприятием для задач обеспечения конкурентоспособности предприятия, приведены основные показатели эффективности трудовых ресурсов, раскрыто понятие человеческого капитала, приведена структура человеческого капитала. Предложено рассчитывать ценность человеческого потенциала в зависимости от физического состояния человека, а не только в стоимостном выражении. Показано, что физическое состояние человека напрямую зависит от его «генетической предрасположенности», навыков, умений, знаний, полученных конкретным человеком в различные периоды его жизни.

Социальные, трудовые, человеческие ресурсы, трудовой, кадровый потенциал, человеческий капитал, структура человеческого капитала, человеческий фактор

В последнее время в литературе обсуждаются вопросы формирования и использования человеческого потенциала как важнейшего фактора развития страны. При этом под человеческим потенциалом, как правило, понимают качества людей, принципиально влияющие на результаты деятельности, в которую они вовлечены. Близкими по смыслу терминами являются также понятия «человеческий фактор», «человеческий капитал».

При моделировании динамики социальных, человеческих ресурсов для приложений HRM (Human Resource Management) корпоративных информационных систем необходимо использовать показатели эффективности управления социальными ресурсами. Известны определения понятий «рабочая сила» и «трудовые ресурсы» как совокупности физических и умственных способностей людей, предназначенных для производства материальных благ и услуг [1]. Человеческие ресурсы, человеческий капитал определяются количеством людей (людскими ресурсами) и человеческим потенциалом (компетенциями, опытом, интеллектом, способностью к постоянному совершенствованию и развитию).

Человеческий капитал является важной (но не единственной) формой проявления человеческого потенциала в системе рыночных отношений. Он связан с получением потока доходов благодаря эффективности вложений в развитие профессиональных качеств людей (например, за счет вложений в образование). Однако инвестиции в образование представляют собой лишь возможные выгоды в будущем, а к сфере возможного относится понятие «потенциал», – следовательно, здесь следует оперировать термином «человеческий потенциал», а не «человеческий капитал».

Цель управления социальными ресурсами – оптимизация процессов в кадровых службах, повышение эффективности деятельности персонала и успешная реализация корпоративной стратегии.

Для обеспечения конкурентоспособности предприятия необходимо:

- привлекать, удерживать и мотивировать лучший персонал;
- достигать реализации стратегических целей компании, декомпозируя их до уровня каждого сотрудника;

- реализовывать развитие и обучение кадрового потенциала в соответствии с целями компании и ее подразделений;
- осуществлять стратегическое планирование организационных изменений и формировать бюджеты;
- своевременно принимать эффективные решения, основываясь на точном и всестороннем информационном анализе.

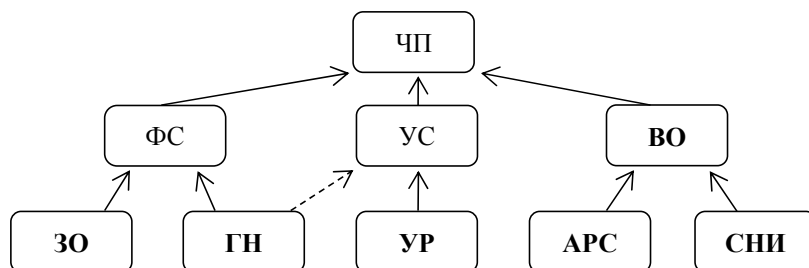
Выделяются следующие компоненты трудового потенциала: здоровье, нравственность, творческий потенциал, активность (пассионарность), организованность, асертивность, образование, профессионализм, ресурсы рабочего времени. Эти компоненты могут относиться к отдельному человеку и различным экономическим системам.

К основным показателям эффективности трудовых ресурсов относятся продуктивность и рентабельность труда.

Эффективность кадрового потенциала в [1] предлагается оценивать по следующим показателям:

- квалификация (степень соответствия квалификации сотрудника занимаемой им должности);
- стаж работы (стаж работы сотрудников на их должности в годах);
- образование (образование сотрудников, степень соответствия образования сотрудника выполняемой им работе);
- возрастной состав сотрудников (возраст сотрудников в годах);
- уровень оплаты труда (заработная плата сотрудников);
- условия труда (соответствие условий труда стандартам по безопасности труда);
- показатели повышения квалификации и профессионального обучения (затраты на повышение квалификации сотрудников, удельный вес сотрудников, квалификация которых повышается в соответствии с требованиями новых технологий, принятых компанией);
- показатели морали сотрудников (степень добросовестности сотрудников);
- показатели удовлетворенности работой сотрудников.

Элементарная единица человеческого потенциала общности, страны – потенциал отдельного человека. На рисунке представлена обобщенная структура формирования человеческого потенциала, где ЧП – человеческий потенциал; ФС – физическое состояние; УС – умственные способности; ВО – воспитание и образование; ЗО – здравоохранение, здоровый образ жизни; ГН – генетическая наследственность; УР – условия развития; АРС – апгрейд рабочей силы; СНИ – социализация, национальная идентификация.

Следует отметить, что ценность человеческого потенциала не может выражаться лишь в стоимостных показателях. Более того, его в принципе нельзя свести только к количественной оценке, поскольку методов непосредственного измерения возможностей не существует (по крайней мере, сегодня). Но на современном этапе исследований для понимания феномена человеческого потенциала важна не столько формально исчисленная неким образом его величина, сколько оценка качества социальной жизни и существующих экономических

условий для формирования и реализации потенций человека в трудовой или иной общественно признаваемой деятельности. Если такие условия есть, то человеческий потенциал может реализоваться как человеческий капитал, выступая источником дохода для своего носителя, экономического роста и социального прогресса – для общества в целом.

В первом приближении можно принять, что человеческий потенциал складывается из таких характеристик человека, как его физическое состояние, умственные способности и уровень воспитания и образования. При этом надо понимать, что для разных видов человеческой деятельности необходимо разное сочетание перечисленных качеств, а общество в каждый период времени может быть заинтересовано в разной структуре составляющих его индивидов по набору преобладающих качеств.

Физическое состояние человека зависит от его генетической наследственности (полученного от родителей набора генов), развития здравоохранения и реализуемого образа жизни (в том числе стандартов здорового образа жизни). При этом очевидно, что каждый человек в разные периоды жизни (младенчество, детство, отрочество и так далее вплоть до преклонного возраста) имеет возрастные отличия в плане его физического состояния. Но для каждого периода применимо понятие хорошей физической формы как некоторая относительная характеристика человека по сравнению с некоторым средним для людей того же возраста уровнем физического состояния.

Можно предполагать, что умственные способности человека (в широком смысле этого понятия) могут зависеть от его генетической наследственности и условий развития. Однако прямолинейная трактовка – «у умных родителей должны рождаться умные дети» не находит подтверждения в исследованиях и реальной практике. Тем не менее слухи о проведении исследований (в том числе экспериментальных работ) в области евгеники в некоторых странах возникают с завидным постоянством [2]–[4]. Можно также вспомнить о практике средневекового Китая по многоступенчатому отбору и назначению чиновников (вплоть до самого высокого ранга) по их способностям на основе системы экзаменов. Получившие высокие должности чиновники имели возможность содержать большее количество жен и оставлять более многочисленное потомство, чем их менее способные сограждане.

В большей степени умственные способности, как показывают исследования специалистов по деятельности мозга, зависят от условий развития, прежде всего в раннем возрасте [5], [6]. В частности, выявлена статистически достоверная зависимость умственных способностей детей (в возрасте от примерно 3 лет до 19 лет) от проживания в семье бабушки.

Известно, что число связей между нейронами мозга у новорожденных минимально, затем оно возрастает с развитием мозга и достигает в возрасте 1,5–2 лет своего максимума. В этом возрасте число таких связей у детей существенно больше, чем впоследствии у взрослых. По мере роста человека нейронные связи, востребованные в процессе его развития, закрепляются, а невостребованные – исчезают. Присутствие в семье бабушки, как выяснилось, приводит к повышению числа и разнообразия ситуаций общения ребенка со взрослыми, что способствует активации и закреплению большего, чем у других детей, набора связей между нейронами мозга (см. понятие «коннектом» [7]).

Обратным по отношению к описанному опытом могут служить так называемые дети-отказники, которых кормят, но с которыми мало общаются, в результате чего они резко отстают в умственном развитии от «домашних» детей. Как выяснили специалисты, для исправления положения достаточно в течение 15–30 мин в день активного общения взрослых (медперсонала) с такими детьми.

Другим примером могут служить так называемые дети-маугли, попавшие в младенческом возрасте к волкам или обезьянам и найденные затем в возрасте 3–5 лет людьми. Эти

дети практически не обучаются человеческой речи и поведению, поскольку в период формирования их мозга они получали только опыт жизни и общения с животными и их мозг закрепил только соответствующие связи между нейронами. Исправить эту ситуацию в более позднем возрасте уже невозможно.

Воспитание, обучение и образование призваны дать человеку набор знаний и навыков, необходимых в последующей жизни. На этот процесс существуют две различные точки зрения. Первая во главу угла ставит формирование человека как элемента общественного производства. Обучение и образование при этом трактуются как апгрейд рабочей силы, которая в результате может выше цениться на рынке труда. Такой подход активно проводится в рамках западной системы образования. Вторая точка зрения делает упор на социализацию и национальную идентификацию обучаемых. В процессе обучения усваиваются нормы морали, правила общения, навыки социального поведения, характерные для некоторой этнической общности (субэтнуса, этноса, суперэтнуса) [8]. При этом достаточно сложно бывает обеспечить решение указанных задач в условиях полиэтничности контингента обучаемых. Как и во многих иных случаях, оптимальное соотношение следует, видимо, искать где-то посередине между обозначенными крайними точками зрения на цели и содержание образования.

На основе представленной выше структуризации процессов формирования человеческого потенциала могут быть сделаны оценки состояния этих процессов в настоящее время и сформулированы некоторые проблемы, требующие осмысления в плане сохранения и развития человеческого потенциала нашей страны. Политика государства в социальной сфере, демографическая политика, политика в области образования и медицины должны учитывать их влияние на сохранение и развитие человеческого потенциала страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брусакова И. А. Имитационное моделирование экономических процессов: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГИЭУ «ИНЖЭКОН», 2013. 24 с.
2. В китайской генетической лаборатории ученые пытаются создать сверхчеловека. URL: <http://www.tert.am/ru/news/2013/06/06/china-children> (дата обращения: 12.11.2017).
3. В Китае взялись клонировать гениев. URL: <http://www.kp.ru/daily/26054/2965624> (дата обращения: 12.11.2017).
4. Гений из пробырки. URL: <http://expertonline.kz/a10559> (дата обращения: 12.11.2017).
5. Строганова Т. Откуда берутся умные дети // Открытия и гипотезы. 2015. № 1. URL: <https://coollib.com/b/297938/read> (дата обращения: 12.11.2017).
6. Stroganova T. A., Pushina N. P., Orekhova E. V. Developmental and Individual differences in delayed response task performance in infant twins // J. of Higher Nervous Activity. 2004. № 54. P. 340–351.
7. Сеунг. С. Коннектом. Как мозг делает нас тем, что мы есть. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2014. 440 с.
8. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М.: Ин-т ДИ-ДИК, 1997. 526 с.

I. A. Brusakova, V. I. Fomin
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

PROCESSES AND PROBLEMS OF HUMAN POTENTIAL FORMATION

The main problems of the description of human, social, manpower recourses are presented when managing enterprise to ensure enterprise competitiveness, key indicators of manpower efficiency are given, the concept of the human capital is revealed, the structure of the human capital is given. It is proposed to count the value of human potential depending on a physical condition of a person, not only in value terms. It is shown that the physical condition of a person directly depends on his «genetic predisposition», skills, abilities, knowledge gained by a particular person during various periods of his life.

Social, labor, human resources, labor, personnel potential, human capital, structure of the human capital, human factor

УДК 330.341

М. А. Косухина*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ТРЕБОВАНИЙ К ОЦЕНКЕ КВАЛИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНЫХ ИННОВАЦИЙ

Рассмотрена проблема формирования единой системы требований к оценке квалификации специалистов в области управления инновационной деятельностью. Представлен обзор и проведен анализ профессиональных стандартов в области инновационной деятельности, действующих в Российской Федерации, даны рекомендации по использованию профессиональных стандартов смежных направлений, таких как организация и управление научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами, управление рисками, информационный менеджмент в рамках оценки квалификации специалистов в области управления инновационной деятельностью, позволяющие рассматривать управление инновационной деятельностью в условиях развития цифровой экономики и экономики знаний. Исследован зарубежный опыт применения профессиональных стандартов в области инновационной деятельности, проведен сравнительный анализ зарубежных стандартов и стандартов, действующих на территории Российской Федерации, предложены соответствующие рекомендации.

Формирование инновационной среды, профессиональные стандарты, управление инновационной деятельностью

В условиях динамичного развития цифровой экономики, возникновения новых видов продукции и технологий существует необходимость в обеспечении развития инновационной деятельности, с учетом результатов маркетинговых, патентно-информационных и других исследований рынка технологий, научных исследований и разработок, а также регламентации бизнес-процессов инновационной деятельности. Наиболее важным условием развития инновационной деятельности является грамотное управление инновационными процессами внутри организаций. Однако на сегодняшний день отсутствует единая система требований к компетенциям и квалификациям специалистов в области управления инновационной деятельностью [1]–[3].

Одним из инструментов решения данной проблемы является разработка профессиональных стандартов в области инновационной деятельности.

Первым профессиональным стандартом, разработанным для специалистов в области управления инновационными процессами, был стандарт «Менеджер инновационной деятельности в научно-технической и производственной сферах», утвержденный 5 марта 2004 г. Согласно данному стандарту [4] направлением деятельности работника в области управления инновационными процессами является подготовка материалов и разработка предложений по управлению инновационной деятельностью; работа с партнерами на рынке инновационного продукта; выполнение мероприятий по продвижению нового продукта на рынок; сбор и анализ патентно-правовой и конъюнктурной информации. Представляется, что рассматриваемый стандарт дает достаточно полное представление о должностных обязанностях специалиста по управлению инновациями, инновационными процессами, однако является примером обобщенного рассмотрения требований.

С возрастанием роли инновационной деятельности в обеспечении динамического развития экономики России возникает необходимость в детализированном рассмотрении направлений деятельности работников в области управления инновационными процессами в соответствии с требованиями современного рынка труда. Для реализации данного направления начиная с 2014 г. ведется подготовка и созданы проекты следующих профессиональных стандартов в области управления инновационными процессами:

- «Специалист по оценке инновационных проектов» [5];
- «Специалист по управлению инновациями» [6].

По результатам рассмотрения проектов стандартов (табл.) можно сделать вывод об успешном разделении направлений деятельности в рамках управления инновационными процессами и о необходимости дальнейшей формализации этой области знаний с точки зрения рынка труда. Следует отметить, что рассмотренные выше стандарты в настоящее время не утверждены.

Признак сравнения	Профессиональный стандарт «Специалист по оценке инновационных проектов»	Профессиональный стандарт «Специалист по управлению инновациями»
Направление деятельности	Обеспечение оценки потенциала практического использования результатов научно-технической деятельности	Обеспечение управления инновациями в компании на тактическом уровне, включая управление реализацией инновационных проектов, организацию и планирование инновационной деятельности компании в соответствующей отрасли экономики
Обобщенные трудовые функции	Информационно-аналитическое сопровождение выявления актуальных направлений развития технических и технологических инноваций Информационно-аналитическое сопровождение оценки инвестиционной привлекательности инновационных проектов	Информационно-аналитическое сопровождение инновационной деятельности в компании Планирование и мониторинг инновационной деятельности в компании Координирование реализации инновационных проектов в компании Организация инновационной деятельности в компании Организация управления реализацией инновационных проектов в компании

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии утвержденных и действующих профессиональных стандартов в области управления инновационной деятельностью.

Развитие цифровой экономики, интернета вещей приводит к необходимости формализации требований работодателей в области инновационной деятельности. В условиях цифровой экономики возрастает роль инновационной деятельности как одного из главных факторов обеспечения конкурентоспособности, вследствие чего возникает необходимость в реализации ряда управленческих функций с учетом специфики инновационной деятельности.

В качестве альтернативы в области управления инновационными процессами могут быть использованы следующие профессиональные стандарты:

1. Профессиональный стандарт «Специалист по организации и управлению научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами» (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 11.02.2014. № 86нс), целью которого является организация и управление проведением научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, определенных созданием конкурентоспособной наукоемкой продукции.

2. Профессиональный стандарт «Специалист по управлению рисками» (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ 07.09.2015. № 591н), основной целью которого служит определение событий, которые могут влиять на деятельность организации, и управление связанным с этими событиями риском, а также контроль отсутствия превышения предельно допустимого уровня риска организации и предоставление разумной гарантии достижения целей организации; поддержание уровня риска, обеспечивающего непрерывную деятельность и

устойчивое развитие организации, получение оптимального результата деятельности организации с учетом риска для учредителей, собственников и иных заинтересованных сторон.

3. Профессиональный стандарт «Менеджер по информационным технологиям» (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ 13.10.2014. № 716н с изм. от 12.12.2016), целью которого является управление предоставлением, использованием и развитием информационных технологий (ИТ).

Следует отметить, что в странах Западной Европы и США единые профессиональные стандарты обычно создаются на базе корпораций, организаций или регионов, национальные же стандарты практически отсутствуют. Рассмотрим два наиболее известных профессиональных стандарта в области управления инновационными процессами:

– Стандарт европейской ассоциации по сертификации компетенций. Менеджер инноваций (The European Certification and Qualification Association. Innovation Manager);

– Профессиональный стандарт компетенций в области инновационного менеджмента (Professional Competence Standard for the Professional Area of Innovation Management (COMPROCOM)).

Область деятельности работников в сфере управления инновационной деятельностью, согласно The European Certification and Qualification Association. Innovation Manager, состоит в сопровождении бизнес-процесса от обработки информации и координации деятельности бизнес-сферы до коммерциализации инноваций. Среди обобщенных трудовых функций данного стандарта можно выделить управление инновационными проектами и управление маркетинговыми исследованиями на рынке инновационной продукции. К целевым категориям работников по стандарту относятся: менеджеры по трансферу технологий, менеджеры в области систем качества, менеджеры компаний. Таким образом, данный стандарт весьма схож по содержанию со стандартом «Менеджер инновационной деятельности в научно-технической и производственной сферах».

Профессиональный стандарт компетенций в области инновационного менеджмента COMPROCOM рассматривает управление инновационной деятельностью с позиции следующих трудовых функций:

1. Выполнение анализа предметной области, включающее анализ рынка в отношении инновационного спроса и предложения, а также анализ и оценку инновационности решений.

2. Планирование стратегических проинновационных действий, состоящих в разработке стратегии управления инновациями и планировании эффективного использования ресурсов организации в процессе управления инновациями.

3. Управление инновациями, включающее управление процессом разработки и внедрения инноваций, а также управление процессом коммерциализации инноваций и предоставление консультационных услуг.

4. Оценка процессов управления инновациями, состоящая в оценке инновационного потенциала организации и процессов разработки, коммерциализации и/или внедрения инноваций.

В качестве возможных должностей в рамках данного стандарта предлагаются следующие: руководитель / руководитель отделов НИОКР, руководители продаж и маркетинга, специалисты по коммерциализации, инновациям, развитию.

По результатам рассмотрения данного стандарта можно сделать вывод о соответствии его основных положений проекту профессионального стандарта «Специалист по управлению инновациями», а также действующим профессиональным стандартам «Специалист по организации и управлению научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года // Науч.-технол. развитие Российской Федерации: состояние и перспективы. М.: Ин-т проблем развития науки РАН, 2010. 422 с.
2. Исследование тенденций развития информационного менеджмента в современных условиях / И. А. Брусакова, В. И. Фомин, М. А. Косухина, С. Н. Панин. СПб.: Изд-во СПбУЭУ, 2014. 138 с.
3. Брусакова И. А. Особенности подготовки бакалавров направлений менеджмент и инноватика по инженерно-экономическим образовательным программам для реализации развития Санкт-Петербурга до 2030 г. // Роль образования в формировании экономической, социальной и правовой культуры: сб. науч. тр. конф. Санкт-Петербург, 23–24 октября 2014 г. СПб.: СПбУЭУ, 2014. С. 182–183.
4. Об утверждении профессионального стандарта по профессии «Менеджер инновационной деятельности в научно-технической и производственной сферах»: Постановление Минтруда РФ № 34 от 05.03.2004 г. // Бюллетень Минтруда РФ. 2004. № 4.
5. Специалист по оценке инновационных проектов. Профессионально-общественное обсуждение профстандартов. Торгово-промышленная палата Российской Федерации. URL: <http://tpprf.ru/ru/profstandart/about/professionalno-obshchestvennoe-obsuzhdenie-profstandartov> (дата обращения: 26.11.2017).
6. Акиншина А. В., Костеев В. А. Специалист по управлению инновациями в компании: специфика профессии // Инновации. 2015. № 11(205). С. 79–85.

M. A. Kosukhina

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

FORMATION OF A UNIFIED REQUIREMENTS SYSTEM FOR ASSESSING THE SKILLS OF SPECIALISTS IN THE FIELD OF INNOVATION MANAGEMENT AS AN ESSENTIAL CONDITION FOR THE IMPLEMENTATION OF EFFECTIENT INNOVATION

The article is devoted to the problem of forming a unified requirements system for the assessment of specialists' qualifications in the field of innovation management. The review and analysis of professional standards in the field of innovation activities in the Russian Federation is presented. The recommendations on usage the professional standards of related areas, such as: organization and management of research and development, risk management, information management in the framework of assessment of specialists qualifications in the field of innovation management allowing to consider the management of innovation activities in terms of digital economy and the knowledge economy development are provided. The foreign experience of application of professional standards in the field of innovative activity is investigated. The comparative analysis of foreign standards and standards operating in the territory of the Russian Federation is carried out, and the corresponding recommendations are offered.

Formation of innovation environment, professional standards, innovation management

УДК 316.34

Ю. В. Веселов, Ц. Цзинь, Л. А. Лебединцева
Санкт-Петербургский государственный университет

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПИТАНИЯ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Рассмотрены общие определения здоровья и социальные функции питания, структура питания жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области (на основе статистических данных Росстата и Петростата), режимы питания, социальные различия в питании, отношение к еде. Показана взаимосвязь питания и здоровья у различных социальных групп (богатых и бедных, мужчин и женщин, молодых и пожилых). На основе проведенного в 2016–2017 гг. эмпирического исследования социальных практик питания в Петербурге «Еда и мы» (глубинные интервью и телефонный опрос), а также анализа статистики показано, как в действительности обстоит дело с питанием в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Базовым фактором, определяющим правильную модель питания, является образование, формирующее рациональный и систематический подход к потребляемой пище. Анализируются проблемы питания и даются практические рекомендации по созданию системы здорового питания.

Питание, здоровье, ожирение, болезни, социология питания

Общая область наших исследований – социология питания. Предмет исследования – питание различных социальных групп в двух субъектах Российской Федерации – Санкт-Петербурге и Ленинградской области – и их воздействие на здоровье населения. Мы хотим обратить внимание именно на социальную дифференциацию питания, а не оперировать неким усредненным индивидом, который обычно представлен в социальной и медицинской статистике. Различные социальные группы (бедные и богатые); возрастные группы (дети, взрослые и пожилые); мужчины и женщины; люди с различным уровнем образования питаются по-разному, и воздействие питания на здоровье также происходит по-разному.

Цель нашего исследования – определить, какие социальные факторы и каким образом влияют на питание и общественное здоровье. Например, как экономические факторы (доход) или культурные факторы (образование) влияют на питание и здоровье; как территориальные различия (большой город, маленький город, деревня или поселок) формируют повседневные практики питания; как социально детерминированные привычки питания (культура питания в регионах) влияют на здоровье.

Основные исследовательские задачи – проанализировать количественные и качественные показатели питания жителей Санкт-Петербурга (СПб) и Ленинградской области (ЛО) по основным социальным группам, основные показатели здоровья населения СПб и ЛО, связанные с питанием; провести сравнительный анализ питания жителей СПб и ЛО;

¹ Исследование выполнено при поддержке грантов РГНФ № 17-03-00631 и № 17-03-00862.

определить отклонения в сравнении с нормативной (оптимальной) структурой питания; выявить основные проблемы питания, влияющие на здоровье; показать взаимосвязь питания и здоровья в зависимости от факторов дохода, возраста, пола, образования. Прикладные задачи – сформулировать рекомендации по улучшению питания населения в целях улучшения здоровья и повышения качества жизни.

Теоретическую базу исследования составили основные классические и современные концепции социологии питания, изложенные в работах Георга Зиммеля «Социология трапезы» [1], Питирима Сорокина «Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь» [2], Ролана Барта «К психосоциологии современного потребления еды» [3], Клода Леви-Стросса «Кулинарный треугольник» [4], Мэри Дуглас «Расшифровка кода еды» [5], Пьера Бурдьё «Различение: социальная критика суждения вкуса» [6]). Среди современных отечественных авторов, занимающихся социологией питания, мы бы выделили: С. А. Кравченко [7], Н. Н. Зарубину [8], О. Громашеву [9], П. М. Козыреву [10], Е. П. Гремченко и Я. М. Рошину [11], И. В. Сохань [12]. Мы хотели бы также отметить работы наших коллег по факультету социологии СПбГУ В. Н. Мининой, Л. Т. Волчковой, Е. Ю. Ганскау в области исследования питания петербуржцев [13]–[16].

Эмпирическую базу исследования составили эмпирическое исследование социальных практик питания населения (телефонный опрос жителей Петербурга, N=1054; САП, Центр социологических и интернет-исследований СПбГУ, репрезентативная выборка по Петербургу); глубинные интервью жителей Петербурга о питании (всего 55); статистические данные Петростата (Рационы питания жителей СПб и ЛО).

Обычно медицинская наука определяет здоровье как отсутствие болезни, с социологической точки зрения здоровье – это полное физическое, душевное и социальное благополучие. Именно так определяет теперь здоровье Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Здоровье определяется также и функционально – оно предполагает активное и полноценное участие человека в общественной жизни. Здоровье связано с понятием надежности функционирования человеческого организма, со способностью долгосрочно планировать свою жизнь и различные виды деятельности. С этой позиции функция питания в обществе – не только восполнение затраченной индивидом в процессе жизнедеятельности энергии (калорий), но обеспечение нормального и всестороннего функционирования индивида в общественной жизни. Правильное, нормальное питание в обществе не призвано максимизировать удовлетворение потребности в пище, а должно обеспечивать оптимальное функционирование человеческого организма, способного успешно адаптироваться к изменениям внешней среды.

Какие факторы обеспечивают индивидуальное здоровье? Генетика отвечает за 20 % здоровья; медицина – не более чем за 10 %; качество окружающей среды – за 20 %; оставшиеся 50 % – это образ жизни. Из чего состоит образ жизни, влияющий на здоровье? Это питание; физическая и умственная активность; привычки (вредные или полезные); личная гигиена; социальная активность и коммуникации. Таким образом, питание во многом влияет на состояние здоровья индивида; особенно если учитывать вредные привычки питания – употребление алкогольной продукции и табака (который тоже считается пищевым продуктом), – то не менее 20 % здоровья индивида напрямую зависит от питания.

В современном обществе в целом господствует рациональное отношение к здоровью, мало кто считает, как в средние века, что болезни – наказание за грехи человека. Здоровье и болезни рассматриваются как комплекс естественных причин, большинство людей связывает питание и здоровье в единую систему. Однако проблема в том, что здоровье, особенно в России, не воспринимается как основная, базовая ценность, которую нужно беречь и сохранять.

Отсюда возникает соответствующее отношение к питанию, обеспечивающему здоровье, – большинство людей вообще не задумывается, что они едят. Поэтому и ответственность за свое здоровье 20 % опрошенных перекладывают на других – государство и медицину [17].

Различают индивидуальное и общественное здоровье. Эти понятия не противоречат друг другу. Чем выше уровень индивидуального здоровья, тем выше и общественное здоровье, но вот что важно – общественное здоровье не является суммой индивидуального здоровья всех членов общества. Общественное здоровье обладает интегральной характеристикой, и оно не равно сумме здоровья индивидов в обществе. Общественное здоровье – это не просто отсутствие болезней индивидов в обществе, это способность индивидов активно участвовать в общественной жизни и планировать в долгосрочном периоде свою индивидуальную жизнь. Очевидно, что для разных групп населения здоровье будет различным; группы с более высокими доходами имеют, как правило, лучшие показатели здоровья, но чем явственнее неравенство групп в отношении здоровья, тем хуже будут абсолютные показатели здоровья и привилегированных групп.

Интегральным показателем здоровья общества является средняя ожидаемая продолжительность жизни, но выделяют и вторичные показатели, такие как смертность (общая и возрастная); рождаемость; показатели заболеваемости и распространенности болезней; показатели инвалидности и др. Приведем для иллюстрации данные о средней продолжительности жизни (данные ВОЗ) вместе с показателями социального неравенства (коэффициент Джини, данные ООН): Япония – 83,7 лет (коэффициент Джини – 24,9); Швейцария – 83,4 лет (33,7); Испания – 82,8 лет (34,7). И в противоположность этому: Нигерия – 54,5 лет (43,7); Непал – 69,2 лет (47,2); Россия – 70,5 лет (39,9). Хотя, конечно, взаимосвязь между социальными показателями и продолжительностью жизни не столь однозначна. Тем не менее уровень общественного здоровья будет определяющим для уровня индивидуального здоровья – нельзя быть абсолютно здоровым в больном обществе. Причем речь идет не только о массовых инфекционных болезнях (эпидемиях и др.), индивидуальное здоровье и при неинфекционных болезнях существенным образом зависит от общественного здоровья.

С этой позиции функция питания – обеспечение посредством питания индивидов оптимального, сбалансированного воспроизводства общества. Если, например, воспроизводятся существенные различия в питании социальных групп, то воспроизводство общества не может быть оптимальным. Еще П. А. Сорокин в 1920-х гг. доказывал, что все болезни и потрясения общественного организма с самого начала связаны с проблемами питания (все революции в истории обществ начинались с голода). Голод нарушает нормальное функционирование общественного организма, социальных норм и институтов, приводит к социальной дезинтеграции. А вот избыточное питание отрицательно воздействует на индивидуальный организм, но не приводит к социальным потрясениям. Вместе с тем ожирение становится не индивидуальной, а социальной проблемой, и обусловлено оно социальными факторами.

За последние 200 лет мирового социально-экономического развития был достигнут беспрецедентный уровень удовлетворения материальных потребностей людей. Достижения науки, техники, экономики таковы, что, казалось бы, проблема оптимального питания должна быть решена. Но на самом деле в XX в. развитые страны, обеспечив нормальный уровень производства и потребления продуктов питания, сразу же оказались в ситуации избыточного потребления, маятник качнулся в другую сторону – от дефицита продуктов питания и болезней, связанных с ним, к избыточному потреблению еды и болезней, связанных с ожирением и избыточным весом (самые яркие примеры – США и Великобритания). В XXI в. с этой ситуацией в еще большей степени столкнулись развивающиеся страны

(яркие примеры – Египет, ОАЭ, Тунис, Марокко, Турция). В самом масштабном исследовании индекса массы тела и ожирения (исследовано 128,9 млн чел.) выявлено, что в мире число взрослых, страдающих ожирением, увеличилось со 100 млн в 1975 г. до 671 млн в 2016 г. (390 млн женщин, 281 млн мужчин), а 1,3 млрд взрослых имеют избыточный вес. Показатели детского и подросткового ожирения увеличились с менее 1 % до 6 % среди девочек и 8 % среди мальчиков в 2016 г. [18]. Таким образом, из 7 млрд населения на планете 670 млн чел. страдают ожирением и 1,3 млрд имеют избыточный вес, в то же время почти 800 млн чел. страдают от хронического голода, т. е. не получают регулярно минимальный уровень калорий, необходимый для поддержания нормального образа жизни; 2 млрд людей страдают от проблем со здоровьем, связанных с дефицитом микронутриентов; 150 млн детей в возрасте до 5 лет отстают в росте вследствие неполноценного питания (особенно проблемы неполноценного питания детей характерны для Индии, по данным ВОЗ) [19].

Очень часто решение проблемы голода и неполноценного питания в развивающихся странах Азии и Африки сразу же трансформируется в проблему ожирения и избыточного веса – как у детей, так и у взрослых. В Африке с 2000 г. число детей, страдающих ожирением, выросло на 50 %, в 2016 г. половина детей с избыточным весом проживала в Азии. Основную причину ожирения и избыточного веса ВОЗ связывает с энергетическим дисбалансом – люди потребляют больше калорий, чем могут тратить – за счет роста потребления продуктов питания с высокой энергетической плотностью, с высоким содержанием жира и сахара. А это становится возможным при экономической доступности именно такого питания, и неслучайно от ожирения и избыточного веса в развитых странах больше страдают бедные, чем богатые. Дешевая пища, как правило, высококалорийна, насыщена жирами, обладает привлекательным сладким или соленым вкусом.

Какие болезни являются следствием неправильного питания? Прежде всего это сердечно-сосудистые заболевания (инфаркты и инсульты), которые сегодня являются главной причиной преждевременной смерти, гипертония, диабет, нарушения опорно-двигательной системы, остеопороз, переломы костей и заболевания суставов. ВОЗ напрямую также связывает некоторые онкологические заболевания с нарушением питания (в том числе рак эндометрия, молочной железы, яичника, предстательной железы, печени, желчного пузыря, почки и толстой кишки) [20].

Население России по сравнению с другими странами в самой большой степени страдает от неправильного питания и болезней, связанных с ним. Проблемы голода и недоедания были решены еще при социализме в СССР в 1960-е гг., но тогда же в эпоху дефицита стали формироваться и господствующие сегодня повседневные практики нездорового питания: не только избыточное употребление крепких алкогольных напитков, но и избыточное потребление калорий – прежде всего за счет потребления большого количества быстрых углеводов (хлеб и макароны), мясных продуктов высокой жирности (колбаса и сосиски), кондитерских продуктов («сладкое» стало синонимом «вкусного»). Не соблюдался и режим питания, люди зачастую не успевали завтракать, нередко пропускали обед и плотно ужинали. Еще сильнее практики нездорового питания распространились в годы рыночных реформ. Пищевое изобилие, вдруг появившееся благодаря рынку, приводило к неконтролируемому потреблению пищи. Все люди с доходами выше среднего, как правило, отличались упитанной фигурой и лишними килограммами, и потребовалось десятилетие, чтобы высший класс стал задумываться о физической активности и диете. В новом столетии избыточным потреблением калорий и полнотой стали отличаться как раз низшие классы, а обеспеченные слои начали больше внимания уделять здоровому образу жизни и правильному питанию.

Однако проблема избыточного питания и связанного с ним ожирения не решена сегодня для всех классов российского общества. Наше исследование показало, что наши богатые питаются не лучше, а только больше, причем не происходит качественного улучшения структуры питания. Вследствие этого формируются специфические заболевания и сохраняется относительно невысокий уровень ожидаемой продолжительности жизни. Вот некоторые данные о питании россиян и заболеваниях, связанных с ними (таблица) [21], [22].

Среднедушевое потребление продуктов питания в 2016 г.	Питание жителей Санкт-Петербурга	Питание жителей Ленинградской области	Питание жителей России
Хлебные продукты, кг	80,6	88,6	98,7
Мясо и мясопродукты, кг	86,5	91,2	88,2
Рыба и рыбопродукты, кг	17,3	14,2	21,5
Молоко и молочные продукты, л	328,8	290,1	272,6
Яйца, шт.	238	207	228,7
Масло растительное и другие жиры, л	9,1	8,8	11
Фрукты и ягоды, кг	81,9	50,5	72,7
Овощи и бахчевые, кг	119,6	89,0	105
Картофель, кг	57,7	58,5	60
Сахар, кг	28,9	28,4	32

Итак, средний россиянин съедает в год около тонны продуктов. В сравнении с другими странами мы, россияне, потребляем меньше мяса (в США 117 кг мяса в год, во Франции – 96), очень мало потребляем рыбы и морепродуктов (во Франции 35 кг в год, в Японии – 49); существенно меньше у нас потребление фруктов (в США – 110 кг в год, во Франции – 120). Если проанализировать структуру питания россиян по нормам Всемирной организации здравоохранения (правильная пропорция белков–жиров–углеводов: 18 %–25 %–57 %), то выявляется явный перекоп в сторону быстрых углеводов при недостаточном количестве белков и полезных жиров. В результате, как утверждает руководитель НИИ питания, главный специалист-диетолог Минздрава Виктор Тутельян, от избыточного веса в России страдают примерно 60 % женщин и 50 % мужчин старше 30 лет, а ожирение наблюдается у каждого четвертого (26 %). Но вот российская специфика: доля людей с ожирением мало зависит от доходов, в социальном слое самых бедных их 19 %; в слое самых богатых – 23,4 %; а вот образование существенно влияет на индекс массы тела – лучшие показатели у людей с высшим образованием [11, с. 145–146].

Чем восполняется недостаток калорий в рационе питания среднестатистического россиянина? Вместо более дорогого мяса – более дешевыми хлебом и картофелем, а в сельской местности этот перекоп еще больше выражен. Кроме того, почти две трети опрошенных россиян отметили, что не соблюдают режим питания (64,1 %), треть регулярно курит (33,7 %), подавляющее большинство употребляют алкогольные напитки (84,7 %), в том числе каждый четвертый употребляет крепкие напитки регулярно.

Неудивительно, что более половины россиян оценивают свое здоровье как плохое и удовлетворительное (9,9 % и 47 % соответственно) [23]. В соответствии с показателями смертности, в 2016 г. в России чаще всего умирали от болезней системы кровообращения (616 случаев на 100 тыс. населения), злокачественных новообразований (202 случая), болезней органов пищеварения (67), случайных отравлений алкоголем (10) [24]. Становится понятной низкая средняя ожидаемая продолжительность жизни в России: в 2016 г. она составила 71,9 лет (74,4 – в Санкт-Петербурге). Велика разница между продолжительностью

жизни мужчин и женщин – 10,6 лет (77,1 лет у женщин против 66,5 у мужчин). При этом в 32 странах мира продолжительность жизни выше 80 лет. Таким образом, наши достижения не так велики, как хотелось бы: порог продолжительности жизни в 70 лет в СССР был достигнут к 1965 г., что тогда было намного выше среднемировых показателей.

В отличие от среднего российского потребителя, петербургский житель потребляет меньше хлеба, картофеля, сахара; больше молока, овощей и фруктов – и это положительные факторы, но при этом – меньше мяса (и динамика его потребления отрицательная), рыбы (что странно для морского города), меньше растительного масла. Есть и некоторые экономические причины для этого: цены на продукты таковы, что петербургский житель, потребляя в среднем меньше мяса и рыбы, тратит на мясо 1912 р./мес. и на рыбу – 471 р./мес., что выше, чем в среднем по РФ (1753 р./мес. и 414 р./мес.). В целом, доля расходов на продукты питания в Петербурге – 29,1 %, что ниже среднероссийского показателя (32,1 %).

Если в общем проанализировать сбалансированность рациона питания жителя СПб и ЛО, то, как и у среднего жителя России, явно виден перекос в сторону углеводов при недостаточном количестве белков и полезных жиров. Это удивительно, поскольку обычно потребление мяса и рыбы меньше в регионах с низкими доходами, но Петербург входит в число успешных и относительно богатых регионов, значит, так складываются повседневные практики питания жителей города.

По всем видам заболеваний, за исключением болезней системы кровообращения, в СПб показатели заметно хуже средних российских и намного хуже показателей ЛО, динамика их отрицательная. Но особенно печально наше положение в сравнении с Москвой. Статистика также позволяет проанализировать заболевания жителей Петербурга в зависимости от индекса массы тела (ИМТ), т. е. заболевания, связанные с нарушением питания. Из всех респондентов в возрасте старше 19 лет при нормальном ИМТ имеют одно или несколько заболеваний (состояний), связанных с питанием, 41,8 %, а при избыточной массе тела – 49,7 %, при ожирении – уже 74,1 %. Это такие заболевания, как повышенное артериальное давление, инфаркт миокарда, инсульт, диабет или повышенный сахар крови, высокий уровень холестерина, остеопороз, болезни желудочно-кишечного тракта. По этим заболеваниям мы видим прямую связь питания и здоровья [25, с. 78].

Результаты диспансеризации населения в СПб (898 тыс. чел.) показывают, что распространенность нездорового питания увеличилась с 24,9 % в 2013 г. до 28,3 % в 2016; уровень ожирения по данным Комитета по здравоохранению СПб – 16,4 % [26, с. 13]. По данным исследования НИУ ВШЭ, в Санкт-Петербурге доля мужчин, страдающих ожирением, – 13,8 %, женщин – 21,3 % (в Москве 20 % и 30 % соответственно) [10, с. 143–150]. Это удивительные данные – при большем уровне ожирения населения уровень заболеваний в Москве существенно ниже, а средняя продолжительность жизни выше. Видимо, сказываются более высокий уровень доходов, лучший климат, уверенность и оптимизм москвичей – эти факторы перевешивают отрицательную динамику ожирения.

Какова социальная дифференциация питания и здоровья? Очень интересно проанализировать заболевания, связанные с питанием, по 20-процентным группам доходов: удивительно, но *уровень заболеваний, связанных с питанием, в группах с самыми низкими и самыми высокими доходами практически одинаковый*: 45,5 % против 42,8 %. Вот некоторые сравнения видов заболеваний по 1-й группе с наименьшими доходами и 5-й группе с наибольшими доходами: диабет – 6,1 % и 2,7 %; гипертония – 27,8 % и 22,1 %; инфаркт – 0,3 % и 0,0 %; инсульт – 3,0 %

и 0,8 %; анемия – 5,5 % и 6,8 %; заболевания ЖКТ – 16,7 % и 13,9 % [26, с. 74–75]. Самый высокий уровень заболеваний, связанных с питанием, у второй 20-процентной группы по доходам.

Почему же наши состоятельные граждане имеют такие низкие показатели здоровья? Все становится ясно, если мы посмотрим частоту употребления некоторых продуктов питания для социальной группы с наибольшими доходами. Вот некоторые характерные данные: в группе с наименьшими доходами ежедневно употребляют сладкие газированные напитки 7,6 %, а с высшими – 14,4 %; майонез – 59,5 % и 60,4 %; творог – 48,3 % и 37,5 %; сыр – 64,4 % и 61,4 %; масло сливочное – 53,7 % и 54,1 %; копченые мясные продукты – 16,5 % и 18,1 %; сосиски – 36,8 % и 42,3 % [26, с. 46–49]. Если сравнивать количественные показатели потребления продуктов питания, то самые богатые слои едят больше хлеба (на 33 % выше среднего показателя), больше картофеля (на 15 %), сахара (на 11 %). И в то же время мяса – только на 15 % больше, а рыбы – на 11 % [27, с. 5]. Похоже, что самые бедные питаются более правильно, чем богатые, хотя богатые чаще употребляют овощи и фрукты.

Если сравнивать питание мужчин и женщин в Петербурге, то сразу же выявляется разница в отношении к правильному питанию: мужчины употребляют гораздо чаще, чем женщины, сладости и сладкие газированные напитки; маргарин и спреды; копчености, сосиски и колбасу; хлеб и крупы; в то же время реже употребляют овощи и фрукты; молоко и молочные продукты; творог (в 2 раза). Мясо птицы и рыбу мужчины и женщины употребляют одинаково часто, а вот по говядине, свинине, баранине есть существенное различие в пользу мужчин [25, с. 22–24]. Для мужчин выше риски в отношении заболеваний в связи с курением (в целом по СПб в 2016 г. 31 %); с чрезмерным употреблением алкогольной продукции (в среднем 6 л на чел. в год); с нерациональным отношением к своему здоровью. Поэтому средняя продолжительность жизни мужчин меньше. Для женщин в Петербурге уровень ожирения выше (так во всем мире), в том числе и поэтому они обращают гораздо больше внимания на свое питание и здоровье. Для мужчин характерно наплевательское отношение и к здоровью, и к питанию. Вот что говорит один наш респондент: «Я не думаю, что я питаюсь правильно. Специально не ищу информации о пользе и вреде тех или иных продуктов. Что называется: поел – и слава богу <...> Врачей не люблю. И не слушаю» (мужчина, 33 года, не женат, образование неоконченное высшее). Очень интересно то, что уровень заболеваний, связанных с питанием, у женщин отличается в зависимости от уровня образования: в большей степени страдают одним или несколькими заболеваниями, связанными с питанием, 70,9 % женщин, не имеющих образования (даже начального); имеющих только начальное образование – 64,8 %.

Специфика питания детей в СПб и ЛО такова: они питаются лучше, чем в среднем по России – употребляют больше овощей и фруктов; больше молока и кисломолочных продуктов, меньше сладкого. Калорийность питания детей в Ленинградской области выше, чем в Санкт-Петербурге, прежде всего за счет потребления молочных продуктов, рыбы, мясных изделий. Дети в Санкт-Петербурге получают с едой больше витамина С – 85,4 %, в то время как в Ленинградской области – 73,1 %, а по России – 71 %. Нормальный вес имеют 87,7 % детей-петербуржцев и 90,9 % детей областных, недостаточный вес – 8,8 % и 4 %, а избыточный вес – 4,1 % и 5,1 %. По наличию заболеваний распределение по Санкт-Петербургу, Ленинградской области, России следующее: детей с заболеваниями желудочно-кишечного тракта – 1,6 %, 4,4 % и 4,1 %, с аллергией на пищевые продукты – 24,2 %, 9,4 % и 11,7 % соответственно. Другими словами, *Санкт-Петербург лидирует по пищевой аллергии у детей – здесь таких больных почти в 2,5 раза больше, чем в среднем по России*. Для детей в возрасте 15–17 лет

характерен рост заболеваний в группах новообразований (13,6 %) и эндокринной системы (8 %). Это объясняется нарушениями в структуре питания подростков. Вероятно, увеличение содержания в пище красителей, консервантов и других химических добавок, недостаток микронутриентов в продуктах при современных способах их переработки и хранения способствуют развитию патологических процессов в растущем организме.

Если рассмотреть питание пенсионеров в Петербурге и области, то вопреки ожиданиям становится ясно – катастрофы с питанием у этой социальной группы нет. Они потребляют существенно меньше мяса, но зато немного больше рыбы, существенно меньше яиц, немного меньше фруктов и овощей (что плохо), но зато меньше картофеля и меньше сахара (что хорошо). При этом наблюдается улучшение режимов питания у пожилых людей – среди них больше людей, принимающих пищу несколько раз в день. Пожилые люди в большей степени, чем представители других возрастных категорий, придерживаются правил здорового питания. Они чаще, чем в других возрастных группах, предпочитают нежирную пищу, потребляют молоко низкой жирности, не употребляют сахар. Проблема в том, что пожилые люди как в России в целом, так и в Петербурге потребляют гораздо меньше белков и жиров. Например, мужчины в пожилом возрасте едят на 20 кг в год меньше мяса, на 3,4 кг меньше растительного масла; женщины – меньше мяса на 14,3 кг; масла – на 2,2 кг. Значит, дефицит белков и жиров существенный, но при уменьшении физической нагрузки падает и необходимость в общей высокой калорийности пищи.

Для пожилых важен фактор доходов: пенсия такова, что не могут позволить себе мясо, рыбу или птицу через день 52 % опрошенных пенсионеров; фруктов через день не в состоянии купить 43 %. В чем ощущают основную проблему питания пожилые люди? 54,5 % отвечают, что «достаточно еды, но не той, которую хотелось бы есть» (для других групп населения этот показатель от 27 % до 33 %). Но есть и тревожные тенденции: существует определенный слой внутри группы пожилых людей – от 5 % до 7 %, которые не могут позволить себе и вообще не едят мяса или рыбы, зелени и фруктов. Для этой группы необходима адресная продовольственная помощь.

В результате нашего исследования взаимосвязи питания и здоровья в Санкт-Петербурге и Ленинградской области мы выявили:

- а) питание оказывает непосредственное и значительное влияние на здоровье и продолжительность жизни;
- б) питание всех групп населения в СПб и ЛО не является оптимальным и сбалансированным, весьма велика доля тех, кто злоупотребляет жирной пищей, сладостями, сладкими газированными напитками, алкогольной продукцией;
- в) наши обеспеченные слои питаются так же плохо, как и самые бедные; важным фактором, определяющим правильное питание, является уровень образования индивида;
- г) уровень заболеваемости в Петербурге неоправданно высок, по некоторым болезням (таким как новообразования) выше и аналогичного уровня в Ленинградской области, и среднего показателя по России.

Какие действия необходимо предпринять, чтобы регулировать питание в целях улучшения здоровья населения? *Избыточный вес и ожирение и связанные с ними заболевания в значительной мере можно предотвратить*, необходимо повышать культуру питания и формировать рациональное отношение к питанию и здоровью. На индивидуальном уровне каждый в состоянии контролировать калорийность своего рациона, снижать потребление жиров (для Петербурга и области это означает ограничить употребление колбас, сосисок,

копченостей) и сахара. Необходимо обязательно увеличить потребление рыбы и морепродуктов (для этого требуется региональная программа поддержки этой отрасли), повысить потребление фруктов и овощей, зернобобовых и цельных злаков.

Пищевая промышленность и сетевые гипермаркеты также должны способствовать переходу к здоровому питанию: необходимо снижать содержание жира, сахара и соли в готовых пищевых продуктах, важно регулировать цену на полезные и неполезные продукты – *здоровое питание должно быть дешевле нездорового*; следует ограничивать рекламу продуктов с высоким содержанием сахара, соли и жиров (особенно продуктов, ориентированных на детей и подростков).

Формирование ответственного отношения людей к своему питанию и здоровью, безусловно, позволит повысить их уровень здоровья и качество жизни, обязательно увеличит продолжительность жизни. Для этого также необходимы исследования в области здорового питания и пропаганда правильного питания и здорового образа жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиммель Г. Социология трапезы // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 4. С. 187–192.
2. Сорокин П. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Пг.: Колос, 1922. 684 с.
3. Barthes R. Toward a Psychosociology of Contemporary Food Consumption // Food and Culture: A Reader / ed. by C. Counihan and P. Van Esterik. New York: Routledge, 2008. P. 28–35.
4. Lévi-Strauss C. Le triangle culinaire // L'Arc. 1965. № 26. С. 19–29.
5. Douglas M. Deciphering a Meal // Daedalus. 1972. № 101(1). С. 61–81.
6. Бурдые П. Различение: социальная критика суждения вкуса / пер. с фр. О. И. Кирчик // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / отв. ред. В. В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 537–596.
7. Зарубина Н. Н., Кравченко С. А. Социология питания: традиции и трансформации. М.: МГИМО, 2017. 302 с.
8. Зарубина Н. Н. Практики питания как маркер и фактор социального неравенства в России // Историческая психология и социология истории. 2014. № 2. С. 46–62.
9. Громашева О. Организация питания в семье: гендерный аспект // Практики и идентичности: гендерное устройство / ред. Е. Здравомыслова, В. Пасынкова, А. Темкина, О. Ткач. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. С. 159–205.
10. Козырева П. М., Сафронова А. М., Старовойтов М. Л. Анализ фактического питания и пищевого статуса различных групп населения // Вестн. Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE): сб. науч. ст. М.: НИУ ВШЭ, 2014. № 4. С. 131–166.
11. Гремченко Е. П., Рощина Я. М. Факторы склонности к здоровому образу жизни // Вестн. Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE): сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. М.: НИУ ВШЭ, 2016. № 6. С. 118–163.
12. Сохань И. В. Как исследовать гастрономическое? К вопросу о дефинициях и подходах // Вестн. Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2013. Т. 9, № 1. С. 99–109.
13. Волчкова Л. Т., Ганскау Е. Ю. Образцы семейного питания как фактор формирования социальных отношений и потребительских предпочтений на рынке продовольствия // Телескоп: журн. социологических и маркетинговых исследований. 2001. № 1. С. 34–49.
14. Стратегии потребительского поведения населения на рынке продовольственных товаров Санкт-Петербурга / Л. Т. Волчкова, В. Н. Минина, Е. Ю. Ганскау, А. Н. Волчков. СПб.: Петрополис, 2000. 211 с.

15. Повседневные практики питания жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области / Е. Ю. Ганскау, В. Н. Минина, Г. И. Семенова, Ю. Е. Гронов // Журн. социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, № 1 (72). С. 41–58.
16. Ганскау Е. Ю., Минина В. Н. Правильный обед глазами петербуржцев // Журн. социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18, № 1 (78). С. 83–99.
17. Шабунова А. А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 408 с.
18. Abarca-Gómez L. et al. Worldwide trends in body-mass index, underweight, overweight, and obesity from 1975 to 2016: a pooled analysis of 2416 population-based measurement studies in 128·9 million children, adolescents, and adults. URL: [http://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(17\)32129-3/fulltext](http://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(17)32129-3/fulltext) (дата обращения: 29.10.2017).
19. ВОЗ: Неполноценное питание в центре внимания. URL: <http://www.who.int/nutrition/pressrelease-FAOWHO-symposium-malnutrition/ru/> (дата обращения: 29.10.2017).
20. Ожирение и избыточный вес // Информационный бюллетень ВОЗ. Октябрь 2017 г. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs311/ru/> (дата обращения: 29.10.2017).
21. Федеральная служба государственной статистики: Центральная база статистических данных. Среднедушевое потребление продуктов питания, 2016. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (дата обращения: 29.10.2017).
22. Федеральная служба государственной статистики: Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2016 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств), 2017. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (дата обращения: 29.10.2017).
23. Федеральная служба государственной статистики: Центральная база статистических данных. Оценка респондентами состояния своего здоровья, 2016. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (дата обращения: 29.10.2017).
24. Федеральная служба государственной статистики: Центральная база статистических данных. Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти, 2016. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (дата обращения: 29.10.2017).
25. Петростат: Выборочное наблюдение рациона питания населения, 2013. URL: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/ru/statistics/Sant_Petersburg/standards_of_life/ (дата обращения: 20.10.2017).
26. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности реализации государственной программы Санкт-Петербурга «Развитие здравоохранения в Санкт-Петербурге» за 2016 год. URL: <http://zdrav.spb.ru/media/filebrowser/годовой-отчет-развития-здравоохранения.pdf> (дата обращения: 29.10.2017).
27. Петростат: Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах Санкт-Петербурга (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств): стат. бюллетень, 2015.

Yu. V. Veselov, J. Jin, L. A. Lebedintseva
Saint Petersburg State University

SOCIAL PRACTICES OF NUTRITION AND PUBLIC HEALTH (ST. PETERSBURG AND THE LENINGRAD REGION)

The general definitions of health and social functions of nutrition, the structure of nutrition of residents of St. Petersburg and Leningrad (based on Rosstat and Petrostat statistics), dietary habits, social differences in diet, attitude to food are considered. The relationship between nutrition and health is shown for various social groups (rich and poor, men and women, young and old). Based on a survey conducted in 2016-2017, an empirical study of social nutrition practices in St. Petersburg, «Food and We» (in-depth interviews and telephone interviews), and analysis of statistics, shows how the situation in St. Petersburg and the Leningrad Region really is. The basic factor determining the correct nutrition model is education, which forms a rational and systematic approach to consumed food. The problems of nutrition are analyzed and practical recommendations for creating a healthy food system are given.

Food, health, obesity, disease, sociology of nutrition

УДК 316.347

С. Д. Савин*Санкт-Петербургский государственный университет,**Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук*

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ВЕРСИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО¹

В период поиска новых основ национальной консолидации российского общества большую значимость приобретает формирование концепции истории Отечества. Отношение граждан к историческому прошлому, традициям своей страны, осознание так называемых «уроков истории» формирует и отношение к современности, и взгляд на будущее. Развитие общества при сохранении его стабильности возможно только в условиях целостности исторического сознания, выполнения им интегративной функции. В то же время существует противоречивый характер создания так называемой «национальной истории» в этнотерриториальных образованиях Российской Федерации. Поддерживаемые некоторыми региональными властями местные школы историографии создают такие системы исторического знания, которые направлены на формирование идентичности в русле политики этнонационализма. Историческое сознание в условиях перемен, трансформации общества играет двойственную роль. С одной стороны, оно выполняет интегративную функцию, с другой стороны, может стать источником конфронтации и расколов в обществе и между народами.

Историческая память, историческое сознание, этнический конфликт, национальная идентичность, политическая стабильность

В связи с конфликтными событиями на постсоветском пространстве в последнее время обострились вопросы проектирования политическими элитами так называемой «национальной истории». История становится не просто наукой, а инструментом, который используют отдельные политические силы [1, с. 14]. Активно поддерживаемые властями школы национальной историографии создают системы исторического знания, которые направлены на формирование идентичности в русле политики этнонационализма. Разумеется, такая «политизированная история» далеко не всегда стремится к истине в вопросах прошлого, а в большей степени – к конструированию идеологизированной модели будущего. Этот процесс достаточно естественен для новых государств, которые ставят на повестку дня вопрос нациестроительства. Но все дело в степени разобщенности и конфронтации с прежними ценностями метрополии. В случае, если национальное движение формируется и поддерживается на основании чувства враждебности к соседним народам, степень разрыва с традициями общего исторического прошлого будет велика. Еще более опасна ситуация, когда разрыв в историческом сознании по линии этничности происходит внутри одного государства. Этнический сепаратизм в лице отдельных групп региональных элит либо контрэлит черпает свой мобилизационный ресурс в воздействии на массовое сознание местного населения, затрагивает болезненные события исторической памяти.

¹ Статья написана в рамках проекта РНФ № 15-18-00119 «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование».

В мобилизации этничности ключевое значение имеют мифологемы. Как отмечает Л. М. Дробижева, мифологемы как разделяемые большинством представления об отдельных компонентах социальной реальности являются не только суммой индивидуальных, обусловленных личным опытом интерпретаций текущих социальных реалий. Завершенность и социальную значимость им придают репутации, задаваемые лидерами, политическими и общественными деятелями [2, с. 15]. Мифологема как составляющая исторического сознания – это групповая интерпретация реальности на основе исторических событий, актуализированных в сознании людей.

Известно, что историческое сознание является важной составной частью этнической и национальной идентичности. Образы событий, процессов прошлого, которые закрепляются в исторической памяти каждого последующего поколения, актуализируются при помощи исторических аналогий, интерпретации событий исходя из опыта переживаемого настоящего. В массовом сознании этот опыт складывается в единую картину посредством целенаправленного культурно-информационного воздействия (пропаганды, массового искусства, научно-образовательных стратегий и др.). Преемственность исторической памяти – это процедура, посредством которой прошлое интерпретируется ради понимания настоящего и предвидения будущего. Эта ментальная процедура является антропологической универсальностью в культурной ориентации практической жизни человека и приводит к понятию хода времени как необходимого социокультурного фактора [3].

Историческая память в условиях перемен, трансформации общества имеет двойственное значение. С одной стороны, она выполняет интегративную функцию и играет позитивную роль сохранения этнической идентичности, а также компенсаторную функцию поиска в прошлом образцов гордости и величия. Запутавшись в проблемах современности, люди пытаются найти ответы в истории, найти для нестабильного настоящего образцы стабильного и благополучного прошлого или пути его достижения. С другой стороны, манипулятивный эффект от мифологизации исторических образов и примеров во времена кризисов нарушает психологическую устойчивость людей, систему устоявшихся ценностей.

Теоретико-методологические рамки исследования. Наше исследование процессов формирования исторического сознания носит междисциплинарный характер. Естественно, оно базируется собственно на знаниях об историческом прошлом, которые дает нам историческая наука. Различные исторические концепции порождают и разные версии прошлого. Политологический ракурс исследования представляет нам картину так называемой политизации истории, изучение процессов целенаправленного воздействия со стороны государственных институтов и СМИ на массовое сознание при помощи инструментов образовательных и культурно-информационных технологий, пропаганды и политического манипулирования. Социологическое исследование массового сознания и динамики общественного мнения фиксирует основные характеристики и направленность коллективных представлений об истории и произошедшие в них изменения. При помощи инструментария опросов общественного мнения мы можем выявить конкретные содержательные составляющие исторического сознания социальных групп, понять, какие проблемы истории актуализируются в нем и в связи с какими факторами. Социально-психологический ракурс исследования дополнит эту картину массового сознания изучением поведенческих установок и стереотипов.

По вопросам исторического сознания и исторической памяти написано много работ, в том числе к этой теме часто обращаются значимые фигуры отечественной и зарубежной науки, такие как: Р. Арон, М. К. Горшков, П. Нора, П. Рикер, Н. В. Романовский, Й. Рюзен, Ж. Т. Тощенко, С. А. Ушакин, Ф. Шенк, Ф. Э. Шереги, М. Хальбвакс и др.

В общественных науках нет единого понимания феноменов коллективной памяти и исторического сознания, а кроме того, существует путаница в разграничении таких понятий, как историческая память, социальная память, культурная память. Ряд исследователей рассматривает коллективную память как синоним исторического сознания. Другие различают эти феномены, подчеркивая, что историческая память – это один из видов коллективной памяти, отражающий в массовом сознании значимые события исторического прошлого. В то же время историческое сознание – это не только память о прошлом, но и определенное восприятие истории своего и других народов, периодов исторического развития, следствий тех или иных исторических событий, поиск закономерностей общественного развития.

Являясь неотъемлемой составляющей массового сознания, историческое сознание понимается как совокупность взглядов, идей, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие прошлого и его оценку [4, с. 32]. Это восприятие эмоционально окрашено, формирует образ прошлого в оценочных суждениях о хорошем и плохом, вызывающем гордость или стыд, героическом или трагическом. Оно тесно связано с исторической памятью о воспринимаемых как ключевые событиях исторического развития своей страны. По сути, при помощи коллективной памяти, сформированной на основе исторического опыта той или иной общности, социальной группы, формируется историческое сознание, выстраивается перспектива исторического видения, на основе которой строятся конкретные задачи и направления развития общества [5].

Некоторые авторы подчеркивают влияние социальной идентичности на процессы исторической памяти, особенно на последовательный подход к оценке исторических событий по шкале «плохо»/«хорошо» [6]. Историческая память общества, этнических и других социальных общностей избирательна. В зависимости от политической конъюнктуры, идеологии, политических конфликтов и противоречий общественного развития актуализируются те или иные события исторического прошлого: победа в войне, борьба за национальную независимость, всплеск определенных социальных движений и т. д. На другие же фрагменты истории, напротив, накладывается своего рода табу, эти события вычеркиваются из исторической памяти: поражение в войне, репрессии, гонения, предательство национальных интересов и др. Но не всегда. Одни и те же события могут стать для разных этносоциальных групп объектом как вытеснения, так и актуализации в исторической памяти. Ж. Т. Тощенко называет такого рода ситуации кентавр-проблемами [7]. Типичная кентавр-проблема такого рода для нашего общества – депортации народов сталинского периода.

Мы поставили задачу рассмотреть проблему исторического сознания в аспекте этноцентризма и воздействия этнонациональных версий истории. После распада Советского Союза эта проблема приобрела особую значимость в отечественной историографии. Возникновение на постсоветском пространстве новых школ историографии породило противостояние с традиционной концепцией исторического прошлого, преемницей советской историографии. Новые школы стали носить этноцентрический характер и сильно политизировались, что, соответственно, отразилось и на историческом сознании, которое оказалось расколотым. В особенности этот раскол заметен по линиям молодежь–старшие поколения и

гуманитарная интеллигенция–рабочий класс. Описанные выше особенности приводили к стремлению к фальсификации истории со стороны заинтересованных групп, этнонациональных движений.

Проблемы этноцентризма и политизации истории нашли отражение в отечественных этнополитологии и этносоциологии. В ракурсе социально-политических процессов в России и на постсоветском пространстве они были проанализированы такими исследователями, как В. А. Ачкасов, Л. М. Дробизева, З. В. Сикевич, В. В. Степанов, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко и др.

Проблема этнонациональных версий истории неоднократно поднималась самими историками. Особую популярность и полемику в научном сообществе вызвали сборники под общим заголовком «Национальные истории», посвященные проблемам формирования новых исторических концепций и фальсификации истории в России и постсоветских странах [8].

Наше исследование массового сознания современного российского общества и такой его составляющей как историческое сознание базируется также на социологических опросах, проводимых различными социологическими центрами, и на результатах собственных исследований: «Этнический статус, этническое неравенство и этноконфессиональные конфликты в массовом сознании россиян» – телефонный опрос по квотной выборке жителей Санкт-Петербурга (декабрь 2015 – апрель 2016 г., N = 1212) и анкетный опрос петербургских школьников старших классов (декабрь 2016 – апрель 2017, N = 495).

К вопросу об историческом сознании россиян. Прежде чем давать анализ проблем борьбы вокруг исторических концепций построения национального государства в России, обратимся к вопросу об историческом сознании россиян как общественном явлении. А интересует ли вообще наших граждан история, и если да, то откуда черпаются информация и смыслы для формирования исторического сознания? Насколько это стихийный процесс самоорганизации общества или целенаправленный процесс определенной политики?

По мнению С. А. Ушакина, историческая память в массовом сознании носит аффективный характер. На примере современного празднования Дня Победы россиянами он подчеркивает, что это уже не воспоминания как таковые, а опосредованные переживания, вписывание себя в контекст прошлого для того, чтобы выстроить с ним какие-то эмоциональные отношения [9]. Это переживание великого исторического прошлого носит символический характер в настоящем, играет роль групповой идентификации. Для общества здесь важнее не объективное историческое знание, а действие во имя прошлого, его актуализация. Человеческая память – это не только память на даты и события, но еще и чувственная память. Председатель Русского исторического общества С. Нарышкин говорит о том, что массовый интерес к истории часто возникает на общественных переломах. В связи с этим интерес общества по большей части сосредоточен на периодах, когда народный подъем, рост национального самосознания, энтузиазма и общего стремления к созиданию тоже оставили свой след в истории [10].

Тем не менее для вбирания обществом исторического опыта важно, чтобы историей не манипулировали, а происходило адекватное обсуждение проблем интерпретации событий и процессов исторического прошлого. Хотя естественно, что полностью отбросить манипулятивный эффект, связанный с внедрением в массовое сознание мифологем, не удастся. Информационное пространство современного общества насыщено технологиями политического манипулирования, поскольку основная борьба политических сил разворачивается в ключе так называемых информационных войн. Но нахождение «золотой середины» между идеологизированным и

объективным знанием об истории составляет основу для стабильности общества, это примерно такой же «балансир», как между отношениями гражданского общества и государства. Интегративные ценности, которые лежат в основе формирования национальной идентичности общества, в большинстве своем связаны с традициями и идеей культурно-исторических особенностей нации, ее уникального исторического опыта развития.

Поэтому в центре историко-социологических исследований постсоветского периода оказываются ценностные отношения россиян к тем или иным историческим деятелям, а также оценки тех или иных исторических событий, процессов. Говоря о значимости данных ценностных компонентов в массовом сознании граждан, достаточно вспомнить популярный телевизионный проект «Имя России» (2007). Персонификация истории – важная составляющая исторического сознания, одна из ранних его форм, тесно связанная с мифологией. Через оценку исторических деятелей формируется отношение к целым периодам истории и соответствующим им особенностям развития общества, его модернизации. «Эпохи» Ивана Грозного, Петра I, Александра II, И. В. Сталина, Л. И. Брежнева и др. в массовом сознании связываются с чертами личности, определенного стиля лидерства, соответствующих результатов периода правления, отражающих некую модель национальной политики.

Для массового сознания российского общества характерно представление о спайке сильного лидера с сильным государством, а сильного государства – с национальным подъемом. Неслучайно, что тройку самых популярных лидеров в проекте «Имя России» заняли Александр Невский, Петр Столыпин и Иосиф Сталин. При всей их внутренней несовместимости они отвечают образу сильного государства. Этатизм, ориентированный на державность, военно-политическую мощь и геополитическую влияние, представляет ценностный ориентир и для современных российских граждан. Естественно, что проект «Имя России» был своего рода PR-проектом нынешней социокультурной элиты с предсказуемым результатом. Но и опросы общественного мнения фиксируют похожие установки массового сознания на национальных героев прошлого.

В исследовании, проведенном Лабораторией этнической социологии и психологии НИИКСИ СПбГУ в 2013 г. среди жителей Санкт-Петербурга, была выявлена корреляция между периодами российской истории, которые вызывают положительные ассоциации, и историческими фигурами, вызывающими чувство гордости. Рейтинг популярности следующий: Петр I (67 %), Столыпин (23 %), Екатерина II (17 %), Сталин (16 %), Александр II (15 %). Заметим, что в первой пятёрке рейтинга только государственные деятели – главы государства и правительства [11]. Интересен отдельный срез популярности политических деятелей в среде российской студенческой молодежи. На вопрос «Кто из деятелей прошлого и настоящего более всего способствовал осуществлению массовых народных ожиданий?» было получено следующее распределение: Петр I (47 %), В. В. Путин (33 %), В. И. Ленин (28 %), И. В. Сталин (26 %), Екатерина II (18 %) [12, с. 111].

Надо отметить, что наблюдается некоторый парадокс в историческом сознании россиян. С одной стороны, они признают, что знание истории важно для всех граждан, представляет ценность. И более двух третей респондентов отмечают, согласно нашим опросам, что и сами по возможности интересуются историей. Однако свои знания достаточно объективно оценивают «на тройку», что подтверждают проверочные вопросы на знание исторических событий. Тем не менее из обрывочных представлений об историческом прошлом, формируемом культурной элитой, у большинства складывается достаточно устойчивое представление об особом

цивилизационном пути развития России, которая является и не западной страной, и не восточной. Она особенная, считают 74 % петербуржцев – жителей города, которого называли самым «западным» городом России. Мы полагаем, что это происходит в большой степени под воздействием на сознание россиян национальной версии истории, рассматривающей историческое развитие России как «великой державы», евразийской цивилизации, у которой особая модель модернизации, связанная с высокой централизованной ролью государства и объединяющей миссией харизматического политического лидерства. Народный дух и политическая воля стоят как бы над общественными институтами, представляют собой главный ресурс как стабильности, устойчивости перед вызовами, так и модернизации общества. Данное историческое сознание обуславливает и представления о переживаемом настоящем и о желаемом будущем, в котором россияне могли бы гордиться своей страной, ее лидерами и ее мировыми достижениями.

Однако, как отмечает З. В. Сикевиц, произвольные, зачастую искаженные интерпретации исторических фактов, их эмоциональная оценка, формируя систему социальных ожиданий, напрямую обуславливают оценки переживаемого настоящего и желательного будущего [11, с. 197]. В то же время неоправданные ожидания приводят к социальной напряженности, а та, в свою очередь, формирует среду потенциальных конфликтов. В связи с тем, что в основном указанные процессы протекают в ключе этноцентризма, зачастую этнические конфликты провоцируются ксенофобскими установками, выплеск фрустрирующей энергии происходит через них. Ярким примером такого развития событий является ситуация на Украине, в которой задача конструирования национальной истории «без России» заставила активно внедрять в массовое сознание ряд мифологем об историческом противостоянии русских и украинцев. Что закономерно привело к расколу по этническому принципу, росту социально-политической напряженности и масштабному этнополитическому конфликту в Юго-Восточной Украине.

Исторические концепции и этническая политика. Как мы уже отмечали, формирование новых исторических концепций в русле этноцентризма порождает и изменения в восприятии исторического прошлого населением. Отсюда большой интерес современных историков к проблемам исторического сознания и исторической памяти. Другой вопрос, что сами работы по исторической памяти, которые получили особую популярность в последние годы, в большинстве своем, считают И. М. Савельева и А. В. Полетаев, представляют собой пример так называемой идеологизированной истории, когда историки оказываются втянутыми в современные политические отношения и пытаются «историзировать» реальность настоящего, придать ей историческое значение [13, с. 41]. Как отмечает С. Нарышкин, вслед за новыми спорами ученых на сцену выходят идеологи. И тогда «упражнения с прошлым» уступают место соревнованию за будущее [10]. Особенно указанная тенденция «осовременивания» и мифологизации истории усиливается в периоды этнополитических конфликтов.

Так, во времена чеченского конфликта 1990-х гг., по словам В. А. Тишкова, местные газеты были заполнены на 70–80 % статьями историков, фольклористов, археологов или журналистско-публицистическими очерками на тему культурно-исторической уникальности чеченского общества [14, с. 53–54]. Другой пример непримиримого этнополитического конфликта на постсоветском пространстве – Нагорный Карабах. На протяжении всего конфликта между Азербайджаном и Арменией активно происходила политизация истории, когда основным «заказом» национальных историков был сбор доказательств «первородства» той или другой стороны, исторических прав на землю. При этом приводятся данные археологических и этнографических исследований, цитируются труды различных мыслителей и разных эпох, но все – с позиций этноцентризма [7, с. 8].

Мало кто из современных историков будет опровергать идеологическую и культурно-патриотическую функции исторических концепций для развития общества. Наполняя массовое сознание смыслом исторической гордости или исторических обид, оно формирует социально-психологические установки, определяющие поведение социальных групп, их реакцию на те или иные события. Поэтому, как правило, серьезные общественные трансформации влекут за собой и смену или пересмотр исторических концепций. На примере распада Советского Союза мы видим многократно отмечаемую историками закономерность в повсеместном переходе от советской исторической концепции строительства многонационального государства к этнонациональным концепциям истории отдельных народов. Объединяющая центр и республики классовая теория исторического материализма сменилась различными теориями этногенеза и национальной истории, в том числе национально-освободительного движения. В новых исторических построениях главными историческими героями стали народ-этнос и конкретные личности, в которых он воплощается [8, с. 121].

В условиях распада союзного государства и дезинтеграционных процессов на всем постсоветском пространстве усиливаются тенденции к «регионализации истории», ее замкнутости на конкретные исторические процессы, которые носят избирательный характер. История превращается в ткань из белых пятен и ярких узоров. Что-то сознательно замалчивается, другие же события прошлого мифологизируются. Этнозация истории и этнизация политики идут рука об руку. Этнонациональные движения стали строить идеологию из мифологизированных конструкторов истории. Для «переписывания» истории характерными стали приемы политического манипулирования сознанием в форме создания образа врага из бывшей метрополии и некоторых народов-соседей, героизации политических событий и лидеров национальных движений, удревнение основ государственности титульного народа, мифологизированное представление об упущенных возможностях своего общественного развития как жертв колониального прошлого.

Построение новых национальных государств или движение усиления суверенизации и сепаратизма республик в самой России шло в русле пропаганды собственной этнонациональной исключительности и формирования этнофобий и враждебных установок в отношении нетитульных народов, прежде всего русских. Отрицательный исторический образ России в массовом сознании поддерживается политическими элитами в том числе и за счет таких манипулятивных приемов, как усиление негативного восприятия главных исторических персонажей русской истории, эффект обобщения и усиления демонизирующих черт. В новых национальных историях можно назвать его «эффектом Сталина» (или еще древнее – «эффектом Ивана Грозного»), когда деспотические черты личности переносятся на обобщенный образ правителя российского государства, рассматриваются как своеобразный архетип власти. Так образ России как восточной деспотичной державы, нарушившей ход истории развития восточноевропейских народов, все более укореняется в последние годы в сознании самих этих народов. Во многом вследствие не только массовой пропаганды в СМИ, но и продуманных антироссийских концепций истории, внедренных в систему образования.

В связи с этим неудивительно, что возникла ответная защитная реакция российских историков, пытавшихся восстановить концептуальную связь единства судьбы народов России и всесторонне описать позитивный синергетический эффект их общего развития. Единое социокультурное пространство не исключает этнокультурного своеобразия народов, но дает широкие возможности для взаимного культурного обмена. Проецировавшийся

на российское общественное мнение комплекс вины за свое имперское прошлое с требованиями покаяния перед угнетенными народами стал постепенно изживаться в общественной мысли современной России. Без отрицания черных пятен истории, без избегания сложных противоречивых периодов развития российского общества тем не менее восстанавливается историческая роль России как великой державы, сыгравшей ключевую роль в становлении современного международного правопорядка, принесшей возможности для мирного стабильного развития народов на широком евразийском пространстве.

Знания об особенностях исторического сознания тех или иных народов могут лечь в основу подходов к истории в рамках этнокультурной политики. Известно, что на Кавказе сильнее, чем в других этнотерриториальных образованиях актуализирована историческая память. Т. С. Гузенкова даже пишет о том, что кавказские народы живут прошлым в большей степени, чем настоящим, они консервативны по духу, больше вплетены в ткань традиций [8, с. 136–137]. При этом особое значение в этнонациональных версиях истории на Кавказе имеют военная история, факты и мифы о героических событиях, подвигах, полководцах. Важно, что советский период истории, несмотря на ряд сложных внутренних конфликтов, не принимал однобоко негативного содержания. Память о Великой Отечественной войне и участии в ней жителей Кавказского региона и сегодня составляет важную черту исторического знания даже репрессированных в тот период народов – балкарцев, ингушей, чеченцев. В связи с этим так важно понимание функций исторического сознания и исторической памяти в формировании модели национальной политики в полиэтническом обществе со сложной федеральной политической структурой власти. Необходима гибкость информационного воздействия на массовое сознание с учетом особенностей исторической памяти этнических групп и уровня социально-политической напряженности.

Региональный этнонационализм и история. Рассмотрим несколько примеров политизации исторического сознания, конструирования этнонациональных версий исторического прошлого на региональном уровне в России. В качестве кейсов мы выбрали Чечню и Татарстан как случаи сильной степени концептуальной выраженности политики историко-культурной обособленности, попыток создания национальными историками своей мифологизированной картины прошлого. Кроме того, данные примеры характеризуют различные типы социальной напряженности, этнического неравенства и этноконфессиональных конфликтов. Имеет значение географический выбор указанных этноконфликтных зон: Северный Кавказ и Поволжье – две линии этнической напряженности в России после распада СССР; также играют роль общие случаи воздействия религиозного фактора. Еще один фактор, который следует учитывать – длительность периода нахождения в составе России. Если истории государственно-политического единства Татарстана с Россией пошел уже пятый век (без учета разновекторного периода вассальных отношений), то для Чечни он насчитывает менее двух столетий (после окончания Кавказской войны). Разумеется, историческая память каждого народа хранит свои специфические представления о событиях и процессах, определивших общую судьбу с Россией, но характерно, что для каждого из них существуют точки гордости за свое историческое влияние на Россию и свои травмы потери зарождающейся государственности. Но тем не менее мы можем выделить общие закономерности в воздействии этноцентризма на сознание населения указанных республик при помощи конструирования этнонациональных версий истории.

Модель такого воздействия в наиболее развитом виде дает нам национальная школа историографии Татарстана, в которой подход к истории народа (татар) представляет собой,

по сути, альтернативную историю по отношению к принятой российской историографии. Это особенно ярко видно на основе анализа учебных пособий по истории Татарстана и татарского народа. Во-первых, это рассмотрение истории в русле концепции нации и нациестроительства с соответствующим выделением периодов исторического развития на пути построения собственной государственности и оценка нынешнего положения в статусе национальной республики в составе Российской Федерации. Во-вторых, это попытка «удревнения своей нации», стремление найти корни этногенеза в древних племенных объединениях кочевников, представляющих так называемый тюркский мир. В частности, в учебных пособиях Р. Р. Фархутдинова, Р. Р. Исхаковой истории гуннских племен и походам Атиллы посвящается практически столько же места, сколько и всему периоду имперской России XVIII–XIX вв. [15], а учебное пособие Э. Р. Тагирова начинается предисловием с таким названием: «История национальной государственности длиною в три тысячи лет» [16].

В-третьих, это представление о прерванном развитии собственной цивилизационной траектории. Характерно, что, несмотря на то, что и Волжская Булгария стала объектом монгольского нашествия, в отличие от русской историографии это событие не оценивается как трагедия, а скорее как новый этап развития в составе Золотой Орды, преемником которой стало и Казанское ханство. В-четвертых, представление о нахождении в составе России как трагическом периоде, героизация национально-освободительной борьбы и формирование исторической памяти о падении Казанского ханства как травме и национальной трагедии. В то же время сознательно замалчиваются исторические факты разорительных набегов войск Казанского ханства на русские земли, сложные отношения внутри самого Казанского государства.

Учебные пособия по истории Татарстана, в том числе выпущенные под эгидой Академии наук, изобилуют такими выражениями, как «многострадальный народ с невероятно тяжелой судьбой», «прерванная цивилизаторская миссия», «политика разделяй и властвуй», «жесточайшее избиение татар», «под пятой одной из самых беспощадных монархий». Подчеркивается, что имперский российский центр в разных политических обликах препятствовал свободному развитию татарского народа, подавлял национально-освободительное движение. При этом и русские как этнос зачастую рассматриваются с позиций негативных этностереотипов. В частности, академик И. Р. Тагиров, рассказывая о противодействии ЦК РКП(б) созданию Татарской республики, пишет следующее: «Корни противодействия центра созданию в границах компактно проживающего татарского населения мощной республики лежали, очевидно, не только в имперских политических соображениях, но и в господствовавшей этнокультуре, одной из характерных черт которой является исторически транслируемая ксенофобия» [17, с. 4].

В то же время в разговорах об исторической справедливости и создании собственной государственности сознательно забывается, что в Татарстане по переписи населения 2010 г. проживает 53,2 % татар и 39,7 % русских [18]. И в отличие от прибалтийских республик, такое этническое соотношение сформировалось не за короткий срок нескольких десятилетий, а за столетия совместного проживания русских и татар в регионе. Социологические исследования в Татарстане, начатые еще в 1960-х гг., убедительно демонстрировали, как в результате политики этнического выравнивания росла численность городского татарского населения, поднимался его культурно-образовательный уровень, социальный статус [19].

И именно этот интеллектуальный базис модернизации и породил во многом этнонациональное движение татар в конце XX – начале XXI в., из которого зародилась и национальная школа татарской историографии: Х. Атласи, Г. Ахмеров, Г. Губайдуллин, Ш. Марджани,

И. Тагиров, Р. Фахретдин и др. Неудивительно, что приверженцы новой школы на первом этапе взяли удобную концептуальную основу, выражающуюся в формуле «Россия – тюрьма народов». Соответственно, несмотря на общие слова о взаимообогащении культур, общая канва воздействия на историческое сознание татарского населения была направлена на формирование этнической идентичности как основы для государственного суверенитета.

Итак, к чему приводит воздействие на сознание (на примере студенческой молодежи Татарстана)? Так, при опросе сети этномониторинга EAWARN 2013 г. в Татарстане на вопрос, с чем они ассоциируют слово «Родина», лишь 31,2 % студентов указали, что это Россия. Со своим регионом родину ассоциируют 23,1 % (144). В учебном заведении и на работе 79,9 % респондентов общаются только на русском языке, 14,7 % – на русском и татарском, 4,7 % – только на татарском [12, с. 146].

Обратимся ко второму кейсу – об историческом сознании и проблеме этнонационализма в Чечне. Воздействие на историческое сознание как самих чеченцев, так и в целом россиян по проблеме Чечни имеет огромное значение по нескольким причинам. Во-первых, это недавние кровопролитные вооруженные конфликты в 1990-х – начале 2000-х гг. между силами федерального центра и сепаратистами; память об этих событиях еще долгое время будет оказывать влияние на межэтнические отношения в российском обществе. Во-вторых, это особенности исторической памяти чеченцев, как и ряда других народов, о депортации и репрессиях сталинского периода, а также более общие представления россиян о периоде Кавказских войн XIX в. Мы уже упоминали мнение специалистов о том, что в полиэтничном Кавказском регионе сложная ткань отношений между народами вплетена в особые представления в историческом сознании. Более того, делает вывод З. Х. Ибрагимова, миграционные процессы на Северном Кавказе, включая массовое заселение славянскими этносами, не привели (за редким исключением) к смешению коренных и пришлых народов, а локализовали их в этнические и социокультурные миры так называемого пограничья [20, с. 12]. Поэтому этноцентризм имеет на Кавказе особенно сильные корни, ярко выражен в политике этнокультурной элиты.

Чеченский кризис 1990-х гг. актуализировал богатую псевдонаучную мифологию об истории и историческом облике чеченцев, который из литературных публицистических и академических текстов перешел в массовое сознание жителей этой республики [14, с. 45]. Среди них миф об исключительном природном свободолюбии и благородстве чеченцев, миф о древнейших корнях народа, насчитывающих тысячелетия, что как минимум сравнимо с древними цивилизациями мира (Египетской, Месопотамской). К этим мифам добавилось целенаправленное разжигание вражды к русским через актуализацию в исторической памяти травмы сталинской депортации, в которой мифологизировалась жестокость условий проживания народа в ссылке в течение 13 лет [21]. И добавился фактор исламизации – влияние религиозной идеологии на политико-правовое сознание.

Как следствие, возникли резкий рост ксенофобных настроений, прежде всего в среде молодежи в конце 1980-х – 1990-е гг., радикализация этнонационального движения, вставшего на путь открытого сепаратизма, и фактическое изгнание русского населения с территории республики. Если по переписи населения 1989 г. в Чечено-Ингушетии проживало 293 771 (23,1 %) русских, то согласно данным Всероссийской переписи 2010 г. русских в составе населения Чеченской республики всего 1,92 % [15]. В результате вооруженного конфликта на территории Чечни информационное воздействие на массовое сознание приняло характер этнической мобилизации, и манипуляции с историческими данными участились. Несмотря

на урегулирование конфликта, восстановление конституционного порядка и период стабилизации и экономического роста в Чеченской республике в составе Российской Федерации в 2000-е гг., этнонационализм как явление не исчез, но принял другие формы. Этнокультурная политика, направленная на формирование представлений чеченцев об их этнической исключительности, продолжилась, ознаменовавшись в том числе и выходом новых обобщающих трудов по истории. Такие работы, как «Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен» в 4 томах (1997–2004), «История Чечни с древнейших времен до наших дней» в 2 томах (2006), продолжали традиции новой чеченской исторической школы по созданию концепции «чеченцы – старейший народ Кавказа» [22], [23].

Столь активное внедрение этнонациональной версии чеченской истории не могло не отразиться на массовом сознании жителей Чечни. Социологи при исследовании общественного мнения в Северо-Кавказском регионе выявляют, что многие явления и события минувшего до сих пор сильно актуализированы в сознании людей. Наиболее глубокий след в памяти этих народов оставила Кавказская война 1817–1864 гг. Выяснилось, что эта память концентрирует в себе не только открытую и доступную для всех информацию, но и латентные источники – семейные предания и легенды, рассказы, народные песни, официальную и неофициальную топонимику [7, с. 14]. Интерес в этом плане вызывает позиция чеченского историка З. Х. Ибрагимовой, которая, анализируя итоги присоединения Северного Кавказа к России в XIX в., замечает, что особенно актуальной эта тема стала после окончания Чеченской войны, поскольку у чеченцев очень живое чувство истории и они видят сходство между потерей независимости и карательными действиями российского государства, ложью и обманом и в тот период, и в современный. И призывает российских политиков к покаянию «за свою нацию» по примеру немецких, которые публично признали вину за холокост и нацистские преступления [20].

В отношении воздействия на историческое сознание чеченцев в настоящее время интерес представляет прежде всего молодежь. В исследовании проблем идентичности и гражданской активности российского студенчества (2013 г.), проведенного по методике Сети этномониторинга EAWARN, результаты, полученные по Северо-Кавказскому региону и Чечне, свидетельствуют, что общероссийская гражданская идентичность здесь сформирована крайне слабо. Только 24 % опрошенных студентов чеченских вузов ассоциируют свою Родину с Россией как страной. Это самый низкий показатель по Северо-Кавказскому федеральному округу (в два раза ниже, чем, например, в Дагестане или Кабардино-Балкарии), и он сравним только с рассмотренным выше показателем в Татарстане (34 %). При высоком уровне региональной и местной идентичности символами Родины для молодежи выступают чеченский язык и культура, тотемное животное – волк, государственно-политические символы Чечни (герб, гимн, флаг), религиозный символ – мечеть «Сердце Чечни». Надо отметить, что и в повседневной жизни на русском языке общаются с коллегами только 56 % от числа опрошенных, а дома – менее 10 %. Соответственно среди чеченской молодежи высок уровень этноконфессиональной идентичности. В Чечне не только самый высокий процент верующих – 97 % опрошенной молодежи вузов заявили о себе как о приверженцах ислама, но и показатели групповой идентификации по конфессиональному принципу – 76 %. Идентичность со своей этнической группой (49 %) стоит на 4-м месте после семьи (70 %) и друзей (56 %). Наблюдается самый высокий уровень установок готовности к конфликтным действиям на межэтнической основе (более двух третей молодых людей готовы участвовать в конфликте в зависимости от обстоятельств) [12, с. 54–57, 203].

В связи с доминированием этноцентристской версии истории особый интерес представляют ответы студентов на вопрос об «идеальном» или наиболее благоприятном периоде развития России. Большинство участников опроса (43,9 %) вообще не смогли выделить такой период в развитии России (22 % затруднились ответить, 21,9 % считают, что такого периода в истории России не было вообще). В целом, опрос показал, что сознание сепаратизма достаточно прочно утвердилось в среде чеченской молодежи. С историей России как с историей своей Родины ассоциируют себя всего 11 % чеченских студентов, в то время как с историей своего отдельного региона – 46 % [12, с. 86, 204]. Мы полагаем, что это свидетельство длительного воздействия этнонациональной версии истории, в условиях которого прошла социализация уже нескольких поколений чеченской молодежи.

Случаи Татарстана и Чечни являются примерами того, как национальная общероссийская идентичность «проигрывает» идентичности региональной и наблюдается связь данного явления с господством в этих регионах этнонациональных версий исторического прошлого. В то же время не работающие механизмы интеграции приводят к ситуации, когда этническая группа как бы консервируется в особой ценностной структуре, становясь своего рода «маргинальным подпольем» в обществе [24, с. 121]. В случае системного кризиса в обществе, напротив, такие группы активизируются в большей степени, чем другие, играя роль конфликтного дезинтегрирующего фактора.

В современном российском обществе проблема сохранения общей исторической памяти имеет ключевое значение для формирования национальной (общегражданской) идентичности. Политическую стабильность и устойчивые федеративные отношения подрывают этнические региональные версии истории, транслируемые местными элитами. В условиях социально-экономического кризиса нарастают не только внешние, но и внутренние вызовы безопасности российского общества. Для регулирования этноконфессиональных отношений и конфликтов власти и обществу важно понимать значение историко-социологического знания как составляющей массового сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rüsen J. Using History: The Struggle over Traumatic Experiences of the Past in Historical Culture // *Historein*. 2011. Vol. 11. P. 14–18.
2. Дробижева Л. М. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Academia, 2002. 480 с.
3. Rüsen J. Tradition: A principle of historical sense-generation and its logic and effect in historical culture // *History and Theory*. 2012. Vol. 51, No 4. P. 45–59.
4. Перелыгина Е. Б., Донцов А. И. Социальная стабильность: от психологии до политики. М.: Эксмо, 2011. 302 с.
5. Кузнецов В. И. Формирование исторического сознания как задача модернизации в современном российском обществе // *Гуманитарные научные исслед.* 2014. № 11. URL: <http://human.snauka.ru/2014/11/8382> (дата обращения: 20.09.2017).
6. Sahdra B., Ross M. Group identification and historical memory // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33, No 3. P. 384–395.
7. Тощенко Ж. Т. Манкуртизм как деформация исторического сознания (опыт социологического анализа) // *Социология власти*. 2010. № 1. С. 6–18.
8. Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова; предисл. Ф. Бомсдорфа. 2-е изд., испр. и доп. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. 432 с.

9. Ушакин С. А. Вспоминая на публике. Об аффективном менеджменте истории. URL: <http://gefter.ru/archive/13513> (дата обращения: 16.09.2017).
10. Нарышкин С. Рецепты для будущего // Российская газета. Федер. вып. № 6984 (116) от 31.05.2016.
11. Сикевич З. В. Историческое прошлое в социальных ожиданиях россиян // Вестн. СПбГУ. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2014. Вып. 2. С. 196–206.
12. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / ред. В. А. Тишков, Р. Э. Бараш, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2014. 342 с.
13. Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 56 с.
14. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001. 552 с.
15. Фархутдинов Р. Р., Исхакова Р. Р. История татарского народа и Татарстана: Хрестоматия для студентов высших учебных заведений гуманитарного профиля. Казань: Изд-во ИСПО РАО, 2001. 120 с.
16. Тагиров Э. Р. Народ в пути. История Татарстана в контексте мировой цивилизации. Казань: Магариф, 2008. 287 с.
17. Тагиров И. Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. 310 с.
18. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010.
19. Социальное и национальное: опыт этносоциологического исследования по материалам Татарской АССР / отв. ред. Ю. А. Арутюнян. М.: Наука, 1973. 331 с.
20. Ибрагимова З. Х. Царское прошлое чеченцев. Власть и общество. М.: Пробел-2000, 2009. 580 с.
21. Авторханов А. Г. Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР. М.: СП «Вся Москва», 1991. 79 с.
22. Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен: в 4 т. Т. 3. М.: Русь, 2002. 396 с.
23. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1 / М. Х. Багаев, Х. А. Хизриев, Я. З. Ахмадов и др.; отв. ред. М. Ибрагимов. Грозный: Книжное изд-во, 2006. 826 с.
24. Абдулкаримов Г. Теоретические проблемы актуальной этнополитики в России: Этносоциология модернизации современной России. М.: Весь мир, 2010. 336 с.

S. D. Savin

Saint Petersburg State University

The formation of the concept of motherland history assumes great importance during the search of new foundations for national consolidation of the Russian society. The attitude of citizens towards the historical past, traditions of their country, realization of the so-called "history lessons" forms both an attitude to the present and a vision for the future. The development of society while preserving its stability is possible only in the conditions of the integrity of historical consciousness, the fulfillment of its integrative function. At the same time, there is a contradictory nature of the creation of the so-called "national history" in the ethno-territorial formations of the Russian Federation. Supported by individual regional authorities, local schools of historiography create such systems of historical knowledge that are aimed at the formation of identity in line with the policy of ethno-nationalism. Historical consciousness under conditions of change, transformation of society plays a dual role. On the one hand it performs an integrative function, on the other hand it can become a source of confrontation and splits in the society and among peoples.

Historical memory, historical consciousness, ethnic conflict, national identity, political stability

УДК 316.347

П. П. Дерюгин

Санкт-Петербургский государственный университет

О. В. Ярмак

Севастопольский государственный университет

Д. М. Серебров

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ленина

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Раскрыты основные методологические принципы анализа полифункциональности современной сельской семьи в изменяющемся российском обществе. Показаны важность конкретно-исторического подхода, учета региональных особенностей проживания сельских семей, рассмотрения семьи как социального института и одновременно как малой социальной группы, необходимости различать функции сельской и городской семьи. Представлены новые социальные вызовы, влияющие на возникновение актуальных подходов к изучению функций семьи. Полифункциональность сельской семьи рассмотрена как необходимость реагировать на воздействия внешней среды и удовлетворять потребности членов семьи.

Полифункциональность, сельская семья, сельская семья как социальный институт, сельская семья как малая группа, классификация функций семьи

В последние десятилетия базовый социальный институт семьи претерпел существенные изменения, что же касается сельской семьи, то здесь изменения проявились особенно болезненно и остро. Происшедшие социальные и экономические изменения и развал совхозов и колхозов вместе с «диким рынком» повлекли за собой и существенные трансформации функций сельской семьи [1], [2]. Традиционная русская деревня постепенно вымирает. И это одна из самых болезненных демографических проблем современной России. С 1991 г. с карты российского государства исчезло около 20 тыс. сел и деревень. Наибольшее количество незаселенных сельских населенных пунктов в результате переписи 2010 г. было обнаружено в СЗФО и ЦФО. Так, в СЗФО заброшенной оказалась пятая часть всех деревень – 20,0 % [3].

Одной из научных проблем выступает многофункциональность сельской семьи как отражение особого уклада жизни в деревне. Проблеме многофункциональности сельской семьи ученые придают значение даже более важное, чем собственно многофункциональности ведения сельского хозяйства. Вот что пишет известный экономист-аграрник В. Я. Узун: «Устойчивость сельского развития определяется не многофункциональностью сельского хозяйства, а состоянием сельской семьи. Сельское хозяйство имеет одну функцию – выращивать продукцию растениеводства и животноводства. Многофункциональной является сельская семья. Совокупность сельских семей обеспечивает социальный контроль за территорией, охрану окружающей среды и т. д.» [4, с. 221].

Исследование полифункциональности сельской семьи тем более актуально в перспективе, поскольку сельской семье отведена важная роль в формировании новой роли крестьянского труда в постиндустриальном информационном обществе. Как справедливо отмечается в специальных исследованиях проблем семьи, функциональный подход к анализу многофункциональной роли сельской семьи напрямую связан с рекомендациями ООН о переходе в нынешнем столетии к стратегии устойчивого развития, что может быть осуществлено только при реализации семейными хозяйствами множества функций [5]. Здесь важно и то, что ускорение роста производства сельскохозяйственной продукции становится одним из приоритетных направлений выхода из кризисной ситуации в России, где в последние годы складываются стратегии роста.

В научных исследованиях функций семьи очевидно явное противоречие. С одной стороны, увеличивается поток теоретических работ по проблемам семьи в целом и по проблемам сельской семьи в частности, в которых исследователи делают вывод о том, что семья как социальный институт терпит полный крах (А. И. Антонов, В. А. Борисов, С. А. Булгакова, Л. Дарский, Х. Джабер, И. С. Дуров, В. М. Медков, А. Б. Синельников и др.).

Каковы основные аргументы позиции, раскрывающей кризис семьи как «долгосрочный» и «глобальный» [6]? Их несколько.

В сфере ценностей. В постиндустриальном обществе каждый человек самостоятельно выстраивает свою систему ценностных ориентаций, а всякое вмешательство и ограничения, которые идут со стороны семьи, должны быть признаны как сдерживающие факторы социального развития современного социума (Х. Джабер), в частности, это противоречит самой природе, идее и принципам формирования сетевого общества.

В сфере экономики. Перенос производства из реального сектора в такие сферы производства, где семейно-общинные формы социального взаимодействия традиционного общества становятся бессмысленными (робототехника, электронная экономика, цифровая валюта и пр.).

В сфере социальных институтов. На макроуровне – потеря авторитета семьи как социального института, снижение ее влияния и явный «проигрыш» ее потенциала в сравнении с потенциалами других социальных институтов.

В сфере межличностных отношений. На микроуровне – разрушение слитности брачного, сексуального и репродуктивного поведения современного человека (А. И. Антонов).

В практической плоскости. Искажённые формы брака, рост числа разводов, исчезновение многодетной семьи и повсеместное сужение расширенной семьи до нукlearной.

Этим не исчерпывается перечень причин и факторов, по которым социальный институт семьи поставлен под вопрос как институт кризисный и исчерпавший свое социально-историческое назначение.

В другой части исследований, напротив, утверждается идея важности и перспективности сохранения семьи. Исследователи этого подхода обосновывают реальные направления сохранения и развития семьи, разрабатывают актуальные стратегии социологического анализа социальных, личностных и иных условий, которые дают возможность анализировать и прогнозировать ведущие тренды развития семьи, в том числе в условиях села. Главные идеи таких исследований заключаются в ряде базовых положений:

- признание фундаментальной роли семьи как центрального социального актора в противостоянии деструктивным тенденциям в нравственности, экономике [7];

- понимание необходимости обновления семьи и осуществления переходов от патриархальной семьи к современным ее формам [8];

– развитие адаптивных способностей семейного уклада, важности своевременной реакции на возникающие новые социальные факторы и перестройку системы внутрисемейных отношений [9].

Пожалуй, как отдельное направление в методологических конструкциях исследования перспективы развития института семьи могут рассматриваться те работы, где семья изучается в альтернативных формах брака (Б. Адам). Чаще всего такие альтернативные формы семьи оцениваются исследователями как «приложения» или «вкрапления» в моногамную систему семейных союзов в социуме в виде «торговых сделок», гомогамии, семьи «дополняющих потребностей», инструментальных ролей, семьи «стимул-ценность-роль» и многочисленных других (П. А. Решетов).

Увеличивается число исследований, в которых изучаются возникшие новые проблемы семьи, сопровождающие ее развитие в условиях возрождаемых капиталистических отношений, в условиях постиндустриального, информационного и сетевого общества. В частности, появляются новые исследования, в которых признается важность перспективы переобучения и обеспечения роста доходов всех членов семьи (Р. Вейс), значения роли религии в формировании стабильной сельской семьи (И. Шевченко), повышения роли адаптивной функции семьи и интимности отношений (С. И. Голод), решающее значение семейной экономики (Р. Раппопорт), рост значения культуры женщин (А. Харчев) и некоторые другие.

Очевидно, что в силу важности значения семьи как социального института целесообразно на различных этапах формирования российского общества осуществлять теоретические и методологические исследования трендов в изменении социальных функций современной сельской семьи и не выпускать эту проблематику из поля непрерывного внимания социологической науки. И прежде всего это важно делать в отношении принципов социологического анализа.

Конкретно-исторический подход предполагает изучение и анализ разнообразия, направленности и содержания функций семьи, которыми будут отличаться одни исторические эпохи от других. Ученые-социологи едины в понимании зависимости семьи от общественного строя, что означает одно: каково общество, такова и семья. Процессы формирования городских и сельских семей или их распад, специфика воспитания детей и подростков в семье, особенности взаимоотношений супругов, взаимодействия поколений, причины семейных конфликтов, социокультурные и социологические факторы, определяющие образ жизни семьи, трансформационные процессы в институте семьи – вот далеко не полный перечень основных проблем семьи, которые по-разному проявляются в конкретно-исторических условиях своего времени и к которым традиционно обращаются отечественные и зарубежные социологи [10]. Исследование истории семьи показывает, что кризисы института семьи фиксируются на протяжении всей истории человечества, будь то крах Римской империи, эпоха Средневековья, годы войн и революций и пр. – семья тем не менее всегда выполняла свои функции, пусть в измененной или своеобразной новой форме.

Исторические рамки современного этапа в изучении российской семьи очерчивают непростой и противоречивый период ее развития. В докладе Национального совета по подготовке и проведению Международного года семьи в Российской Федерации отмечается, что прямыми и косвенными показателями неблагополучия семей являются: катастрофическое снижение рождаемости, самый высокий в мире показатель числа абортов, рост внебрачной рождаемости, очень высокая младенческая и материнская смертность, низкая продолжительность жизни, большое число разводов, распространение альтернативных типов брака и семьи, рост

числа случаев жестокого обращения с детьми в семьях и др. [11, с. 17]. Эти негативные тренды в полной мере стали характерными и для сельских семей. Тем не менее при всех отмечаемых недостатках или трудностях в состоянии российских семей исследователи констатируют тот непреложный факт, что подавляющее большинство населения России живет ныне в семьях [12], и это является самым весомым аргументом в признании целесообразности дальнейшего глубокого изучения института семьи.

Исходя из идеи принципа конкретно-исторического подхода, обоснованно полагать, что исторической точкой отсчета возникновения современной сельской семьи следует считать начало 90-х гг. прошлого, XX в., когда новые социально-экономические условия своеобразно отразились на жизни села и повлекли за собой изменения функций сельской семьи. Тем не менее сельская семья сохраняется как социальный институт. Как подчеркивается в исследованиях, в непростых условиях «лихих девяностых» семья «сумела приспособиться к тотальному падению уровня жизни и в основе своей сохранить собственную сущность – кровно-родственные отношения, взаимную ответственность родителей и детей, а также супругов, способность к ведению домашнего хозяйства, как в городских, так и в сельских условиях» [10, с. 3].

Как показывают многочисленные социологические исследования, семьи в сельской местности смогли устоять перед искушением легкой добычей, удовольствиями и достижением наживы любой ценой и защитить российские ценности семьи, несмотря на проникающий прагматизм, однозначный приоритет материального достатка над всеми иными смыслами. Не идеализируя ситуацию с семейными ценностями современной сельской семьи, следует отметить, что в новых исторических условиях происходит освоение новых функций сельской семьи, в том числе в нравственных ориентациях, задачах духовного, интеллектуального и физического здоровья человека.

Исследование сельской семьи одновременно как социального института и как малой группы. Это методологическое положение справедливо считается одним из краеугольных камней осуществления социологического анализа семьи.

Семья как социальный институт реализует такие основные функции, как репродуктивная (воспроизводственная, рождение детей); ведения домашнего хозяйства и быта; заботы о здоровье (рекреационная); социально-статусная (подготовка и обучение детей).

Как малая группа семья реализует целый ряд иных функций, которые обусловлены социальными особенностями межличностного взаимодействия, отношений и общения [13]. К таким функциям традиционно относят: навыки защиты семьи от внешних повреждающих факторов, обеспечение выживания, передачу и сохранение молодыми поколениями ценностей и традиций социума, эмоциональное и психологически комфортное ощущение поддержки, ценности своего Я, удовлетворение сексуальных потребностей, личностный и индивидуальный рост каждого члена семьи, заботу членов семьи друг о друге, реализацию потребности в организации досуга семьи, взаимопомощь в процессе трудовой деятельности и понимание важности разделения труда, приобретение коммуникативного опыта и опыта неформального общения, удовлетворение потребности реализации в детях, навык социального контроля, приобретение опыта бюджетирования семейных потребностей, снятие стрессов и заботу о здоровье близких людей.

Амбивалентность семьи и общества выражается в совокупности различных по своей социальной природе взаимодействий. В частности, как сложные противоречия характеризуются взаимодействие между экономическими и нравственными ценностями семей, между

ценностями социально-психологического и культурного порядка, между религиозными, политическими и другими ценностями членов семьи. Эти противоречия рассматриваются в работах М. К. Горшковым, В. И. Добренковым, Т. И. Заславской, М. Н. Руткевичем, Ж. Т. Тощенко, И. Антоновым, В. М. Медковым, В. В. Радаевым, Н. В. Бестужевым-Ладой, М. С. Мацковским, А. Б. Любимовым, Н. Д. Шиминым, З. А. Янковой и др. Как подчеркнуто в работах представленных авторов, в любом случае семья включена в систему общественных отношений, в экономическое, правовое, социальное и духовное пространство социума. Для социологического исследования сельской семьи это означает приоритетное значение влияния общества на реализацию сельской семьей своих функций, а именно: признание процессов возникновения, формирования или распада семьи в условиях села, специфика брачных отношений и воспитания детей в сельской местности, разрешение конфликтов и взаимодействие людей разных поколений внутри сельской семьи, социокультурные условия, влияющие на внутрисемейные отношения, образ жизни и его трансформация в сельской семье – все это проблематика, которая составляет традиционный круг исследовательских интересов на макроуровне.

Однако изучение многофункциональности только на макроуровне дает неполную картину этого явления, так как выпадает из поля зрения и анализа микроуровень [5, с. 176]. В данном случае само определение семьи связывается с понятием малой группы. Таким образом, например, определяют семью Т. И. Афасижев и С. И. Хрупин. По их мнению, семья – это малая группа, основанная на родственных связях и регулирующая отношения между супругами, родителями и детьми, а также ближайшими родственниками [12, с. 52].

Степень единства и противоречий социального и социально-психологического уровней взаимодействия проявляется многопланово, и это может охарактеризовать семейные отношения как сложный объект социологического исследования, а результат этого взаимодействия выражается в целом ряде социальных явлений и процессов – в различных фазах жизненного цикла семьи (М. С. Мацковский), в образе жизни ее участников (А. П. Буденко), в особенностях формирования бюджета семьи (А. Д. Гребенкин), в устойчивости и стабильности семьи (С. И. Голод), в удовлетворенности/неудовлетворенности браком (Ю. Е. Алешина) и т. д. В любом случае эти феномены порождаются в процессе социального и социально-психологического взаимодействия в семье, что предполагает построение методологического анализа функций семьи как на макро-, так и на микроуровне, и учет этого момента в разработке исследовательских процедур.

Территориальный, региональный, поселенческий факторы, влияющие на полифункциональность сельской семьи. Российская Федерация по переписи 2010 г. представлена 153 125 сельскими населенными пунктами (из которых 19 439 без населения) и 1286 поселками городского типа. Сельские населенные пункты составляют 87,3 % от всех населенных пунктов России. Это села и деревни, поселки, станицы, хутора, кишлаки, аулы, кордоны и др., в которых проживает 26 % населения страны. Почти четверть (23,6 %) всех сельских населенных пунктов имеет численность населения менее 10 чел. (в основном такие населенные пункты сосредоточены в Центральном и Северо-Западном федеральных округах), и еще в 12,7 % отсутствует постоянное население. По данным Росстата, на 1 января 2016 г. в целом по России доля городского населения в общей численности населения составляет 74,1 %, доля сельского населения – 25,9 %. Число сельских жителей на 1000 горожан составляет 349 человек. В целом по России сельские семьи преимущественно сосредото-

точены на юге страны. Что же касается СЗФО, количество сельских семей здесь постоянно сокращается и составляет 15,8 %, напротив, в ЮФО оно составляет 37,1 %, а в СКФО – 50,9 %. При этом следует подчеркнуть, что сельские семьи проживают не только в поселках и поселках городского типа, но и в городах. Основным признаком сельской семьи является факт ведения сельскохозяйственной деятельности. Поэтому к сельским семьям могут быть отнесены и некоторые семьи, фактически проживающие в городах. По данным статистики, для РФ характерна дезурбанизация (0,2 % в год), т. е. переезд жителей городов в деревни. Это довольно редкое явление в современном мире [14].

Обобщенно региональные, территориальные и поселенческие особенности сельских семей, особенности их адаптационных возможностей становятся объектом исследований ряда российских социологов и экономистов (В. Л. Шабанов). В проведенных исследованиях показаны различия в потреблении семей в разных регионах (М. В. Петрович), изучено влияние сельской семьи на формирование социально-профессиональных ориентаций молодежи в различных местностях (Т. П. Михура), развитие некоторых направлений предпринимательства сельских семей в зависимости от поселенческих условий (Е. А. Дятлова) и некоторые другие.

Основные отличительные черты сельской и городской семьи. Еще одним важным аспектом настоящего исследования выступает анализ своеобразия и специфики функций современной сельской семьи, которые отличаются от функций семьи в городском пространстве, в пространстве промышленных и иных социальных условий (военный гарнизон, морской порт, моногород и пр.). Поэтому тот факт, что сельское и городское население России сильно различаются по этническому, половозрастному составу, уровню и способу жизни, уже давно можно считать очевидным и банальным. Какие особенности характерны для сельской семьи?

Прежде всего, сельские семьи в силу особенностей уклада их быта и деятельности отличаются традиционализм и консерватизм, собственно этими особенностями «объясняется тот факт, что радикальные социальные сдвиги не мобилизовали, а, наоборот, заблокировали богатый человеческий материал, имеющийся в российской глубинке. Село оказалось в условиях, когда исполнение таких важнейших социальных функций, как то обеспечение продовольствием страны, социальный контроль над освоенными территориями и другие, становится затруднительным» [15, с. 3].

В современных исторических условиях российская семья выстраивается на разнонаправленных трендах перспективы развития. В частности, значительная часть российских городских семей ориентируется по западному (либеральному) образцу семьи [16], где допускаются партнерство вне брака, бигамия, групповой брак и т. п. [17], в то время как сельская семья скорее ориентирована на восточные модели брачно-семейных отношений. Восточная модель брачно-семейных отношений предполагает власть мужа, святость супружества, многодетность, непопулярность разводов, и эти принципы остаются неизменными уже тысячелетия, тогда как западная модель (супружеское партнерство, малодетность, разнообразие типов и вариантов семейных структур) испытывает быстрые и кардинальные изменения на протяжении всего нескольких столетий (Т. И. Афасижев, С. И. Хрупин) [12].

Многие важные отличия городской и сельской семьи формируются по оси индивидуализм–коллективизм. Городская семья «ориентирована в большей степени на отдельного индивида и более приспособлена к социальным трансформациям. Сельская семья является

структурой, на которую ориентируется не столько отдельный индивид, сколько сельский социум, в ней более заметно влияние традиций, в связи с чем ее нужно изучать как самостоятельную социальную структуру [10].

Специалисты отмечают следующие важные тренды развития сельской семьи:

- появление семейного предпринимательства создает новые стимулы для развития сельской семьи, что актуализирует проблему ее самоопределения относительно сфер предпринимательской деятельности (Ф. А. Мустаева);

- ухудшившееся материальное положение требует более активного участия семьи в ведении хозяйства, в сущности, превращая некоторые городские семьи в семьи сельского типа (садовые участки, индивидуальное жилищное строительство, приусадебные участки, переезды для проживания из города в деревню и пр.);

- в сельских семьях патриархального типа формируется тенденция воспроизводства городского уклада и быта, стремление к увеличению видов предпринимательской деятельности и разнообразия форм досуга, созданию комфорта (новые средства связи, транспортное обеспечение, интернет и пр.).

Положение усугубляется тем, что, по данным различных исследований, только 22 % сельских жителей положительно воспринимают рыночные преобразования как новую социальную среду, благоприятную для проявления инициативы, развития предпринимательства, обеспечивающего свободу и независимость производителей, тогда как 60 % сельских семей категорически отрицают и не поддерживают рыночную экономику [2, с. 67]. Население села стареет более выражено, чем городское население, на селе затруднены услуги социальной помощи и государства, плохое образование, сложная экологическая ситуация.

Многофункциональность сельской семьи. В научном отношении исследование многофункциональности сельской семьи имеет особое значение, поскольку даже само определение семьи в социологии «формулируется через ее признаки и функции» (А. Г. Харчев, Н. Д. Шимин). Немногим ранее многофункциональность сельского хозяйства и семейно-индивидуальных форм изучались узконаправленно, т. е. как выполнение различной хозяйственной деятельности, связанной с обеспечением определенного уровня жизни [18]. Современное требование понимания многофункциональности сельской семьи предполагает системное представление этого объекта исследования.

В принципе через исполнение каких-то важных функций дается определение категории «семья» и в юридических науках. Юристы, занимающиеся проблемами семьи, к числу ее устойчивых функций относят совместное проживание, связь прав и обязанностей, усыновление–воспитание, материальную и моральную поддержку, рождение детей, алиментные обязательства и пр. (Г. К. Матвеев, А. М. Нечаев).

Незначительно отличаются подходы к исследованиям функций сельской семьи в экономике, где полагают, что понятие многофункциональности сельской семьи означает, что «семейно-индивидуальный сектор сельской экономики выполняет функции базового порядка (хозяйственно-экономическую, репродуктивную), направленные на поддержание физиологического состояния и сохранения семьи и социально необходимые функции (по обеспечению занятости, экологическую, рекреационную и др.). Следует заметить, что на микроуровне приоритет функций для различных типов семейных хозяйств разный» [5, с. 178]. Так, для личного подсобного хозяйства горожан на современном этапе определяющей функцией является рекреационная, а для сельских жителей – хозяйственно-экономическая и

репродуктивная, хотя наметившиеся тенденции смещают вектор движения сельской семьи в сторону социально значимых функций, так как это связано с проблемой занятости и уровнем дохода. В докладах и материалах XII Никоновских чтений «Многофункциональность сельского хозяйства и устойчивое развитие сельских территорий» предлагается новая многофункциональная роль сельского хозяйства, где, в частности, обосновываются взаимосвязь и взаимодействие базовых (социальной, информационной, экологической) и производных (инновационной, информационной) функций в системе агропродовольственного сектора и представлена концепция многофункциональности сельского хозяйства [19].

Среди социальных психологов понимание семьи также представлено через такое количество функций («их столько»), сколько видов потребностей проявляется в устойчивой повторяющейся форме и удовлетворяется через исполнение этих функций (Н. Я. Соловьев). Именно поэтому формирование новой социальной среды всегда будет отражаться в появлении новых функций семьи, и, напротив, функции семьи будут сокращаться и отмирать по мере изменения условий и факторов, воздействующих на нее. При этом важно отметить, что сложившиеся традиции, устойчивые нормы и правила отношений внутри семьи могут как способствовать, так и препятствовать исполнению новых функций.

Как было подчеркнуто ранее, сельская семья в российском обществе давно стала предметом целого ряда исследований, в частности, это работы А. А. Афиногеновой, Ю. В. Арутюняна, В. Т. Беленького, В. М. Дагова, В. П. Данилова, Л. В. Даниловой, А. В. Гордона, Б. А. Энгела, О. Ю. Яхшияна, Д. Ренсела, И. Н. Слепнева.

Следует также подчеркнуть, что интерес к сельской семье фиксируется как в работах западных исследователей, так и в работах социологов Китая. Западная социология преимущественно ориентирована на конструктивистский подход в изучении сельской семьи, в частности, в исследованиях делается акцент на прагматическое понимание технологий проведения преобразований в сельских семьях в условиях информационного общества (Дж. Скотт, Р. Редфилд, Ф. Бэйли, Дж. Берджер, Х. Фридман, Б. Галенски, Г. Дюрфельд, Г. Айрот, В. Томас, К. Поланьи и др.). Многие рекомендации западных социологов по совершенствованию сельской семьи нашли свое применение в практической плоскости. Возможно, поэтому, например, в США в последнее время отмечен рост числа фермерских хозяйств, где производится натуральная пища, а сельское хозяйство стали рассматривать как крупный высокопроизводительный бизнес (на 1 работника 75 потребителей). В последнее время крупные американские корпорации стали скупать фермерские хозяйства в интересах как самообеспечения, так и производства сельскохозяйственной продукции на продажу.

Для китайской социологии (Кан Ювэй, Лян Цичао, Чжу Ююй, Янь Фу, Пань Гуандань и др.) характерны похожие традиции в изучении сельских семей, которые не так давно составляли до 75 % населения Китая. Существенное внимание китайской социологии к проблемам сельской семьи выразилось в принятии целого ряда действенных государственных решений, существенно изменивших уровень жизни китайского сельского населения, и в высоком уровне обеспечения городского населения продуктами питания со стороны деревни.

Проблемы современной сельской семьи как источник появления новых функций. Во многом эти проблемы характерны для большинства семей, однако при этом на селе они проявляются с некоторыми особенностями. В целом члены сельских семей, по данным ВЦИОМ и НИУ ВШЭ, реже отмечают, что их устраивает такая жизнь, и у них ниже степень уверенности в будущем, чем об этом говорят члены городских семей.

А. Низкая занятость, безработица и отсутствие собственности у селян стали главными факторами ухудшения жизни для большинства сельских семей, и по этой причине возникло множество других проблем и трудностей. Статистические данные, например, показывают, что в 2011 г. уровень безработицы среди городских жителей составлял 5,5 %, а среди жителей села – 10,6 %, в 2014 г. – 4,3 % и 8,3 %. Для сельской местности также в большей степени характерна долгосрочная (или застойная) безработица. Из 1,4 млн безработных сельских жителей 35,5 % в этот период находились в ситуации застойной безработицы (искали работу 12 мес. и более).

Современные эмпирические исследования подтвердили, что «главным условием устойчивости проживания семьи в сельской местности является собственность. Для устойчивого сельского развития в современных условиях также необходимо, чтобы сельский житель имел доходы, сопоставимые со средними доходами горожан или превышающие их» [4, с. 221]. Доля малоимущих домохозяйств в 2014 г. на селе составила 37,1 %, а доля номинально начисленной заработной платы была в полтора раза ниже, чем в целом по экономике (22,3 тыс. р. и 35,8 тыс. р. соответственно).

Б. Разводы и измененное к ним отношение, развитие института гражданских браков (или сожителства) на селе уже перестали быть диковинкой. В рамках таких отношений сожители чувствуют себя более свободными в исполнении своих социальных ролей и обязанностей, что делает гражданские браки привлекательными для некоторой части сельчан. Но именно необязательность исполнения ролевых функций (мужа или жены на подворье) для сельской семьи оказывается опасной тенденцией, поскольку нарушает традиционное распределение трудовых обязанностей и ухудшает общее положение семьи. Тем не менее количество таких браков растет, и они становятся характерными не только для сельской молодежи, как это было раньше, но и для людей старших поколений, которые все чаще формируют семьи без регистрации отношений. Но если раньше о такой форме семьи просто умалчивали, а нередко и осуждали ее, то современное общественное мнение на селе все чаще или равнодушно к этому феномену, или даже относится к нему с одобрением (как к «тренировке» или «проверке» будущего брака). Такие браки менее устойчивы и не в полной мере компенсируют многие стороны официального брака.

В. Появление девиантных форм воспитания детей и рост отказов от деторождения, социальное сиротство. Сельская семья особенно сложно пережила кризисы и провалы в экономической политике, повлекшие за этим жалкое существование множества людей на селе. В особенности сложной стала обстановка в многодетных семьях, где проблема выживания зазвучала очень остро. Показательна в этом отношении статистика лишения родительских прав. Так, например, Михайловским районным судом Алтайского края за 2012 г. рассмотрено всего два дела о лишении родительских прав, в 2013 г. таких дел было уже 13, за 6 месяцев 2014 г. рассмотрено 5 дел, с удовлетворением требований – 4 [20]. Многие сельские семьи, как и городские, ориентируются на одного ребенка, часть молодых сельских семей не хочет заводить детей.

Г. Патологии беременности и родов. Рождаемость в сельских семьях снижается. Если обратиться к данным Росстата, то видно, что в 2015 г. был вновь отмечен естественный прирост населения за счет городского населения, а для сельского населения, напротив, зафиксирована убыль, причем наиболее высокая за последние пять лет, в том числе и в 2013–2014 гг. [3, с. 103].

Во многом это обусловлено низким уровнем медицинского обеспечения родов. В рамках исследования Центра экономических и политических реформ в селе Кестеньга Лоухского района республики Карелия был выявлен такой факт. На плановые роды женщины ездят в Сегежу (более 350 км от Кестеньги), где есть роддом, в Медвежьегорск (450 км) или Петрозаводск. Ситуация в Кестеньге не уникальна. Все описанные проблемы – отток трудоспособного населения и в особенности молодежи, безработица и вынужденные случайные заработки, необходимость ездить в соседние поселки и города, чтобы получить справку или попасть на прием к врачу и т. д., – ярко иллюстрируют причины и характер процесса депопуляции сельских территорий [21].

Д. Сокращение числа детей в семье, слабо развитая сеть дошкольных учреждений, неразвитая система общественного питания и здравоохранения. У сельчан более высокий процент брачности, и сельские семьи традиционно были многодетными. Однако в современных условиях сельские семьи не поспевают за темпами трансформаций общества, и во многом вынуждены отказываться от многочисленного потомства из-за невозможности реализовать потребности в содержании детей. Здесь явно наметился тренд сокращения многодетных семей и увеличения числа тех, кто хотел бы иметь только одного ребенка.

Е. Миграция сельского населения. Уход из села мужчин. В 2000–2015 гг. зафиксирован постоянный миграционный поток из сельской местности. Это особенно опасно для сохранения опыта жизни для молодого поколения. Сельская семья строится на наследовании трудовых и профессиональных традиций старших поколений. Это с необходимостью предполагает совместную выработку планов и жизненных стратегий между молодыми сельчанами и старшими поколениями. Однако заторможенность, связанная с медленным внедрением достижений бытовой революции, а также большие временные затраты на ведение домашнего хозяйства подталкивают значительную часть молодежи к внесемейной мобильности. Исследователи, в частности Т. Г. Нефедова, выделяют крайне характерное для современной России явление – так называемое «отходничество», т. е. возвратные трудовые миграции, когда «люди по собственной инициативе временно покидают с недельными, месячными, полугодовым ритмом свои дома и семьи ради заработков в крупных центрах и агломерациях» [22]. В данном случае мы имеем дело с «пролонгированной, ступенчатой урбанизацией», поскольку многие «отходники» зачастую в конце концов закрепляются в городах, переезжая туда уже вместе со своими семьями. Более мобильны к переездам юноши и молодые мужчины, которые находят применение своему потенциалу в городе. Еще более серьезные последствия имеет отрыв (уход) отцов от семьи, которые ради заработка вынуждены находить работу в городах. Это приводит к росту числа матерей-одиночек и создает существенные трудности для формирования молодых семей.

Многофункциональность современной сельской семьи возникает из необходимости одновременно решать многочисленные и при этом разнородные задачи и проблемы, обеспечивающие ее жизнедеятельность в условиях быстро меняющегося социума, недостатка ресурсов и потенциалов.

В сложных современных условиях сельская семья как социальный институт с трудом оправдывает свое историческое назначение, ориентируясь на сочетание традиционных устоев с новыми факторами социального развития. Множество противоречий и трудностей накапливается в сфере взаимодействия с экономической и социальной подструктурами общества, а также в правовой и духовной сферах. В условиях разрушения системы образования на селе семья играет решающую роль в социализации подрастающего поколения

и его адаптации к жизни в новых социально-экономических условиях. При этом влияние семьи часто оказывается неэффективным. Как социальный институт семья с трудом обеспечивает решение функций самовоспроизводства и самосохранения, выживания и защиты членов семьи.

Как малая социальная группа сельская семья остается оплотом сложившихся ценностей, норм и правил поведения.

В структуре функций сельской семьи выделяются базовые функции (обеспечение совместного проживания, репродуктивная, рекреационная, хозяйственно-экономическая и др.), играющие важную роль для семьи как социальной ячейки общества, и функции обеспечения жизнедеятельности (статусно-ролевые права и обязанности членов семьи, материальная и моральная поддержка, рождение, усыновление и воспитание детей, трудовая занятость, разделение труда, обеспечение дохода членов семьи, бюджетирование, экологические, эмоционального комфорта, взаимопомощи, личностный и индивидуальный рост, коммуникация и неформальное общение, удовлетворение сексуальных потребностей, самовоспроизводство в детях, накопление социокультурного опыта, снятие стрессов и др.).

В зависимости от сферы деятельности функции семьи могут быть классифицированы на нормативно-правовые, социальные, экономические и психологические. Особого внимания требует исследование инновационных функций сельской семьи как значимых для выживания деревни в условиях современного трансформирующегося общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черняк Е. М. Трансформация семьи в XXI веке // *Семья в России*. 2008. № 4. С. 4–10.
2. Хижаева Т. М. Кризис современной сельской семьи и некоторые подходы к его решению // *Отечественный журн. социальной работы*. 2007. № 3. С. 66–70.
3. Никитина Г. А. Вымершие деревни как устойчивый феномен современности (на примере Удмуртии) // *Историческая этнография: сб. науч. ст. Вып. 5 / под ред. И. И. Верняева, А. Г. Новожилова*. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 102–106.
4. Узун В. Я. Семейное хозяйство – основа устойчивого сельского хозяйства // *Многофункциональность сельского хозяйства и устойчивое развитие сельских территорий / отв. ред. С. О. Сиптиц*. М.: ВИАПИ им. А. А. Никонова: Энциклопедия российских деревень, 2007. С. 220–222.
5. Мамедов А. К. Теоретические аспекты многофункциональности сельской семьи // *Изв. ОГАУ*. 2012. № 37–1. С. 176–179.
6. Булгакова С. А. Кризис семьи и традиционных устоев в современном обществе // *Инновационная наука*. 2016. № 5–1 (17). С. 215–217.
7. Попов В. Г. О развитии семьи в современных условиях // *Семья на рубеже веков: междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 5–6 дек. 2000 г. Пермь, 2000*. С. 11.
8. Карцева Л. В. Семья в Поволжье в условиях социально-экономического кризиса: анализ результатов мониторинга социально-психологического и социально-экономического положения семей в Татарской, Марийской и Чувашской республиках. Казань: Изд-во КГТУ, 2000. 66 с.
9. Свадьбина Т. В. Семья и российское общество в поиске обновления. Н. Новгород: Нижегород. гос. пед. ун-т, 2000. 339 с.
10. Шафранская Ч. Я. Сельская семья в трансформирующемся обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук / КГЭУ. Казань, 2005.
11. Дармодехин С. В. О положении семей в Российской Федерации, 1994–1996 гг. М.: НИИ семьи, 1998. 183 с.
12. Афасижев Т. И., Хрупин С. И. Семейно-брачные отношения в современном социокультурном пространстве России: региональный аспект // *Вестн. АГУ. Сер. 1. «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология»*. 2009. № 2. С. 52–60.

13. Дерюгин П. П. Социальная диагностика межличностных отношений в истории западной и отечественной социологии. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001. 98 с.
14. Сельское и городское население России: данные переписи населения. Население Крыма. URL: <http://fb.ru/article/285607/selskoe-i-gorodskoe-naselenie-rossii-dannye-perepisi-naseleniya-naselenie-kryima> (дата обращения: 30.11.2017).
15. Шеуджен С. Г. Сельская семья в современном российском обществе: социокультурный анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук / МГТУ. Майкоп, 2010.
16. Баянова Е. В., Кузеванова Е. В. Структура семьи в западной и восточной культурах // Молодой ученый. 2016. № 9. С. 1014–1017.
17. Сакалюк А. Преддверие ада – рай западного образца. Европейская модель уничтожения семьи. URL: <http://shabdua.livejournal.com/5779720.html> (дата обращения: 30.11.2017).
18. Безаев И. И. Исторические аспекты формирования и региональные особенности развития личных хозяйств в системе многоукладного сельского хозяйства. Н. Новгород: НГСХА, 1998. 248 с.
19. Крылатых Э. Н. К разработке концепции многофункциональности агропродовольственного сектора (АПС) // Никоновские чтения. 2007. Вып. 12. С. 3–5.
20. Причины для лишения родительских прав // Сельская правда. Алтайский край, Михайловский район. 30 авг. 2014. URL: <http://mizinfo.ru/news/2014-09-01/3355/> (дата обращения: 30.11.2017).
21. Россия – страна умирающих деревень. Часть II. URL: <http://rusrand.ru/analytics/rossiya-strana-umirayuschih-dereven-chast-II> (дата обращения: 30.11.2017).
22. Нефедова Т. Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema02.php> (дата обращения: 30.11.2017).

P. P. Deryugin
Saint Petersburg State University

O. V. Yarmak
Sevastopol State University

D. M. Serebrov
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

POLYFUNCTIONALITY OF MODERN RURAL FAMILIES: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES OF THE STUDY

The article reveals the main methodological principles of the analysis of the multifunctional nature of modern rural families in the changing Russian society. The importance of concrete historical approach, taking into account regional peculiarities of living of rural families, consideration of the functions of the family as a social institution and as a small social group, the need to distinguish between functions of rural and urban family are shown. New social challenges that affect the appearance of actual approaches to the study of family functions are presented. The polyfunctionality of the rural family is considered as a necessity to realize the challenges of the external environment and meet the needs of family members.

Polyfunctionality, rural family, rural family as a social institution, the rural family as a small group, classification of the family functions

УДК 338.48-6:332.02: 303.2

Н. В. Казаринова, А. А. Чугунова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Включение туризма в ресурс Soft Power, т. е. в арсенал ненасильственных инструментов и технологий достижения стратегических целей и задач, демонстрирует готовность исследователей и политиков-практиков к контекстному сдвигу в понимании природы политического управления. Концепт Soft Power («мягкая сила») все более определенно дистанцируется от технологий манипулирования сознанием, информационных войн, идеологических диверсий и других приемов политического воздействия в направлении расширения коммуникативных технологий и навыков, ведущих к улучшению взаимопонимания и снижению напряженности между людьми. Однако переосмысление туризма в качестве «мягкой силы» требует тщательной аналитической и практической работы. Предлагаемый контент-анализ публикаций в зарубежных научных журналах, посвященных изучению туризма как технологии Soft Power, нацелен на выяснение того, насколько интенсивно ведется такая работа.

Туризм, Soft Power, политическая власть, контент-анализ

«Если вы можете заставить других желать то, чего вы желаете, вам не придется тратить много ресурсов на кнут и пряник, чтобы заставить людей двигаться в нужном направлении» [1, с. 10]. Это высказывание специалиста по международным отношениям Дж. Наю, а также используемый им термин «Soft Power» (обычно его переводят «мягкая сила») актуализировали с начала 2000-х гг. интерес к коммуникативным ресурсам власти как в академической и медиасреде, так и в политических кругах. Подобный интерес объяснялся острой потребностью в новых концептах политической науки для анализа и формирования инструментов политического влияния государств в условиях меняющейся международной системы и глобальной конкуренции, а также с учетом конституционных ограничений и чувствительности общественности к принуждению. Soft Power рассматривалась как особого рода управленческая политика, направленная на использование ненасильственных методов воздействия, инструментов и технологий достижения стратегических целей и задач.

Антитеза Soft Power – «жесткая сила», а именно инструменты военного и экономического давления. В отличие от последних, «мягкая сила» акцентирует способность государства привлекать к себе другие государства путем демонстрации ценностей и достижений в разных областях жизни и, как результат, формировать и удерживать такие нематериальные источники и виды легитимации, как лояльность, согласие, признание, идентичность, имиджевая харизматичность, верность бренду. Иначе говоря, понятие «мягкая сила» выступает зонтичным по отношению к понятиям бренда, имиджа, идентичности, символической политики, культурной дипломатии и др. [2].

Дж. Най, предложив данный концепт, оценивал степень воздействия «мягкой силы» по ее результату, а именно сложился ли притягательный образ страны в глазах международного сообщества. «Мягкая сила» страны, согласно Наю, «прочно зиждется на трех

основных источниках: ее культуре (в местах, где она привлекательна для других), ее политических ценностях (когда она сама живет согласно этим ценностям и руководствуется ими в отношениях с другими странами) и ее внешней политике (когда другие считают ее законной и имеющей моральное право)» [3, с. 152–153].

Вместе с тем растущая популярность концепта «мягкой силы» в академических и политических кругах вызвала потребность в создании рейтингов «мягкой силы» и методик ее оценки. Так, была предложена структура Soft Power, включающая пять категорий (или видов):

1) бизнес/инновации (business/innovation) – привлекательность экономики страны в плане открытости, способности к инновациям;

2) культура (culture) – влияние институтов и достижений культуры, распространенность языка, международный охват культурными продуктами страны;

3) правительство (government) – привлекательность модели управления страной;

4) дипломатия (diplomacy) – способность формировать благоприятный национальный нарратив для международной аудитории;

5) образование (education) – привлекательность системы вузовского образования, академическая мобильность [4, с. 46].

Дальнейшая работа по описанию параметров оценки Soft Power привела к появлению «soft power index», который базировался на комплексном анализе различных видов рейтингов, применяемых при оценке конкретных мощностей отдельных стран. Предложенный британским исследователем Дж. МакКлори «индекс мягкой силы быстро растущих рынков» (Rapid-growth markets soft power index) включал 13 параметров, среди которых: экспорт медиапродукции (включая фильмы, музыку, компьютерные игры, книги); распространение государственного языка в качестве инструмента международного общения; проведение Олимпийских игр как уникальная возможность для страны-организатора завоевать признательность в области спорта со стороны других стран; попадание в топ-лист наиболее влиятельных бизнес-компаний, который регулярно публикует журнал «Fortune» и др. [5, с. 49–52].

В отдельную группу были выделены индексы, обозначенные термином «Global integration», демонстрирующие участие страны в мировом интеграционном процессе. В это число вошли такие показатели, как иммиграция (рост числа иммигрантов как показатель привлекательности страны для иностранных граждан, что свидетельствовало о высоком уровне ее Soft Power); мировой университетский рейтинг (количество иностранных студентов и студентов, отправляемых на учебу за границу в рамках программ образовательного обмена, а также востребованность выпускников вуза на мировом рынке труда); туризм, понимаемый как индустрия, в рамках которой осуществляются обмен ценностями, изучение истории и культуры других стран, вовлечение широких масс в межкультурную коммуникацию.

На наш взгляд, включение туризма – деятельности, которая, казалось бы, находится вне политического пространства, – в ресурс Soft Power демонстрирует готовность исследователей и политиков-практиков к контекстному сдвигу в понимании природы политического управления: концепт «мягкая сила» все более определенно дистанцируется от технологий манипулирования сознанием, информационных войн, идеологических диверсий и других приемов политического воздействия в направлении расширения коммуникативных технологий и навыков, ведущих к улучшению взаимопонимания и снижения напряженности между людьми. Однако переосмысление туризма как «мягкой силы» требует длительной тщательной аналитической и практической работы, продуктом которой оказывается перестройка представлений о ресурсах политического управления.

Предлагаемый в данном материале контент-анализ публикаций, посвященных изучению туризма как технологии Soft Power, был нацелен на выяснение того, насколько интенсивно ведется такая работа.

Основной целью анализа был замер публикаций, посвященных названной проблеме, в зарубежных научных журналах. Изучение активности и тематической ориентации отечественных исследователей в этой области еще предстоит.

Описание исследования. Поиск статей осуществлялся на сайтах трех крупнейших мировых издательств научной литературы, а именно: американской издательской группы «Taylor and Francis»; крупнейшего издательства Великобритании и крупнейшего университетского издательства в мире Oxford University Press (OUP); SAGE Publications, ведущего в мире независимого издательства академической и профессиональной литературы.

Отбор материала по теме проводился с использованием следующего запроса: наличие в статьях/книгах (в названии, аннотации, ключевых словах и в самом тексте) термина «Soft Power» и слова «туризм». Анализировался период публикаций с января 2014 г. по декабрь 2017 г., т. е. материалы, опубликованные за последние три года.

Объем выборки составил 400 статей.

В соответствии с задачей нашего исследования в качестве *категорий анализа* были выбраны:

1. Соотнесение Soft Power и туризма в названии статьи.
2. Функциональное описание туризма в контексте Soft Power (SP), а именно:
 - а) SP как политическая программа или политическая задача;
 - б) SP как политическая технология или процедура;
 - в) SP как аналитическая/концептуальная рамка.
3. Коннотативное значение взаимосвязи Soft Power и туризма:
 - а) позитивное;
 - б) нейтральное;
 - в) негативное.

Единицей анализа стали опубликованные авторские аннотации к исследовательским статьям.

Единицей счета служили упоминаемые в аннотации функциональные описания туризма как «мягкой силы» с выделением коннотативных значений этих описаний (позитивное, нейтральное, негативное).

Из 400 просмотренных публикаций лишь в 12 (т. е. 3 %) предметом рассмотрения является туристическая деятельность в контексте Soft Power.

В приведенной таблице представлены результаты контент-анализа.

№	Категория анализа	Единицы счета: содержательное описание	Число упоминаний
1	Соотнесение Soft Power (далее SP) и туризма в названии статьи		12
		(1) Города, музеи и «мягкая сила». (2) Анализ возможностей «мягкой силы» в приграничном туризме. (3) Волонтеры как «новая» модель граждан: управление гражданами с помощью «мягкой силы». (4) Спортивные мегасобытия как часть государственной стратегии «мягкой силы»: на примере Германии (2006) и Великобритании (2012). (5) «Мягкая сила» Индии в Южной Азии. (6) Концептуализация привлекательности страны: обзор исследований.	

Продолжение таблицы

№	Категория анализа	Единицы счета: содержательное описание	Число упоминаний
		(7) «Возвращение величия в Великую Британию»: национальная идентичность, государственно-частное сотрудничество и трансферы бренда в рамках глобальной рекламной кампании 2012 г. (8) Переговорный рай: туризм и империя США в Латинской Америке двадцатого века. (9) Голливуд, туризм и связи с общественностью как «мягкая сила» поствоенной Испании. (10) Китайский выездной туризм как форма дипломатии. (11) Гастродипломатия в туризме. (12) Зеркало, настенное зеркало, какое самое мягкое? Оценивая японские и китайские стратегии «мягкой силы» в эпоху конкуренции	
2	Функциональное описание туризма в контексте Soft Power		
	SP как политическая программа/ политическая задача	(1) На связь между «мягкой силой» и музеями могут влиять перемены в деловом секторе и потреблении, оказывая воздействие на способы, которые музеи используют в работе со своими посетителями. (3) Как Китай использует «мягкую силу» – через привлекательность и привязанность – в своих управленческих стратегиях. (4) Как Германия и Великобритания все чаще используют спортивные мероприятия как часть стратегий «мягкой силы». (10) В Китае выездной туризм является демонстрацией «мягкой силы» и неразрывно связан с политикой. Китайское правительство осуществляет контроль и влияние на развитие выездного туризма с тем чтобы последний развивался в соответствии с политической повесткой дня страны. (11) Гастродипломатия, стратегическое использование кухни как средства влияния на восприятие нации, включается в спектр публичной дипломатии, находится на точке пересечения еды, туризма и дипломатии. (12) Характер стратегических разногласий изменился настолько, что «конкуренция за “мягкую силу” становится все более важной в международных отношениях»	6
	SP как политическая технология/ процедура	(1) В пространстве музеев, в представленных в них нарративах влияние может быть считано как информационно-просветительская, пропагандистская деятельность. (5) В настоящее время Индия пытается восстановить свой позитивный имидж в регионе и привлечь большее число соседей к реализации концепции общего процветания и мира с помощью политики «мягкой силы». (7) Как и почему Великая Британия оказалась альтернативой сложившимся структурам, соответствующей политике «мягкой силы», публичной дипломатии и маркетинга в Великобритании. (9) Использование инструментов притягательности и сотрудничества, а не принуждения и подкупа. (10) Двусмысленность политики китайского выездного туризма связана не столько с областью потребления, сколько с политикой, с тем, как именно туризм реализует форму дипломатии	5
	SP как «аналитическая рамка» для туризма	(1) За расширенное определение «мягкой силы» благодаря включению политики «мягкой силы» в пространство музеев. (2) Анализ содержания «мягкой силы» показывает, что туристические организации могут содействовать развитию мирных отношений между двумя странами, активно сотрудничая с правительственными ведомствами, чтобы смягчать военные/конфликтные воспоминания и агрессивное проявление «жесткой» силы. (4) Как Великобритания, имея международный имидж, принципиально отличающийся от имиджа Германии до 2006 г., по-иному использует стратегию «мягкой силы».	8

№	Категория анализа	Единицы счета: содержательное описание	Число упоминаний
		(5) Обзор самых последних инициатив, направленных на улучшение политики «мягкой силы» в Индии в отношении ее соседей, а также попытки оценить эффективность этой стратегии. (6) В статье представлен синтез концепции «мягкой силы», охватывающий все аспекты эмпирических данных. (8) «Мягкая сила» определяется здесь как «настойчивое влияние, которое оказывают друг на друга локальные и глобальные культуры и которое проявляется там, где действуют агенты, не зависящие от государства, например, путешествующие писатели, художники, ученые, владельцы гостиниц, менеджеры, артисты, медиамагнаты, рекламодатели и мн. др. (11) Работа призывает к более комплексным и целостным подходам к гастродипломатии в туризме (как в исследованиях, так и в публичной политике), рассматривающим туристический пищевой ландшафт нации в целом в качестве реального дипломатического ресурса. (12) Исследовательская служба Конгресса США определяет «мягкую силу» широко, включая в нее «международную торговлю, иностранные инвестиции, помощь в целях развития, дипломатические инициативы, культурное влияние, гуманитарную помощь, поездки и туризм»	
3	Коннотативное значение взаимосвязи SP и туризма		
	Позитивное (+)	(1) Влияние может быть прочитано как информационно-просветительская, пропагандистская работа. (2) «Мягкая сила» поможет укрепить мир, смягчить военные / конфликтные воспоминания. (4) Опираясь на концепцию «мягкой силы» Джозефа Ная, мы проводим эмпирическое исследование стратегического использования Германией спортивного мегасобытия (ЧМ по футболу 2006 г.) как способа успешного изменения имиджа страны среди «иностранной публики». (5) Это может принести ощутимый позитивный эффект и трансформировать отношения в Южной Азии в долгосрочной перспективе. (6) Исследователи государственного управления и политики-практики должны учитывать концепцию привлекательности страны, основного элемента «мягкой силы» страны, поскольку она может играть ключевую роль в повышении успеха стратегий и политики стран в различных областях международной конкуренции. (9) Инструменты притягательности и сотрудничества, а не принуждения и подкупа. (10) Китай использует выездной туризм как «мягкую силу» в решении дипломатических вопросов в соответствующих странах и регионах. (11) Целостный подход к гастродипломатии в туризме (как в исследованиях, так и в публичной политике), рассматривающий туристический пищевой ландшафт нации в целом в качестве реального дипломатического ресурса. (12) «Мягкая сила» – это «способ восприятия страны, который может иметь решающее значение для успеха ее деловых, торговых и туристических усилий, а также ее дипломатических и культурных отношений»	9
	Негативное (–)	(8) Противоречивое влияние, которое принимающие общества оказали на посетителей из Соединенных Штатов, и, шире, на политику США. В «продолжающихся международных переговорах» по туризму многое поставлено на карту, о чем свидетельствуют три материала, представленные в этом издании	1
	Нейтральное (=)	(3) Эти дискурсы организуют повседневную жизнь граждан; они помогают волонтерам усвоить и воплотить идеал образцового гражданина, и в качестве таковых они являются частью организованной практики, используя которую в Китае управляют людьми. (7) Взаимосвязь между экономическими и символическими ресурсами, включая сотрудничество между государственным и частным секторами и доказательства для определения влияния и ценности	2

Примечания:

(1) Decker J. Cities, museums and soft power // J. Consumption Markets & Culture. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10253866.2016.1236254>.

(2) Deepak C. Soft power analysis in alienated borderline tourism // J. of Heritage Tourism. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1743873X.2017.1337775?scroll=top&needAccess=true>.

(3) Gladys Pak L. Volunteers as the «new» model citizens: Governing citizens through soft power. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0920203X10393212>.

(4) Grix J., Houlihan B. Sports Mega-Events as Part of a Nation's Soft Power Strategy: The Cases of Germany (2006) and the UK (2012). URL: <http://journals.sagepub.com/doi/full/10.1111/1467-856X.12017>.

(5) Kugiel P. India's Soft Power in South Asia. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0020881714534033>.

(6) Kwang-Hoon L. The conceptualization of country attractiveness: a review of research. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0020852314566002>.

(7) Pamment J. «Putting the GREAT Back into Britain»: National Identity, Public-Private Collaboration & Transfers of Brand Equity in 2012's Global Promotional Campaign. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/full/10.1111/1467-856X.12039>.

(8) Roorda E. P. Dennis Merrill. Negotiating Paradise: U.S. Tourism and Empire in Twentieth-Century Latin America. Chapel Hill: University of North Carolina Press. 2009. P. XVI, 327. URL: <https://academic.oup.com/ahr/article/116/2/489/33500> (Published: 01 April 2011).

(9) Thunnis Van O. Franco Sells Spain to America. Hollywood, Tourism and Public Relations as Postwar Spanish Soft Power // Historical J. of Film, Radio and Television Published online: 21 Jan 2016. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01439685.2015.1130947>.

(10) Tony S. M. Tse. Chinese Outbound Tourism as a Form of Diplomacy. Published online: 10 Apr 2013. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21568316.2013.783738>.

(11) Wantanee S. Gastrodiplomacy in tourism. Published online: 09 Aug 2017. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13683500.2017.1363723>.

(12) Yee-Kuang H. Mirror, mirror on the wall, who is the softest of them all? Evaluating Japanese and Chinese strategies in the 'soft' power competition era / International Relations of the Asia-Pacific. URL: <https://doi.org/10.1093/irap/lcp023>.

Аналитический комментарий. Авторы большинства работ (8 из 12) своей основной задачей видят лишь обоснование возможности включения туризма в арсенал ресурсов и средств SP. Из чего можно сделать вывод, что осмысление туризма как ресурса SP пока либо не актуально, либо сохраняет статус исследовательской и практической проблемы. При этом сама задача воспринимается позитивно.

Отчасти в логике незавершенной смены когнитивной рамки можно объяснять и сравнительно небольшое число исследований (6 из 12), в которых туристическая деятельность рассматривается как имеющая политическое содержание и соответственно может быть включена в ряд политических задач и программ.

То, что в половине работ (в 6 из 12) описываются технологические и процедурные аспекты туристической деятельности, как если бы политическая роль такой деятельности была само собой разумеющейся, может свидетельствовать об уже проделанной методологической работе (не требуется акцентировать методологический контекст, если он очевиден), однако используемый

в аннотациях дискурс просьбы, предложений, призыва к властям обратить внимание на значение туризма в качестве «мягкой силы» скорее указывает на незавершенность когнитивного пересмотра и, как следствие, на описание конкретных примеров, исторического опыта в качестве предпочитаемых аргументов воздействия.

Таким образом, проведенный контент-анализ публикаций в иностранных научных журналах по теме «туризм как ресурс Soft Power» позволяет утверждать, что исследователи туризма толкуют использование ресурсов «мягкой силы» как перспективный подход к развитию отрасли и одновременно как ресурс гуманизации политических технологий. В то же время моделирование конкурентоспособных образов страны, региона, территории с использованием коммуникативных и дискурсивных практик Soft Power предполагает изобретательность, тактичность и понимание природы формирования таких ментальных структур массового сознания, как стереотипные представления, предпочтения, увлечения, удовольствия, переживания, мечты, идеалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nye J. Soft Power. The means to success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p.
2. Русакова О. Ф. Гуманитарный капитал soft power: структурно-измерительные подходы. URL: <https://ppt-online.org/179777> (дата обращения: 12.12.2017).
3. Най Дж. С. Будущее власти / пер. с англ. В. Н. Верченко. М.: АСТ, 2014. 448 с.
4. Ковба Д. М. Измерение soft power// Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О. Ф. Русаковой. Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2015. С. 44–59.
5. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О. Ф. Русаковой. Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2015. 376 с.

N. V. Kazarinova, A. A. Chugunova
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

TOURISM AS A RESOURCE OF SOFT POWER: A CONTENT-ANALYSIS OF PUBLICATIONS IN FOREIGN SCIENTIFIC JOURNALS

The article is devoted to tourism as a resource of Soft Power. A content analysis of publications in foreign scientific journals on the subject demonstrates that the perception of tourism in the context of soft power is evaluated as a promising direction in the development of tourism industry, as well as an opportunity to humanize political technologies.

Tourism, Soft Power, political power, content analysis

Брусакова Ирина Александровна

Д-р техн. наук, профессор, заведующая кафедрой инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (931) 257-36-70. E-mail: brusakovai@mail.ru

Веселов Юрий Витальевич

Д-р социол. наук, профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (921) 911-11-59. E-mail: yurivitalievichveselov@yahoo.com

Викентьева Светлана Александровна

Аспирантка кафедры философской антропологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (960) 230-70-02. E-mail: kopelius@mail.ru

Гуляева Ольга Анатольевна

Канд. техн. наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Петербургского государственного университета путей сообщения Александра I.

Тел.: +7 (911) 908-19-30. E-mail: oaioa@mail.ru

Дерюгин Павел Петрович

Д-р социол. наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (964) 323-61-65. E-mail: ppd1@rambler.ru

Казаринова Надежда Васильевна

Канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (921) 770-61-80. E-mail: NVKazarinova@mail.ru

Косухина Мария Александровна

Канд. экон. наук, доцент кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (931) 201-13-19. E-mail: masha.kossukhina@mail.ru

Кумпен Александр Андреевич

Канд. филос. наук, доцент кафедры социальных технологий Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург.

Тел.: +7 (905) 213-36-14. E-mail: kumpenn@mail.ru

Лебединцева Любовь Александровна

Д-р социол. наук, доцент кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (962) 705-67-98. E-mail: llebedintseva879@gmail.com

Мардас Анатолий Николаевич

Д-р воен. наук, канд. техн. наук, профессор кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (906) 228-61-77. E-mail: a.n.mardas@mail.ru

Марков Борис Васильевич

Д-р филос. наук, профессор кафедры философской антропологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (812) 274-80-51. E-mail: bmarkov@mail.ru

Орлова Надежда Хаджимерзановна

Д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (812) 328-94-21. E-mail: nadinor@mail.ru

Пафомова Людмила Алексеевна

Канд. филос. наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (921) 311-26-37. E-mail: filgf@yandex.ru

Росенко Маргарита Николаевна

Заслуженный деятель культуры Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, д-р филос. наук, заслуженный профессор СПбГЭТУ «ЛЭТИ», профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: (812) 543-44-39.

Савин Сергей Дмитриевич

Канд. социол. наук, доцент кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (921) 924-79-13. E-mail: ssd_sav@mail.ru

Семенов Виктор Павлович

Д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и систем качества Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (921) 424-51-10. E-mail: vps@etu.ru

Серебров Дмитрий Михайлович

Аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (964) 343-41-64. E-mail: argentumoff@ya.ru

Федоров Роман Валентинович

Канд. филос. наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (921) 949-87-23. E-mail: eltech@ro.ru

Фомин Владимир Ильич

Канд. техн. наук, доцент кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (911) 113-67-89. E-mail: vfomin.vfomin@ya.ru

Цзинь Цзюнькай

Аспирант кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (981) 861-94-38. E-mail: j530519513@126.com

Чугунова Анна Алексеевна

Аспирантка, ассистент кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (911) 014-33-20. E-mail: aachugunova@etu.ru

Ярмак Ольга Валерьевна

Канд. социол. наук, доцент, руководитель Центра социологических исследований Севастопольского государственного университета.

Тел.: +7 (8692) 43-51-58. E-mail: sociocentre@sevsu.ru

В редакционный совет журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- файлы на CD-диске (в отдельных случаях по предварительному согласованию с редсоветом допустима передача материалов по электронной почте):
 - рукопись статьи;
 - сведения об авторе(ах);
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
 - рукопись статьи (статья должна быть объемом до 1 п. л. (40 000 знаков, включая пробелы));
 - сведения об авторе(ах);
 - рекомендация кафедры с указанием наименования тематического раздела, в котором предполагается опубликование материала;
 - экспертное заключение о возможности опубликования материала в открытой печати (*только для рубрики «Экономика и управление народным хозяйством»*);
 - сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих (не обучающихся) в СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Сведения об авторах должны содержать:

1. Фамилию, имя, отчество (полностью) автора.
2. Основное место работы.
3. Должность.
4. Ученую степень, ученое звание.
5. Контактный телефон, адрес электронной почты.

Все сведения печатаются в строку (без отступов между абзацами) на русском и английском языках.

Правила оформления текста статьи

Статья должна содержать признаки научной публикации, быть тщательно отредактированной:

- текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 97;
- формат бумаги А4;
- параметры страницы: поля – верхнее, нижнее и левое 2,5 см, правое 2 см, верхний колонтитул 2 см, нижний колонтитул 2 см;
- основной текст статьи: шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; первая строка с абзачным отступом 0,8 см; междустрочный интервал «Множитель 1,15»; автоматическая расстановка переносов.

На первой странице указывается индекс УДК (в левом верхнем углу; шрифт «Times New Roman» 14 pt; междустрочный интервал одинарный); далее даются инициалы и фамилии авторов, затем основное место работы, название статьи, аннотация статьи и ключевые слова на русском языке. Инициалы и фамилии авторов, основное место работы, название статьи, аннотация статьи и ключевые слова на английском языке размещаются в конце публикации после библиографического списка.

Перечень авторов разделен запятыми, инициалы перед фамилиями (шрифт «Times New Roman» 12 pt, полужирный; выравнивание по левому краю, абзацный отступ слева 0,8 см; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем 20 pt, после 0 pt, междустрочный интервал одинарный).

Основное место работы набирается строчными буквами (шрифт «Times New Roman» 12 pt, курсив; выравнивание по левому краю, абзацный отступ слева 0,8 см; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем 0 pt, после 8 pt, междустрочный интервал одинарный).

Название статьи набирается прописными буквами (шрифт «Times New Roman» 15 pt; полужирный; выравнивание по левому краю; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем 12 pt, после него – 12 pt; междустрочный интервал одинарный).

Аннотация содержит 3–7 строк, характеризующих содержание статьи (шрифт «Times New Roman» 9 pt, курсив; выравнивание по ширине; отступы: слева и справа 0,8 см; интервалы перед абзацем 6 pt, после 0 pt, междустрочный интервал одинарный).

Ключевые слова состоят из 3–10 слов и словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми, в конце их перечисления точка не ставится; шрифт «Times New Roman» 10 pt, полужирный; выравнивание по левому краю; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем 12 pt, после него 12 pt; междустрочный интервал одинарный).

Далее следует текст статьи.

После основного текста следует библиографический список, который включает:

➤ *заголовок* «Список литературы» набирается прописными буквами (шрифт «Times New Roman» 12 pt, жирный; выравнивание по центру; интервалы: перед абзацем 12 pt, после него 8 pt; междустрочный интервал одинарный);

➤ *библиографическое описание источника* с порядковым номером ссылки на него по тексту, начиная с первого, выполненное по ГОСТ 7.3–2003. Библиографическое описание документа. Введ. 01.07.2004 / Госкомстандарт. М., 2004 (отдельным абзацем; шрифт «Times New Roman» 10 pt; первая строка с абзацным отступом 0,8 см; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный).

Сноски постраничные. Нумерация сносок сквозная в рамках страницы (шрифт «Times New Roman» 10 pt, обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный).

Для создания *формул* используется редактор MathType. Необходимо использовать следующие установки редактора формул. Размеры: «полный» 12 pt, «подстрочный» 10 pt, «под-подстрочный» 8 pt, «символ» 16 pt, «подсимвол» 14 pt; стили: текст, функция, число – шрифт «Times New Roman», вектор-матрица – шрифт «Times New Roman», полужирный; греческий малый, греческий большой, символ – шрифт «Symbol», прямой; переменная – шрифт «Times New Roman», курсив.

При наборе формул без использования редактора формул индексы ставятся размером 10 pt со смещением на 3 pt вверх или вниз (Главная → Шрифт → Дополнительно → Смещение) в зависимости от того, надстрочный или подстрочный индекс. Не использовать Шрифт → Видоизменение → надстрочный/подстрочный. Если у величины есть одновременно и надстрочные, и подстрочные символы, то формула создается только в редакторе MathType.

Формулы, помещенные на отдельной строке, набираются с интервалами: перед формулой 4 pt, после нее 4 pt; междустрочный интервал одинарный.

На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица должны быть пронумерованы (напр.: рис. 1, табл. 3).

Текст в *таблицах* печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындекс 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами (без знака номера перед ними и без точки на конце, интервал перед 6 pt, после 4 pt; выравнивается по правому краю таблицы и выделяется светлым курсивом). Ширина таблицы не более 16,5 см, интервал после нее 6 pt.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются средствами Word или другими программами (CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)) в черно-белом виде. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpeg, .tiff) должно быть не менее 300 dpi. Основные линии на рисунках (границы блоков и соединительные линии на схемах, линии графиков) имеют толщину 1 pt, вспомогательные (линии-выноски, оси, размерные линии) – 0,6 pt. Рисунки не вставлять в рамки или полотно.

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит только его номер (шрифт «Times New Roman», курсив, 10 pt) и располагается по центру под рисунком (например, *Рис. 1*). Все тексты и обозначения на рисунке даются шрифтом размером 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt с одинарным интервалом; цифровые обозначения на линиях выносок и номер рисунка даются курсивом. Буквенные обозначения фрагментов рисунка (шрифт «Times New Roman», курсив, 10 pt) ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например, рис. 1, а); интервалы: перед рисунком и после него 6 pt. Ширина рисунка не более 16,5 см.

Перечень основных тематических направлений журнала:

- Философские науки
- Экономика и управление народным хозяйством
- Социологические исследования

Рукописи аспирантов печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить по адресу: discourse@etu.ru